

Дело о чудовище

с четвертого
этажа

Анна Мезенцева

Анна Мезенцева

Дело о чудовище с четвертого этажа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69869146

SelfPub; 2023

Аннотация

Участковый в маленьком городке расследует преступление, совершенное чудовищем из русских сказок. Городское фэнтези с детективной линией, смешное и пугающее одновременно. Ранним утром Егор Одинцов, молодой участковый в небольшом сибирском городке, отправился на вызов. Но вместо соседей-хулиганов наткнулся на огромного волка, сумевшего открыть засов на сарае и загрызть свинью. Уже к полудню Егор оказался втянутым в расследование странного убийства. Единственный свидетель рассказал о чудовище, выпрыгнувшем из окна. Вы верите в реальность сказок? И Егор не верил. Но преступника ему придется искать вместе с помощницей Бабы Яги Василисой Премудрой. Простой участковый на собственном опыте убедится, что колдуны, зелья и пугающие твари Нави существуют. Как и волшебная бюрократия, установленная тайной общиной, скрывающейся в городе сотни лет.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вызов	7
Глава 2. Две девицы за столом	20
Глава 3. Бараньи бега	45
Глава 4. Очень полезное хобби	58
Глава 5. Сказочная бюрократия	71
Глава 6. Как развлекаются фольки	86
Глава 7. Карты, зелья, артефакты	116
Глава 8. От ворот поворот	132
Глава 9. Катись, яблочко, по тарелочке	161
Глава 10. Идеальное алиби	184
Глава 11. Сладкие булочки и свежие сплетни	205
Глава 12. Поездка за мертвецом	237
Глава 13. Вакансия от некроманта	251
Глава 14. Слежка	285
Глава 15. Полуночная гонка	312
Глава 16. Допрос покойного в восемнадцать ноль-ноль	332
Глава 17. Смертный бой	351
Эпилог	385

Анна Мезенцева

Дело о чудовище с четвертого этажа

Пролог

22 августа 2012 г. Среда, три часа ночи.

Эта ночь в городе Верхне-Волчанске, как и многие другие ближе к началу осени, выдалась тёмной, тихой, благоухающей ароматом шиповника, в изобилии разросшегося вдоль домов. Дождь уже закончился, но ветер то и дело стряхивал с листвы на асфальт крупные капли. Во дворе, образованном тремя кирпичными пятиэтажками, обвис, натянув верёвку, насквозь промокший пододеяльник, оставленный на просушку кем-то недалёковидным.

Горел фонарь. На дороге шевелились и колыхались тени от крон. Большой полосатый кот не спешил покидать сухое убежище под машиной, припаркованной у тротуара. Окна в ближайшем подъезде были сплошь тёмными, даже света от телевизора не видать. Люди здесь подобрались семейные, кому завтра на работу, кому ребёнка в садик вести.

Крайнее правое окно на четвёртом этаже выделялось особенно густой темнотой. Ни луна в нём не отражалась, ни бли-

ки от фонаря, словно стекло заклеили плёнкой. Хотя позже соседи подтвердили, что в детской комнате у семьи Пилипчук висели самые обычные шторы и тюль.

Распахнулась створка, из пустого провала потянулся дымок. Странный дымок, совсем непохожий на чад от подгоревших котлет или струйку тумана, выпущенную измученным бессонницей курильщиком. Серые завихрения словно вытекали из окна, грязной половой тряпкой размазываясь по стене. Между дымных щупалец на подоконник скользнула чёрная, окутанная клубящимися нитями рука. Вслед за ней из проёма высунулась такая же чёрная и бесформенная голова, покрутилась влево-вправо, будто осматриваясь. Темнота выбралась наружу, повисла громадной чернильной каплей и сорвалась вниз. Во дворе заверещала сигнализация.

На крыше машины, гудевшей и заполошно мигавшей жёлтыми фарами, распласталась клякса. Дрогнула, ожила, сползла через капот на асфальт, оставив после себя изрядную вмятину. Сложилась в сгорбленную фигуру с руками, ногами и длинной бородой. Вокруг существа крутились полупрозрачные кольца, то складываясь в подобие рваной одежды, то разделяясь на текучие завитки.

Полосатый кот, до этого мужественно шипевший из-под днища автомобиля, не выдержал, прыснул на улицу и скрылся в кустах. Другой свидетель прыжка – мальчишка детсадовских лет, прилипший к стеклу в доме напротив, – исчез из виду, спрятавшись в глубине комнаты. Ожившая тьма

метнулась через дорогу и свернула за угол. Улица опустела.

...До тех пор, пока через четверть часа у подъезда, где горела уже половина окон, не притормозил полицейский бобик, белый с синей полосой. Хлопнули дверцами люди в одинаковых чёрных куртках, прогрохотали по ступеням тяжёлые берцы. Спустя пару минут самый молодой из них вывалился из подъезда, бледный до синевы. Часто и глубоко задышал, а потом стянул форменную кепку, подставив ветру влажное от пота лицо.

Глава 1. Вызов

Пока на перекрёстке горел красный, Егор расстегнул брошенный на соседнее сиденье рюкзак и вытащил термос. Внутри ещё что-то бултыхалось, повезло. Он отвинтил крышку и в три глотка допил холодный, поганый на вкус кофе с осадком на дне. Вчера вечером пришлось покататься с парнями из ППС, да так основательно, что из своего рабочего УАЗика Егор выбрался далеко за полночь, пошатываясь от усталости и едва не засыпая на ходу. Даже домой ехать не захотел, завалился в комнате отдыха на привычном к такому повороту диване.

Разбудило его мерзкое пиликанье мобильного. Егор простонал: «Да успокойтесь уже, черти!» и перевернулся на другой бок. Но черти не успокоились, пока не услышали злое и хриплое: «Одинцов. Слушаю!».

Звонила Галина Михайловна, одинокая бабулька, живущая на подшефном Егору участке. Галина Михайловна вела небольшое хозяйство, а потому вставала затемно и думать не думала, что на часах половина шестого, а кто-то вчера устал, как собака, и надеялся поспать хотя бы до восьми.

– Внучек, родненькай, приезжай! Да что ж это такое... Как земля извергов таких только носит... Хося, Хосечка! Что же это, а?

– Галина Михайловна, успокойтесь, всё будет хорошо.

Расскажите по порядку, что произошло?

Увещевания не подействовали. Причитания превратились в горький, по-старушечьи жалобный плач. Егор наморщил лоб, соображая, что за Хося мог расстроить бабульку. Кажется, в Знаменке жил узбек по имени Хасан, работал на лесопилке. Тихий, непьющий. Нет, не то. Вспомнил – поросянка Галины Михайловны звали Хосе Игнасио, в честь героя какого-то древнего сериала.

– У вас свинью украли?

– Не украли! Миленькай, приезжай! Некого больше позвать, одна я осталася! Господи помоги...

Поняв, что по телефону подробностей не узнать, Егор со словами «Буду через полчаса» сбросил вызов. Сполз с дивана, наскоро ополоснулся холодной водой и поехал. А что делать? Галина Михайловна никогда не дёргала его по пустякам. Раз позвонила – значит, случилось что-то серьёзное.

Участковый уполномоченный старший сержант Егор Одинцов убрал термос в рюкзак, дождался зелёного света и свернул с более-менее приличной дороги на разбитую в хлам грунтовку. За лобовым стеклом затрясся горизонт, окрашенный первыми лучами рассвета. «Эх, права Светка. Какая с моей работой личная жизнь...» – Егор посмотрел на подаренный бывшей девушкой ароматизатор, болтавшийся на зеркале заднего вида. На этикетке значилось: парфюм «Ванильная нежность». Вот тебе и нежность – машина подскочила на очередном ухабе, жёсткой сидущкой наподдав Один-

цову под зад. Из-за приторного запаха захотелось есть. Давно пора было выкинуть вонючку, да всё как-то жаль.

Провалившись в яму с дождевой водой, УАЗик взревел движком и принялся бодро карабкаться вверх. Из-под колёс полетела щебёнка и фонтанчики жидкой грязи. Хорошо, что за участком закрепили автомобиль. Некоторым коллегам приходилось утюжить улицы на своих двоих. Верхне-Волчанск – город маленький, сто с лишним тысяч человек всего, вот и бюджет у полиции соответствующий. Но Егору досталась окраина: пара кварталов с новостройками, пустырь с гаражами, садовое товарищество «Дружба», а ещё район «Краснознамённый», прозванный для краткости Знаменкой. Пешедралом такую территорию не обойдёшь. Тем более, Знаменка была городом только по бумагам. А на деле – село селом, с покосившимися заборами, кривыми яблонями и глупыми курами, вечно лезущими под колёса. Именно туда участковый и направлялся, надеясь обернуться до утренней планёрки.

Егор гуденьем клаксона спугнул козу, увлёкшуюся объеданием крапивы, проехал улицу до конца и заглушил мотор. Тут и там из приоткрытых ворот торчали головы соседей. Ну хоть ребятня не успела проснуться... У калитки караулила Галина Михайловна, из-за многослойной одежды похожая на плененную из придорожного снега бабу. На ней был халат, на халате – серая куртка, на куртке – тёплый стёганный жилет, а поверху конструкцию укутывал пуховый платок. Участко-

вый неуклюже выбрался из машины. Так-то УАЗ – нормальный агрегат, но с ростом и плечистостью Одинцова даже он маловат.

– Спасибо, родненькай, что приехал!

– Рассказывайте по порядку, что произошло?

– Убили моего Хосю, насмерть убили! – Выцветшие глаза Галины Михайловны, окружённые сеткой морщин, снова заблестели. Но старушка сдержалась. Вздохнула, перекрестилась, вытерла лицо краем платка.

– Кто убил? Тушу оставили или забрали с собой?

– Да чего я тебе, старая, рассказывать буду. Ты молодой, зоркай, поди погляди.

Галина Михайловна шустро заковыляла к дому. Егор шагнул в калитку и оказался в маленьком дворике, наполовину заросшем сиренью. Под кустом стояла лавка, рядом – алюминиевая миска с перловой кашей для приبلудной собаки по кличке Бублик. Самого Бублика было что-то не видеть.

– А собака где?

– А?

– Бублик куда подевался?

– Убёг... Ить страсти-то какие...

Вместе со старушкой, едва достававшей ему до груди, Егор обогнул избу. На заднем дворе находились хозяйственные постройки и отделённый сеткой рабицей огород. Несколько птиц сбежали из курятника и с довольным видом прогуливались вдоль свекольных грядок, чего в обычное

время не позволялось. Галина Михайловна остановилась у распахнутой двери сарая, откуда нестерпимо несло убоиной и навозом.

– Встала я с утра, позавтракала, курей покормила, яички собрала. Хорошие у меня несушки, породистые, иной раз по шесть яичек с кладки за неделю собираю. – При мысли о курицах опечаленное лицо старушки слегка просветлело. – Понесла Хосе покушать, комбикорму запарила, картошечки варёной положила. Он картошечку очень любил... Сняла засов, а там... Кровищи-то, кровищи! Я бежать! Перепугалася очень.

– А вы ночью ничего не слышали, никаких подозрительных звуков? Собака не лаяла? – Егор наклонился и потрогал борозду в плотно утоптанной земле. Похоже, здесь провели чем-то острым. Посмотрел на испачканные пальцы – кровь свиньи дотекла даже сюда, ко входу в сарай. Что любопытно, рядом виднелся отпечаток босой ступни.

– Ой, не знаю, внучек. Я фильм посмотрела и спать легла. Хороший фильм, с этим, как его... Про разведчика. Редко что смотрю. По телевизору срам один, прости Господи. Давеча включила, а там... – Галина Михайловна сердито махнула сморщенной короткопалой ладонью. – Ты вон здоровяк какой вымахал, соображай. А я ничего не слыхала. Да и глуховата стала, ты уж не сердчай.

– А дверь точно была закрыта на засов?

– А? – переспросила старушка, словно в подтверждение

своих слов. – Чаво?

– Дверь, говорю, точно была заперта?

– Я, поди, из ума ещё не выжила.

– Уничтожение имущества со взломом... – пробормотал

Егор. В голове начала складываться картина. Раз Бублик не залаял, значит, забрался кто-то из местных, вхожий в дом. Судя по отпечатку – мужчина. Не вполне адекватный – конец августа, по ночам подмораживает, а он босиком. Вон, Егор осеннюю куртку не поленился надеть, хоть и на машине. Нарик какой-нибудь или упившийся до горячки алкаш. Надо посмотреть, чем и насколько умело зарубили свинью. Егор согнулся и полез в дверной проём, до того вонючий, что в серых глазах участкового проступили слёзы. С притолоки посыпалась труха, запуталась в отросших за лето русых волосах.

Внутри свинарника царила сумрачная прохлада. Опилки, ровным слоем покрывавшие земляной пол, почернели от впитавшейся крови. Из дальнего угла слышалось какое-то шевеление. Егор насторожился. За невысокой дощатой перегородкой ворочалось и пыхтело что-то большое.

– Жив ваш свинтус, Галина Михайловна. Напугался бедняга, вон как дышит.

– Господь с тобой! Его же надвое разорвало!

Участковый замер, ощутив, как по спине пробежал холодок. Даже волосы на загривке встали дыбом. Мелькнула надежда, что подслеповатая старушка чего-то не доглядела.

Но зрочки наконец-то привыкли к темноте, и Одинцов обнаружил в двух шагах от себя пустое корыто и лежащую за ним свиную голову, тарасившуюся в пустоту крошечными пуговками глаз. Ближе ко входу валялось ведро, окружённое мятыми картофелинами и бурыми сгустками комбикорма. За перегородкой снова зашуршало. Сарай наполнился утробным рычанием, словно неподалеку заработал четырёхтактный генератор.

– Бабуль... – еле слышно выдавил Егор, сглотнув перекрывший горло комок. – Уходи!

– Чаво? – Галина Михайловна сунулась через порог, желая подобраться поближе.

– Пошла отсюда! – невежливо заорал Егор, но было поздно. Из-за деревянной перегородки поднялся тёмно-серый, косматый, чудовищный по своим размерам волк. Прижал уши и показал клыки, каждый толщиной с карандаш.

Тоненько всхлипнув, старушка осела на пол. Егор потянулся к пистолету, понимая, что не успеет даже расстегнуть кобуру...

Не успел. Волк прыгнул. Словно в замедленной съёмке Егор увидел, как все четыре лапы зверя поднялись в воздух. Задняя задела когтями перегородку, вырвав кусок древесины. Здоровенная башка с рыжими подпалинами внезапно оказалась совсем рядом. В лицо шибанул запах псины, перебив прочую вонь. В голове взорвалась мысль: «Хана!». Но рука сама собой ухватила за дужку ведро, описала полукруг

и ударила оцинкованным дном по оскаленной морде. Бам-м-м! Ведро загудело, во все стороны полетела картошка, будто комья земли после взрыва гранаты.

Звериная башка мотнулась влево. Лапы достигли пола, оставив в грязи глубокие борозды. Мощная туша едва не сшибла Егора, как кеглю, но он отскочил. Долбанулся спиной о балку, выбросил ногу вперёд, угодив подошвой по кожистой мочке носа. В жёлтых звериных глазах полыхнула ярость. Клацнула пасть, попытавшись оттяпать ступню. Спасая конечность, Егор отшатнулся, не удержал равновесия и подставил бок.

Затрещала ткань. Громадная пасть вцепилась под ребро, подняла Одинцова в воздух и швырнула об стену, выбив из трухлявых досок облако пыли. У-у-ух, блин! Свет в глазах померк, от боли дыхание застряло в груди. Егор рухнул в мокрые опилки, подозревая, что уже не жилец. Такими зубищами, поди, все кишки разорвало. Но силы пока оставались, и Одинцов трясущимися пальцами уцепился в застёжку на кобуре. А волк неожиданно спокойно приблизился к телу старушки и ткнулся носом в пуховый платок.

– Замри! Не тронь, паскуда, пристрелю! – Егор и сам не понял, зачем заорал. Будто перед ним стоял алкаш с топором, а не матёрый, но совершенно неразумный зверь. Рука с пистолетом ходила ходуном, беря на мушку то серую шерстистую холку, то стену, то пол.

– Ну ты серьёзно? Жива она, не лезь в бутылку.

Что?! У Егора отпала челюсть. Сказано было мужским голосом, хриплым и глумливым. Волк аккуратно перешагнул Галину Михайловну, дёрнул задней лапой, стряхивая кусок раздавленной картошки, и покинул сарай.

«Предсмертный бред» – подумал участковый, обессилено растянувшись на полу. «Надо бате позвонить, попрощаться» – мелькнула вторая мысль, но потом Егор вспомнил, что мобильник лежал в машине. Да и смерть всё как-то не приходила. Более того, острая боль прошла, оставив после себя ноющий след в ушибленных рёбрах и плечах. Одинцов убрал пистолет и потянулся осмотреть рану. Полы куртки оказались разорваны в клочья, как и шерстяной китель, и рубашка под ним. Но на коже не было ни царапины, лишь наливался бордовым цветом кровоподтёк.

– Ядрёны пассатижи.

Одуревший Егор с тихим стоном поднялся на ноги. Помотал головой, вытер с лица шмат вонючей грязи. Подошёл к старушке и с облегчением убедился, что волк был прав. «Волк был прав» – от этой фразы так и веяло таблетками галоперидола и курсом групповой терапии. Он осторожно выглянул из сарая. Никого. Даже курицы, не такие уж и дуры, забились по щелям. Егор предпочёл бы поверить, что всё случившееся в свинарнике являлось галлюцинацией от недосыпа, но на земле виднелась цепочка свежих следов. Крупных, четырёхпалых, с вдавленными полосками мощных когтей. Бред.

Пока Егор приводил в сознание и успокаивал Галину Михайловну, пока отмывался под оханье и аханье от налипших опилок и навоза, пока составлял протокол, наступило восемь утра. Пора было мчаться в город, чтобы не опоздать на планёрку. Настроение опустилось ниже нуля. И для этого имелись серьёзные причины.

Во-первых, он угробил демисезонную куртку. Теперь придётся либо ждать выдачи в положенный по табелю срок, либо покупать на свои. Во-вторых, обливание водой и обтирание мочалом не помогли. От Егора с такой силой несло навозом, что УАЗик мгновенно пропах насквозь и превратился в сельский нужник. Ванильная отдушка не справлялась с вонью и лишь добавляла странное ощущение, что нужник тот построили у булочной на задах. В-третьих, самое главное... Егор сомневался в ясности собственного рассудка. Когда он приехал, не было возле сарая волчьих следов, не было! А волк внутри был! Про то, что он говорил, даже думать не хотелось. Егор усилием воли загнал воспоминание в самый дальний угол измученных мозгов.

– Ё-мое, Егорыч! Ты откуда такой красивый? – На крыльце отделения курил младший лейтенант Миша Новосельцев, белобрый, как альбинос, и с вечно обгорелой мордой.

Егор кисло поморщился, протягивая для рукопожатия красную из-за колкого мочала ладонь.

– Потом расскажу.

Хорошо хоть, в машине лежали запасной китель с рубаш-

кой, так что на планёрке Одинцов предстал в относительно приемлемом виде. Только коллеги подозрительно косились, и форточки в кабинете пришлось пооткрывать.

Руководитель подразделения майор Алексей Юрьевич Морозов, с подходящим к суровому нраву прозвищем Мороз, начал с плохих новостей. Ночью в городе вырезали семью из четырёх человек, родителей, бабушку и ребёнка.

– Слышал? – прошептал Миха. – У меня друган на том выезде был. Говорит, всё в потрохах, половина группы проблемалась. А входная дверь изнутри заперта, ломать пришлось.

– Новосельцев, разговорчики! – рявкнул Мороз и продолжил. – Значит так. Пройдитесь по своим кадрам, особенно, кто недавно откинулся. Про буйных тоже не забудьте. Преступники действовали с особой жестокостью, на таких уже должны были поступать наводки. Повысьте, ёшкин корень, бдительность. Головин, особенно тебя касается, у тебя известно, какой район. Далее...

Далее пошла традиционная повестка. Мошенники, кража велосипедов, распределение поступивших в дежурку заявок. Егор старался слушать начальника повнимательней, но мысли то и дело сворачивали на утреннюю схватку со зверем. Да нет... Ну не мог же волк подняться на четвёртый этаж, да ещё захлопнуть за собой дверь? Хотя засов на сарае он же как-то открыл? «Всё, забудь! – приказал себе Одинцов. – Направь записку в охотнадзор и успокойся».

После планёрки Егор вернулся в опорный пункт, отра-

батывать приёмные часы. Возле кабинета поджидал старый знакомый, бойкий и сухонький пенсионер, навещавший участкового почти каждую смену. Вот и сейчас он перебирал какие-то бумаги, сложенные в обшитую красным сукном папку с пятиконечной звездой. «Ну чего тебе от меня надо? – с тоской подумал Егор. – Опять соседи электричество из розеток воруют?».

– Егор Константинович, а я к вам! – радостно отрапортовал пенсионер, поднимаясь с места.

Но тут из-за угла донеслось громкое ритмичное цоканье. В коридоре показалась сгорбленная старуха, опиравшаяся на подбитую железом клюку. Настолько древних развалюх Егор, пожалуй, никогда не встречал. Галина Михайловна по сравнению с ней выглядела женщиной в самом соку. Кожа старухи напоминала сморщенную шкурку картофелины, позабытой в погребе с позапрошлой зимы. Нос выдавался вперёд корабельным бушпритом, из-под платка торчали седые космы.

– Иди домой, пустобрёх! Неча тебе сюда шастать, людям мешать. Ишь, взял привычку.

И замахнулась на старика клюкой, да пресердито.

«Сейчас начнётся» – содрогнулся Одинцов и набрал в грудь побольше воздуха, готовясь пресечь зарождающийся скандал. Но пустобрёх неожиданно послушался. Убрал свою папочку подмышку, извинился и пошагал прочь, не сказав больше ни слова.

– Ну, дела... – только и протянул участковый, проводив взглядом сухонькую фигуру.

– Это ты Егор Одинцов? – Старуха подслеповато сощурила правый глаз. Голос у неё был низкий и скрипучий, будто по кафельной плитке протащили трубу.

– Участковый уполномоченный старший сержант полиции Егор Одинцов, – по всей форме представился Егор, подавив странное желание вытянуться по струнке.

Посетительница обвела его снизу доверху оценивающим взглядом, пожевала беззубым ртом.

– Зелёный совсем... Сколько тебе годков-то, паря?

– Двадцать четыре.

– Ладно, Василий Иванович, царствие небесное, правильно говорил: «Молодым везде у нас дорога!» – Старуха взялась за ручку двери. – Пойдём-ка, служивый, побалакаем.

В полном оцепении Егор проследовал в свой кабинет. Посетительница с тяжёлым кряхтением устроилась на стуле, двумя руками опершись на загнутое навершие клюки.

– А вас, простите, как звать?

– Яга Ягинишна я, по прозвищу Костяная нога. Но для тебя по-простому, Баба Яга.

Глава 2. Две девицы за столом

22 августа 2012 г. Среда, десять утра.

«Никогда не спорь с сумасшедшими». Именно так звучал первый завет, переданный три года назад собравшимся на пенсию капитаном Приходько молодому и неопытному Одинцову. А сумасшедших в Верхне-Волчанске хватало, даром что город всего ничего. Кроме пустобрёха с папочкой, изгнанного из коридора, в опорный пункт регулярно таскалась тётка неопределённого возраста по прозвищу Принцесса Дивана. Принцесса в любую погоду расхаживала в сланцах, надетых на толстый шерстяной носок, и соломенной шляпе с искусственными цветами. Попав в кабинет, она брала с участкового клятву хранить секрет и заводила душещипательный рассказ о тайном романе с принцем Уильямом, герцогом Кембриджским. А также о кознях Британской разведки, мешавшей запретному счастью.

Другим постоянным клиентом являлся бомж Чувырла. В особо урожайные дни, закончив обход помоек и урн, он покупал в Знаменке самогон, надирался до синевы и отправлялся шататься по улицам, размахивая руками и выкрикивая бессвязный бред. Чувырла был страхолюдным, но безобидным. Однако плохо действовал на психику сограждан и обладал неприятной привычкой засыпать на детской площадке.

Имелся и набор персонажей попроще: бабулек с деменцией, поехавших кукухой алкашей, тихих фантазёров, строчивших заявления о высадившихся в дачном посёлке инопланетянах. Всю эту разношёрстную компанию объединяло одно – бесконечное упорство, с каким психи отстаивали свои идеи. Поэтому, услышав про Бабу Ягу, Егор ответил просто:

– Чем могу помочь, Яга Ягинишна?

– Ночью в городе окаянство произошло. Поведай-ка про него.

М-да, сплетни в Верхне-Волчанске разлетались с той же скоростью, с какой стая голубей раздирала на крошки свежий батон. Егор закинул фуражку на вешалку возле шкафа, прикрыл за собой дверь и уселся за стол. Привычная обстановка подействовала ободряюще. Поверх старушечьего платка со стены строго смотрел президент, запечатлённый на фоне российского триколора. Рядом висела карта подведомственной территории, грамота «За многолетний добросовестный труд», оставшаяся от капитана Приходько, и прошлогодний календарь с овчаркой в солнечных очках.

– Что вы имеете в виду?

– Сам ведаешь.

– Понятия не имею.

– Побреши мне тут! Ишь, удумал! – Сумасшедшая старуха бухнула клюкой по полу с такой силой, что на столе подскочил кактус и опрокинулся стакан с мелкой канцелярией. По гладкой поверхности покатались карандаши. А Егор по-

чувствовал, что очень и очень не хочет врать.

– Около трёх часов ночи в дежурную часть поступил вызов с жалобами на крики и шум по адресу улица Молодёжная, дом четырнадцать, квартира сорок один. Прибывший на место наряд застал столпившихся на лестничной клетке соседей, утверждавших, что крики прекратились, но проживавшая в квартире семья не реагирует на стук и звонки в дверь. Полицейские вскрыли замок и обнаружили изувеченные тела четырёх человек, в том числе маленького ребёнка. Окно в детской оказалось открытым настежь. Орудие убийства не определено. По словам соседей, из квартиры ничего не пропало.

– Всё? – уточнила старуха, насупив седые клочковатые брови.

Поражённый своей откровенностью Егор хотел ответить: «Да!». Но вместо этого добросовестно наморщил лоб, вспоминая доклад с утренней планёрки.

– У подъезда квартиры, где произошло убийство, обнаружена припаркованная машина с вмятиной на крыше. Владелец сообщил, что сигнализация сработала минут за десять до приезда наряда. Посторонних возле автомобиля он не заметил. Но в окно выглянул не сразу, искал очки.

– Небогато...

– Криминалисты продолжают работу. И вскрытие пока не производилось.

– Худое это дело. Недоброе, – подытожила старуха, поже-

вав губами и вперив в собеседника пристальный взгляд. Маленькие, глубоко посаженные глаза горели как угольки, закрытые в дряблые морщинистые складки.

– Скверное, – согласился участковый. – А у вас имеется какая-то дополнительная информация?

– Имеется, не сумлевайся. Ничего не найдёт твоя полиция. Больно враг прыскачий, не по зубам он вам. Инда и нам не по зубам.

– Кому – нам?

– Ты, паря, сказки в детстве читал?

– Читал... – растерялся Егор из-за неожиданной смены темы. – Гарри Поттера.

– Одна басурманщина у молодёжи на уме! Тьфу! – Старуха сплюнула в кактус, попав на макушку колючего шара.

– Что вы себе позволяя... – возмутился Одинцов, но не договорил. Кактус съёжился, почернел и свесился с края горшка обгорелой тряпкой.

– Русские народные сказки читал?

Егор кивнул, подняв на Ягу Ягинишну ошарашенный взгляд.

– То-то же. В Верхне-Волчанске издревле живёт община сказочных героев и волшебных существ. Большая, почитай тышша душ.

В кабинете воцарилась тишина. Стало слышно, как за окном дворник дядь Юра скребёт по асфальту метлой. Наконец, Егор выдавил, просто чтобы что-то сказать:

– А зачем вы тут живёте?

– А где нам жить? – удивилась посетительница.

– В тридевятом царстве. В тайге. На болоте.

– И нам хочется комфорту, чтоб к поликлинике поближе.

Старость, внушек, она такая... То давление, то радикулит.

– А почему в Верхне-Волчанске? – Справившись с первым шоком, Егор взялся подыграть опасной сумасшедшей. А то как плюнет в рожу своей химией, ходи потом шербатой образиной.

– Да как-то само сложилось... Мы обустроились, быт наладили. Хорошо тут, лес кругом, воздух чистый. Эта... экология. – Старуха с удовольствием проговорила непривычное для себя слово. – И народ неиспорченный, не то, что в столицах. Мы в человечьем обличии ходим, вы нас и не замечаете. До сей поры тихо всё было. Но чую, душегуб ентот – кто-то из наших.

– Чего же сами его не найдёте?

– Ты, милоч, хоть одну детективную сказку помнишь? Тот и оно. За порядком у нас следит Андрей-солдат. Но он как есть солдат, что приказали, то и сделает. Сам инициативу ни в жисть не проявит, да и загадки разгадывать не горазд. Нет в нас сыщицкой жилки. Помощь нужна.

– Ладно, я вас понял.

Пришла пора сворачивать безумный разговор. Егор поднялся с места, делая вид, что собирает вещи.

– Вот вам ручка, вот листок. Дома запишите показания

со всеми подробностями. И пришлите мне по почте. Я их внимательно изучу и передам следователю. А сейчас, прошу прощения, мне надо идти.

– Сидеть, – проскрежетала старуха, схватив участкового за предплечье крепкой морщинистой клешнёй. Да с такой силой, что Егор аж зашипел от боли. Вот и жалеёшь пенсионеров! – Смотри!

«Куда смотреть? На тебя что ли, террористку штопаную?» – подумал Егор, но тут по руке побежали крошечные разряды, а под кожей прокатился болезненный ручеёк, словно от внутримышечного укола. Падавший из окна свет потускнел, будто солнце заволокло тучами. Воздух загустел, тени налились свинцовой чернотой, стали резче и острее. Вот только не было никаких туч, небо по ту сторону стекла оставалось чистым. Но не голубым, как положено ясным августовским днём, а жёлто-серым, цвета сепии. На привычную реальность наслои́лась вторая картинка. Где-то её контуры совпадали с прежними – никуда не делась автостоянка по ту сторону дороги, обнесённая забором из арматуры. Спереди всё также болтался выцветший баннер «Акция на лето! Легковой автомобиль – тысяча рублей в месяц!». Но лес за стоянкой, обычный чахоточный городской лес, вымахал в высоту, загустел и превратился в непролазную чащобу. Между стволов клубился туман, перемигивались непонятные огоньки.

– Туда смотри! – повторила старуха. Егор ощутил, как

из-за спины потянулись липкие, пахнущие древним гнильём волны холода. Но от ужаса не решился повернуть голову и продолжил пялиться в окно.

Вдалеке, над тёмной кромкой пугающего леса, с карканьем кружили вороны. Именно кружили, образовав чёткое симметричное кольцо. Это безостановочное вращение нагнало такую жуть, что Одинцов не выдержал, перевёл взгляд на знакомый дядь Юрин силуэт в оранжевом светоотражающем жилете. Но и дворник переменялся. Вместо турецких треников с лампасами, вытянутых на коленях, появились плотные штаны в синюю и зелёную полосу. Голени обмотало холщовым полотном с пущенными крест-накрест верёвками. Куцая дядь Юрина борода распушилась и опустилась до живота.

Почувствовав на себе взгляд, дворник обернулся и помахал пятернёй. После чего продолжил сгребать с тротуара окурки, обёртки от мороженого и золотистую берёзовую листву.

– Вран кружится – недобрый знак. Ой, поганый...

Участковый сделал усилие и медленно обернулся к Бабе Яге, по-прежнему державшей его в тисках. Рука разболелась, тёмно-синий китель покрылся рыхлым серебристым налётом. «Иней» – догадался Егор. От страха каждое движение давалось с трудом. Наверное, он бы не сдвинулся с места, даже если бы ледяная хватка наконец-то ослабла.

На первый взгляд, Яга Ягинишна оставалась всё той же

сморщенной и горбатой старухой. Разве что из-под нижней губы вынырнул длинный клык, а в глазах-угольках заплясали искры. По загнутому навершию клюки расползлась замысловатая вязь. Бусы, в привычной реальности собранные из копейных пластиковых шаров, обернулись нанизанными на тесёмку черепами острозубых зверьков. Но главные перемены коснулись не внешности. Егор ощутил себя... Сложно описать. Словно он стоял на краю могилы, из которой поднимался запах мертвечины и свежевскопанной сырой земли. А сзади приближалось что-то невидимое и очень страшное, готовое столкнуть его в эту могилу и заживо похоронить.

– Вы про птиц? – еле выдавил участковый.

– То знак, что нынче в городе творилась злая волшба. Однако кем и зачем, мне не ведомо. Ночью, пока темно было, я послала на Молодёжную Серого Волка. Он поразнюхал и подтвердил, что у подъезда побывал не человек, ведьма али колдун. Серый взял след, довёл до окраины, но дальше злыдень ушёл через заросли емшан-травы. Емшан из Волка нюх повытягивал. Пришлось ему в Знаменке залечь, подкормиться.

Что-то щёлкнуло в голове Одинцова. Слова «волк», «Знаменка» и «подкормиться» сложились в логическую цепочку. Перед глазами возникло опечаленное лицо Галины Михайловны.

– Так это ваш волк сожрал свинью? Как будете компенсировать?

Яга чуть разжала клешню. Праведный гнев придал участковому сил. Он дёрнулся, высвобождая онемевшую руку. Чужая реальность исчезла, словно опустили рубильник. Вместо колдовского леса шелестела обычная жидковатая по-месь ясеня и берёзы. Туман растворился, вдоль обочины за-легли грязные пакеты, ржавые мангалы, мятые полторашки и прочий оставленный некультурными горожанами срач.

– Вы присаживайтесь. Протокол составлять будем.

– Компенсировать? Протокол? – повторила старуха, явно не готовая к подобному повороту. – С какой такой стати?

– А с такой, что Галине Михайловне Колывановой, ветерану труда, между прочем, нанесён существенный моральный и материальный ущерб. Вы знаете, сколько стоит годовалая свинья? А я вот знаю, цена начинается от тридцати тысяч. Предлагаю вам договориться с владелицей по-хорошему, иначе будем заводить на вашего волка уголовное дело.

– Дык милый, он же не нарочно! Он за нехристом в сугон пошёл, вот и утомился! Ты на меня посмотри, откель я такие деньги возьму? Пенсия – слёзы сиротки Хаси, коммуналку оплатить да хлеба с молочком пожевать. Мясо по праздникам покупаю. И то, если акция...

– Специально или не специально, сути это не меняет. Вы меня разжалобить не пытайтесь. У нас жалобщиков на сто лет припасено. – Егор шлёпнул ладонью по столу, прерывая поток причитаний. Внутри продолжал бушевать страх, от которого он из всех сил отбивался заученными словами и фор-

мулировками. – Умышленное уничтожение чужого имущества, статья сто шестьдесят седьмая у-ка эр-эф. Карается лишением свободы на срок до двух лет. Раз у вас есть община, значит, имеются какие-то фонды. Как хотите разбирайтесь, а чтоб до конца недели Галина Михайловна получила деньги или свинью с аналогичными тэ-тэ-ха.

– Чаво?

– Тактико-техническими характеристиками. Вес, возраст, что там важно у свиней.

– А ежели договоримся? – Бабулька перешла на вкрадчивый тон, морщинистые губы растянулись в фальшивой улыбке. – Нету у меня таких денег. Тридцать тысяч, слыхано ли дело? А вот тысчонки три я бы тебе подкинула, на новую куртку. А?

Яга с заискивающим видом заглянула участковому в глаза.

– Но-но! Попытка дачи взятки должностному лицу, статья двести девяносто один.

Старуха разочарованно постучала по загнутому концу палки узловатыми пальцами.

– А не боишься, паря, что я тебя в жабу обращаю?

Егор боялся. По загровку второй раз за день побежали мурашки. И были они куда крупнее тех, что появились в сарае при виде огромного зверя.

– Али порчу наведу? Иссохнешь заживо, ни один врач не спасёт.

– Не забывайте, я при исполнении. Наведёте – будете отвечать, – тихо, но твёрдо парировал Одинцов.

Злая гримаса на лице старухи сменилась деловитой.

– Молодцом! Не ошибся в тебе Серый. Сразу сказал, парень ты правильный. С сегодняшнего дня поступаешь в распоряжение общины. Бумаги направлены куда надо. В пять часов приходи в ресторан «У Ваню», моя помощница введёт тебя в курс дела.

Не дожидаясь согласия, Яга Ягинишна слезла со стула и поковыляла прочь, сопровождая каждый шаг звонким постукиванием клюки. На пороге обернулась:

– И чтоб без опозданий!

Хлопнула дверь. Одинцов остался сидеть, обалдело уставясь на то место, где только что стояла старуха. Затем перевёл взгляд на стену, но овчарка в очках, почётная грамота капитана Приходько и даже президент в рамочке были не в силах объяснить, что же сейчас произошло. Голова шла кругом. Одна безумная версия вытесняла другую. Кто-то распылил в кабинете галлюциноген? Или он спятил, и сейчас пускал слюни в отдельной палате? Или истекал кровью в сарае рядом с оторванной головой свиньи? А может, как в каком-нибудь фантастическом фильме, лежал в ванне с бурой жижей, опутанный трубками и кабелями, со шлемом виртуальной реальности на глазах? Или... всё было правдой?

Раздался звонок. Вздвогнув, участковый не сразу сообразил поднять трубку стационарного телефона. Старого, с по-

тёртой кнопочной панелью и длинным серым проводом, завитым тугой пружиной.

– Одинцов. Слушаю.

– Это хорошо, что слушаешь, Одинцов. – В голосе майора Алексея Юрьевича Морозова звучало недовольство. – Некстати эти твои курсы, и без того людей не хватает. Кулмагамбетова пришлось из отпуска вытаскивать, а у него дети – школьники, ему летом отдых положен.

– Какие курсы, та... товарищ майор?

– Двухнедельные. Повышающие, ёшкин корень, квалификацию. Дуй в кадры, подписывай бумаги. Покажешь нам потом чудеса раскрываемости. Да, оружие сдай и ключи от машины Кулмагамбетову оставь. На учёбу свою ножками походишь, не переломишься.

В трубке зазвучали короткие гудки отбоя.

Чуть позже, на крыльце участкового пункта Егор минут пять стоял и смотрел на выкрашенный серебрянкой забор, на автобусную остановку, на кусты шиповника вдоль тротуара и павильон «Свежая выпечка», слово перед ним раскинулась не знакомая до каждой трещины на асфальте панорама, а долина гейзеров или великий каньон.

Привычный мир перевернулся. Тысяча волшебных существ на сто с небольшим тысяч жителей Верхне-Волчанска... Одинцов покосился на остановку, где в ожидании транспорта сидели на лавочке или переминались с ноги на ногу с десятков человек. А что, если один из них только при-

кидывался обычным пассажиром. Кто же фальшивка? Полная женщина с пакетом из «Пятерочки», сквозь который проступала упакованная в сетку картошка? Парень с синими волосами и татуировкой на шее? Или дамочка, державшая за руку мальчишку не старше пяти? Подъехал пазик, затарахтел у бордюра, распространяя клубы вонючего дыма. Потенциальные лешие и домовые по одному исчезли в его трясущейся глубине.

Похожие мысли крутились в голове Одинцова, пока он топал до главного управления, где на втором этаже находились бухгалтерия с отделом кадров. Шёл и не понимал, каким образом подобная судьба постигла Верхне-Волчанск? Зауряднейший из провинциальных городов, где глазу не на чем зацепиться? Ни деревянного зодчества, ни дворцов, ни старинных церквей. На площади у дворца культуры шумел типовой советский фонтан с пущенными по кругу струями. Клумбы заросли травой, у скамейки отвалилась половина реек. В теньке под вязами велась ленивая торговля пучками укропа и красной смородиной на развес. Явление, прямо скажем, далёкое от уникальности. Зато воздух в городе и вправду хороший. Вкусный, как говорит мать. Егор втянул его полной грудью и непонятно чему улыбнулся.

Большую часть дня пришлось потратить на бюрократию. Одинцов собирал, подписывал и отправлял дальше какие-то справки, выслушивал завистливые комментарии сослужив-

цев, отвлекал от чаепития кадровичку и караулил неуловимого Мороза, несмотря на возраст и чин уехавшего на работу «в поля». Потом передавал дела злому из-за досрочного окончания отпуска Кулмагамбетову. Отдельно обсудил заявление на Ваню Хуцишвили, хозяина того самого ресторанчика «У Ваню», где назначила встречу помощница Бабы Яги. Его обвиняли в незаконном использовании газовых баллонов. Нарушение относилось к другому ведомству, но двое участковых решили, что лучше сначала потихому проверить, есть на кухне баллоны или нет. А уж потом спустать на единственное приличное заведение в районе свору инстанций.

После четырёх Егор наконец-то изучил полученные бумаги. Вместе с соглашением к трудовому договору ему выдали приказ о направлении в образовательный центр «во славном городе Верхне-Волчанске, у ласкова князя Ярослава». Егор страдальчески поморщился. Первая проверка – и полетит он из полиции аж до самого «Себеж-града, заставы богатырской». Где, согласно документам, у центра находился головной офис.

А вот заскочить домой, в доставшуюся от бабушки однушку, Одинцов не успел. Так и отправился на встречу в полицейской форме и с лёгким свиным амбре. А может, не таким уж и лёгким... Администратор покрутил носом и проводил его не в зал, где отдыхало большинство посетителей, а к столику на летней веранде. Но так даже лучше – пого-

да стояла приятная. Случаются в Сибири в конце августа такие дни, когда воздух становится сладким и тягучим, словно липовый мёд. Лицо обдувал ветерок, шелестел разросшимся на штaketнике диким виноградом. На деревянный настил веранды падали солнечные пятна, из-за угла тянуло запахом шашлыка, аж слюнки потекли. Из-за всей этой суеты Егор не успел пообедать. Выпросил у сослуживца бутерброд, угостился в бухгалтерии сушками. Вот и весь перекус.

Цены в меню неприятно удивили. «У Ваню» Одинцов давно не сидел, да и вообще ходил по заведениям общепита редко. На зарплату участкового особо не развернёшься. Так, раз в месяц выпивал бокал пива с армейским другом Тимуром, наполовину бурятом. Егор пробежался по столбику цифр и сопоставил его с перечнем грядущих расходов. Куртку надо купить, за электричество заплатить, за учёбу...

– Готовы сделать заказ?

У столика возникла официантка в белой блузке и коричневом фартуке, с бейджиком «Алёна». Симпатичная, но какая-то уставшая: уголки рта опущены книзу, чёлка прилипла ко лбу, в круглых карих глазах не видно ничего, кроме желания закончить смену, отправиться домой и лечь спать.

– Будьте добры, стакан морса и лаваш.

– Меню оставить? – Алёна скудости набора не удивилась. Сунула не пригодившийся блокнотик в карман фартука, смахнула со скатерти упавший листок.

– Да, ко мне сейчас подойдут.

И к Егору действительно подошли. Но лучше бы не подходили.

– Приветик! – как ни в чем ни бывало поздоровалась бывшая девушка, присаживаясь за соседний стол. От этого голоса и от сладкого шлейфа духов, им же и подаренных на Восьмое марта, в душе участкового что-то сжалось. На долю секунды Егор испугался, что Светка и есть таинственная помощница Бабы Яги, но сразу отбросил дурацкую мысль. Они выросли в соседних дворах, учились в одной школе, семь месяцев делили постель. Он знал Светку как облупленную. Какая из неё помощница?

– Здраваться-то будешь?

– Ну привет, – процедил Егор, поднимая взгляд. Бывшая была при параде. Волосы цвета карамели уложены летящей волной, в ушах поблескивают серёжки с мелкими блестящими камешками. А ему даже на духи пришлось копить. Эх, Светка...

– А что ты здесь делаешь?

– Жду кое-кого.

– Тимура? С чего это вдруг? Вы же с ним дальше своей рыгаловки не выбираетесь.

– Не Тимура.

Светка старательно не замечала нежелания собеседника продолжать разговор. Она улыбнулась и заправила локон за ушко, привлекая внимание к новым серьгам. Но Егор на мелкую провокацию не поддался.

– Мой тоже опаздывает. Поболтаем пока, ты не против?
Как дела?

– Против.

– Да повзрослей уже! – Подкрашенные красной помадой губы задрожали, ладонь с наманикюренными пальчиками стиснула спинку стула. – Неужели мы не можем пообщаться как взрослые люди? Думаешь, мне не было больно? Думаешь, я не хотела создать с тобой семью, родить детей? Да я неделю ревела, когда мы расстались, на семьсот грамм поухудела. Ты не сделал ничего, чтобы меня удержать!

Егор с силой потёр лицо руками и закрыл глаза. Не помогло. Звонкий голос с лёгкой, симпатичной картавостью на букве «р» ввинчивался в мозги конусным сверлом.

– Мы могли быть счастливы. Но ты даже не попытался найти работу, сколько я тебя об этом ни просила!

– У меня есть работа, – глухо выдавил участковый, дождавшись, когда бывшая сделает паузу, чтобы вздохнуть. Некстати появилась официантка. Сгрузила с подноса стакан с морсом, плетёную корзинку с порезанным на куски лавашем и маленькую пиалу с чем-то красным, похожим на кетчуп.

– Ваш заказ. Соус для лаваша. Не беспокойтесь, он бесплатный.

– Вот она, твоя работа! – Светка не сумела скрыть торжества. – И как ты на эти деньги собрался содержать семью? А если бы я захотела ребёнка и села в декрет?

Она всё продолжала и продолжала сыпать упрёками, припоминать обиды, накопившиеся за время совместной жизни. А Егор тоскливо тарасился на скатерть и думал, что Тимур всё правильно про неё сказал. Есть женщины, которым мало уйти и оставить человека с разбитым сердцем. Им надо засовывать в рану пальчик и ковырять там заточенным коготком, чтобы коркой не заросло. Придумывать многозначительные статусы в соцсетях, слать фотографии с новым парнем и подписью «Я счастлива! Впервые за столько лет!». Вот тогда они чувствуют, что живут...

В плане баб друг заслуживал доверия. Среднего роста, коренастый, с круглым скуластым лицом, Тимур искренне любил женщин. Что удивительно, те охотно любили его в ответ. Может от того, что друг не признавал ограничений? Не было случая, чтобы он посмотрел на девушку, какую угодно умницу-красавицу, и сказал: нет, не по Сеньке шапка, попробую подкатить к кому-нибудь ещё. Отсутствие тормозов помогало в амурных делах, но мешало во всех остальных. Тимур бессчётное количество раз получал по зубам, вылетал с работы и лишался водительских прав за превышение скорости и езду по встречной полосе. Но ни одна из пассий не выкатывала ему претензий за безалаберный образ жизни.

– Болван бесчувственный! – Светка скомкала остаток монолога, увидев, что на парковку у ресторана свернул серебристый Лексус с московскими номерами. Достала из сумки зеркальце, проверила макияж.

Егор не хотел, но всё-таки проследил, как выбирается из автомобиля её новый избранник. Идёт к веранде пружинистой походкой молодого, полного сил и уверенного в себе человека. Целует девушку в губы, расстёгивает кремовый в мелкий рубчик пиджак. И Светка принимается жизнерадостно щебетать о том, что соскучилась и успела проголодаться.

«Куда бы пересесть?» – подумал Егор, доставая из корзины кусок лаваша и окуная в соус. Ресторанчик пользовался спросом, все свободные места успели занять. «Что за подстава...».

– Добрый день!

Погружённый в мысли Одинцов не заметил, как к нему подошла совсем юная девушка, не старше двадцати. А вот Светка ничего не упустила и теперь вертелась на стуле, бросая через плечо возмущённые взгляды. Будто её специально усадили поблизости и заставили следить за соседом.

– Сержант Одинцов?

Участковый, спохватившись, кивнул.

– Меня зовут Василиса.

– Прекрасная? – зачем-то уточнил Егор.

Девчонка и вправду выглядела мило. Серо-зелёные глаза смотрели ясно и доверчиво, мешковатый свитер был не в силах скрыть ладную фигуру. Когда Василиса повернулась, пристраивая увешанный значками рюкзак, по лопаткам хлестнула золотистая коса.

– Премудрая. Не путай, пожалуйста. Нас двое.

Помощница Бабы Яги уселась напротив и наморщила слегка вздёрнутый, покрытый бледными веснушками нос.

– Канализацией пахнет, чуешь?

– Нет, – соврал Егор и покраснел.

– Ладно, лишь бы с не с кухни. Я голодная как собака. – Василиса цапнула лаваш и продолжила с набитым ртом. – Мне на расследование подкинули немного денег, сегодня ужин за казённый счёт. Я тебя по-быстрому просвещу, а ты потом вопросы позадавай. Пойдёт? Тогда слушай. Мы – материальное воплощение культурно-информационного поля. Если по-простому, когда много людей на протяжении долгих лет во что-то верят, это что-то становится реальным. У детей воображение работает особенно сильно, поэтому среди нас полно сказочных персонажей. Раньше мы друг друга называли «доухъ», а потом прижилось «фольки», от слова «фольклор». Только Бабе Яге не говори, она сленг не одобряет.

– Я правильно понимаю, что вы живёте сотни лет? Как же вас не вычислили до сих пор?

Василиса пожала плечами, выискивая глазами официантку.

– На общину работают ведьмы, они помогают с прикрытием. Периодически мы разъезжаемся по другим городам, потом возвращаемся под видом родственников. Но самое главное, нас не разглядеть сквозь человеческую ипостась. Даже один фольк не в силах вычислить другого, если тот не захо-

чет. Или не утратит контроль и чем-то себя не выдаст. Мощественные маги, вроде Бабы Яги, способны видеть через оболочку. Но только когда объект наблюдения уступает по силам.

Грустная официантка Алёна, всё это время стоявшая возле входа с опущенной головой и скрещенными на груди руками, наконец-то заметила голодный Василисин взгляд.

– Привет.

– Привет! Как дела?

Похоже, они были знакомы.

– Тяну помаленьку, – устало ответила официантка. – Ты не слышала, есть шанс осенью единоразовую выплату получить? Мне детей в школу собирать. Прислали список – одних тетрадок с книжками тысяч на пять. Обувь надо купить, джинсы, спортивный костюм старшему. Он за лето из всего вымахал, не знаю, что и делать.

– Висело какое-то объявление, но не уверена. Лучше сама поинтересуйся. Сегодня приёмный часы до полуночи.

– Зайду, куда деваться. Выбрала чего?

– Да. Принеси, пожалуйста, люля-кебаб с картошкой фри, салат Цезарь и чай.

– А мне – свиной шашлык с овощами-гриль. – Егор решил не ломаться и воспользоваться халявой. День выдался на редкость паршивый, должна же быть компенсация.

Когда официантка ушла, шёпотом поинтересовался:

– Она тоже фольк?

– Ага. Алёнушка из «Аленького цветочка».

Егор попытался вспомнить мультфильм, но дальше фразы «Привези-ка мне, батюшка...» дело не пошло. Видимо, на его лице отразилось сомнение. Василиса бросилась защищать коллегу по цеху:

– А ты чего ждал? Раз из сказки, так должна выглядеть, как модель Плейбоя в кокошнике? У неё трое детей, а муж их бросил. И алиментов ни рубля не заплатил. Она пашет на двух работах!

– Да я ничего, я вообще на другую тему... – поспешил отмазаться Одинцов. Он не знал, чему удивляться больше. Тому, что фольклор оживал на глазах. Или тому, что милую добрую Алёнушку бросило Чудовище, и теперь ей приходится тянуть лямку матери-одиночки. – А есть тут ещё кто-нибудь из ваших?

– Вон Тугарин Змей. Не туда смотришь, правей. Не последний фольк в общине, держит половину деревообработки в области. Больше вроде никого.

Одинцов покосился на лысого гладковыбритого мужика в приличном костюме. Тугарин Змей пялился в экран смартфона, ковыряя вилкой надъеденный чизкейк. Ничто в его облике не выдавало разбойной сути, за исключением уха, пробитого золотым кольцом.

– А почему вроде? Ты не всех фольков в городе знаешь?

– Только старожилов. Мы не единственная община в стране. Кто-то уезжает, кто-то приезжает. Появляются новички,

это непрерывный процесс. Сейчас поменьше, а во времена Советского Союза, когда республики активно поднимали национальную литературу, фольклор рождался сотнями. Если в городе появится неизвестный мне фольклор в облике человека, я об этом не узнаю, пока он не подойдёт и не представится.

– А убитая семья была как-то связана с общиной? Может, взрослые познакомились с фольклором, не догадываясь об этом?

– Про знакомство ничего сказать не могу. А связь имела. Но не прямая, а косвенная.

– Это как?

– Девушка! Подойдите, пожалуйста! – Сидевший за соседним столом владелец Лексуса двумя пальцами подманил официантку. Из-под манжеты высунулся белый ремешок смарт-часов. – Мне куриную грудку со спаржей. Нет, погодите, а спаржа у вас свежая или замороженная?

– Спаржи никакой нет, закончилась.

– Майя Георгиевна Пилипчук, бабушка из убитой семьи, когда-то возглавляла кафедру устного народного творчества и славистики в томском ВУЗе. Считалась прекрасным специалистом, защитила докторскую диссертацию по психологической инициации женщины в волшебной сказке. Но про общину ничего не знала. С чего думаешь начать? – Василиса облокотилась на скатерть и подалась вперёд, словно боясь упустить важную деталь зарождавшегося плана.

Егор задумался, вода пальцем по гранёной поверхности стакана. С мысли сбивал Светкин ухажёр, взявшийся допрашивать Алёнушку о составе салата. С каждой секундой выражение его лица становилось всё более разочарованным и утомлённым, словно у преподавателя, к которому на передачу пришёл бестолковый студент. И опять ничего не выучил.

«Ну и зануда...» – подумал Егор. Но бывшая девушка его мнения не разделяла. Она не сводила с кавалера восхищённого взгляда и кивала, присоединяясь к недовольству мелкими креветками. А когда подошла её очередь, попросила капучино на соевом молоке из-за плохой реакции организма на лактозу, хотя всю жизнь пачками уплетала пломбир. Наверное, тренировалась перед отъездом в столицу, откуда прибыл холёный красавец. «Не твоё дело» – сам себя осадил Одинцов.

– Поступим следующим образом. Я справлялся, на сегодня криминалисты закончили работу на Молодёжной. Завтра вернутся проверить отпечатки, нингидрин с аминокислотами медленно реагируют, за ночь проявятся новые. Но прямо сейчас там никого нет. С дверью я разберусь. Надо будет очень аккуратно, не оставляя следов осмотреть квартиру на предмет... нетипичных улик. Сможешь определить, что за колдовство там творилось?

Вместо ответа Василиса вытаращила глаза и прошипела:
– Храбрый Баран!

– Что? – опешил Егор, приняв «барана» на свой счёт. Но потом сообразил, что девушка смотрела не на него, а куда-то за спину. Оглянувшись через плечо, он разглядел в прорехах среди зелени грузовую газель с распахнутыми дверцами. На дне кузова действительно лежал баран. Все четыре копыта стягивала верёвка, в широко расставленных глазах застыла мука. Над беспомощным животным возвышались ящики с бутылками, какие-то коробки, башни из поддонов, заполненных помидорами и огурцами.

– Зачем тебе... – заговорил Егор, но Василисы уже не было на месте. Она неслась к пузатому мужику, стоявшему возле машины с пачкой документов в руках. Рядом прикуривал красномордый водитель в потёртой кожаной куртке, только что вылезший из кабины.

– Твою дивизию, – тихо выругался Одинцов.

Глава 3. Бараньи бега

22 августа 2012 г. Среда, вечер, двадцать минут шестого.

К тому моменту, как участковый протиснулся между столиков, слетел с веранды и обогнул ресторан, возле газели разгорелся нешуточный спор. Посетители, забыв про еду, хихикали и снимали разборки на смартфоны.

– Слюшай, дэвушка, вот чеки, вот накладная. Чего тебе надо, а? Зачём кричишь?

– Какие чеки, баран краденый! – Василиса отпихнула сунутые под нос бумажки. – Я его узнала, он не ваш!

– Ме-е-е-е-е!

– Ну что за глюпасти нэсёшь? Купленный, как есть говорю! Я своих поставщиков знаю, дэсять лет вмэсте работаем!

– За базаром следи. Больно гнилой, отвечать придётся. – В разговор вмешался набычившийся водитель. Бросил недокурный бычок, попёр на разгневанную девушку, оттесняя её за автомобиль.

– А ну отошёл! – Егор подоспел вовремя, когда к Василисе уже тянулась лапища с расплывшейся синей наколкой. – Что здесь происходит?

– Товарищ сержант! – Низкорослый толстяк с впечатляющим носом и густой щетиной на подбородке сцепил ладони в умоляющем жесте. – Сумасшедшая какая-то! Мнэ корпоратив обслужить надо, а она прыщепилась как банный лист!

Говорыт, барана узнала! Как ты его узнала, а? В лицо, что ли? По родинке над губой?

– Ме-е-е-е-е!

– Вы – Вано Хуцишвили? – предположил Егор, изучая забитый продуктами кузов. Предмет спора приподнял лобастую голову, засучил связанными ногами, колотясь о ящики и коробки. Желтоватая шерсть свалаялась и побурела от грязи. Выпученные глаза таращились на участкового. На секунду Егору показалось, что среди отчаянного блеяния промелькнуло: «Ме-е-ерзавцы!». Хотя скорее это шалила фантазия, подстёгнутая событиями последних часов.

Одинцов перевёл на Василису вопросительный взгляд. Та еле заметно кивнула, подтверждая догадку.

– Я Вано, да. В жизни ни рубля нэ украл! Я – честный человек! И мой дэд был честный человек, и отец был честный человек. Хоть у кого спроси, всё знают Вано. Лючий шашлык в городе дэлаю!

Услышав про шашлык, баран завертелся с утроенной силой, пытаясь избавиться от пут. Плотное бочкообразное тело елозило по полу, размазывая пыль. Раскачивались ящики, дребезжали бутылки. Одно копытце сумело-таки растянуть узел, ослабив верёвку. Егор взял накладные и принялся их листать, лихорадочно обдумывая следующий шаг. Что делать? Попробовать надавить с помощью заявления про газовые баллоны? Или припугнуть санитарной инспекцией? Он, конечно, не специалист. Но вряд ли свежие овощи и живой

скот дозволялось возить вот так, в одной машине.

Прежде, чем Одинцов выложил первый козырь, внимание его привлёк отошедший в сторону водитель, тусклые глаза которого беспокойно перебегали с хозяина ресторана на дверцу кабины. Он словно прикидывал, дать дёру сейчас или продолжить возмущаться бесчестным поклёпом. В мозгу участкового забрезжила догадка.

– Десять лет, говорите... А наберите-ка поставщика. Поинтересуйтесь, как прошла сегодняшняя погрузка.

Водителя перекосило. Видя такое дело, Ваню полез за телефоном. Но тут барану надоело дожидаться помощи. Издав отчаянный, почти человеческий вопль, он замотал конечностями и сбросил растянутую верёвку с измочаленными концами. После чего перевернулся, вскочил на ноги и выставил для удара круглую, покрытую кудряшками черепашку. Водитель и Ваню прыснули по сторонам. А Егор недогадливо растопырил руки, преграждая барану путь.

– Держи его! У него стресс! – заорала Василиса.

«Это у меня стресс!» – успел подумать Егор, прежде чем рухнуть на асфальт, корчась от боли и лоя воздух разинутым ртом. Рядом упала слетевшая с головы фуражка, которую тут же расплющило в блин раздвоенное копыто. В поле зрения появились остальные конечности, затем разом исчезли, взметнувшись вверх. Зеваки довольно заулюлюкали. Егор с усилием повернул голову и увидел, как обезумевший баран скачет по припаркованным автомобилям. Потоптав-

шлись на чьей-то Ладе, животное одним махом перебралось на соседнюю Хонду, а оттуда – на серебристый Лексус. С жалобным гудением промялся капот, покрылось трещинами лобовое стекло. Ещё прыжок – теперь досталось и крыше.

Не успел участковый осмыслить происходящее, как его спугнул звук мотора. Не раздумывая, на одних инстинктах Егор откатился в сторону. Вовремя – водитель газели на полной скорости сдал назад. Из открытого кузова вылетели незакреплённые ящики и коробки. Покатались мясистые шары помидоров, зазвенело разбитое стекло. Крепко запахло водкой. Где-то неподалёку охнул Ваню и разразился громкой руганью на грузинском.

«Вот паскудство... Второй раз да по тому же месту...» – Одинцов поднялся на карачки, прижимая руку к ушибленному боку. Вокруг творился хаос. Газель разворачивалась на узкой площадке, давя колёсами овощи и бутылки. Народ орал, баран скакал, Василиса носилась по пятам, выкрикивая: «Бяша! Бяшенька, успокойся!». Светкин ухажёр нарезал круги у обезображенной машины, хватаясь то за голову, то за смартфон в попытках куда-то дозвониться. Пока его не зацепило распахнутой дверцей газели, сшибив на тротуар. Бывшая пронзительно завизжала, перекрыв прочий ор.

Не выдержав какофонии, баран рванул прочь от парковки. Одинцов мгновенно сориентировался, забыв про боль. Метнулся вперёд, вцепился в жёсткую шерсть, подтянулся, стараясь забраться на животное верхом и подмять под себя. Но

только бестолково протащился по дороге метров пять, пока баран диким скачком не стряхнул непрошенный груз. После чего – вот тут Егор точно не ослышался – проблеял матерное и исчез в переулке.

Участковый перевернулся с живота на спину и впервые порадовался, что не успел пообедать: половина лаваша неохотно сыграла отбой и вернулась в желудок. В кобальтово-синей вышине торжественно проплывали облака. Таял пушистый след от самолёта. Хлопая крыльями, в воздух поднялась стая голубей, растянулась неровной цепочкой. Вставать, да и вообще шевелиться, не хотелось.

Но он всё-таки поднялся и похромал к раздавленной фуражке, на ходу стряхивая с брючин куски овощей и клочья волнистой шерсти.

На единственного представителя закона, пусть и не при исполнении, обрушился град обвинений. Отдельно расстарался Светкин кавалер, чьего имени Егор так и не узнал. Он угрожал выставить счёт за ремонт автомобиля, за разбитые смарт-часы и даже за дорогой пиджак, угробленный падением на асфальт. Поток претензий истощился только тогда, когда Светка приложила к виску страдальца завёрнутый в салфетку лёд из ресторана.

Разгневанный Ваню уже выяснил, что с фермы никакого барана не посылали. Водитель соврал поставщику, что ситуация изменилась, подделал документы и подсунул хозяину

ресторана левак, а деньги положил в карман.

Дурдом продолжался, пока не прибыл вызванный Егором наряд. Повезло, что за ужином участковый переложил мобильный из кармана на стол. Иначе не миновать тому участи разодранного и изгвазданного кителя, без разговоров отправленного в помойку. Второго, мать его, кителя. Если дело пойдёт и дальше в том же темпе, к утру он останется без формы.

Егор поручкался со знакомыми операми, рассказал, что произошло, и ткнул в ближайшую камеру наблюдения, нацеленную на парковку. После чего с облегчением покинул ресторан. Василиса семенила следом, со смущённым видом бормоча извинения.

– Прости, пожалуйста. Это Храбрый Баран, он живёт у одного из наших в Знаменке. Но постоянно сбегает. Я обязана была что-то предпринять. Его собирались зарезать!

– Ничего, материализовался бы по новой. Уж в баранов верить никогда не перестанут, – огрызнулся Одинцов, бессознательно ускоряя шаг. Без кителя, в одной рубашке из синтетики было холодновато.

– Не материализовался... Мы сильнее и дольше живём, но нас тоже можно убить.

– И куда вы деваетесь после смерти?

– Как и вы, за Кромку. А дальше не знаю.

Некоторое время шли молча. Егор сердито пыхтел, Василиса бросала виноватые взгляды. Добравшись до Ленинград-

ского проспекта, участковый остановился и призадумался. Хорошо бы зайти домой, принять душ и переодеться. К неистребимому запаху мёртвого Хоси прибавилась вонь бараньей шерсти и водки из разбитых бутылок. Но его холостяцкая берлога находилась в противоположной от нужного адреса стороне. Пока они дойдут, пока то да сё... На Молодёжную попадут не раньше восьми, когда начнёт темнеть. А он надеялся осмотреть не только квартиру, в которой свет, кстати, лучше не зажигать, чтобы не привлекать внимания, но и территорию у подъезда. Вздохнув, Егор свернул направо, к месту преступления.

– А ты говорила, вы все выглядите как люди.

– Это касается антропоморфных существ, – охотно откликнулась Василиса, приняв возобновившийся разговор в качестве знака примирения. – Существует огромное количество сказок про животных. Им сложно поддерживать человеческую оболочку. Как бежать в полную силу, понимаешь? Вид зверей для них удобен и органичен, к тому же не вызывает подозрений. Хотя есть исключения. Например, Старому Филину ведьмы в складчину варят специальное зелье, чтобы он работал с документами. А Серый Волк изначально дуальная сущность и свободно перекидывается туда-сюда. Но когда устаёт, ему проще восстановить силы в облики зверя.

– Понял, проехали. – Одинцову захотелось сменить тему. – Почему ты осталась в Верхне-Волчанске, а не уехала покорять столицу?

После шести заметно похолодало. Девушка нахохлилась от ветра и натянула манжеты свитера на кисти рук. Пожала плечами.

– Я жила в Москве не один десяток лет, и в Петербурге, и за границей. Но когда живешь очень долго, блеск и суета надоедают. Многие наши когда-то разъехались по миру, а потом вернулись. Тот же Тугарин Змей или Марья Моревна. С возрастом всё больше тянет к своим, к своей земле. Хочется не роскоши, не праздника каждый день, а покоя. Быть рядом с теми, кто тебя понимает. Найти дело для души, а не для заработка. Как-то так.

Василиса застенчиво хмыкнула, словно извиняясь за излишнюю сентиментальность. Егор улыбнулся в ответ и расправил спину, хотя больше всего ему хотелось ссутулиться, обхватить себя за плечи и как следует растереть озябшую кожу. Справа показалась детская площадка, настоящий резной городок из деревянных горок и каруселей. От него начиналась дорожка через дворы, позволявшая сократить путь до Молодёжной. Солнце скрылось за облаками, малышню разобрали по домам. Только на качелях болтали двое подростков с банками энергетиков, да скучливо ковырялся лопаткой в песке мальчишка не старше шести. Неподальёку разговаривал по телефону мужчина в свитере под горло, с чехлом для ноутбука, болтавшимся на длинном ремне. Должно быть, его отец. При виде Егора мальчишка разинул рот, выронил лопатку и бросился навстречу с криком: «Дядя полицейский!».

– Чего тебе, боец? – Егор присел на корточки, чтобы не возвышаться над ребёнком пугающей глыбой.

– Я его видел! Я правда его видел!

Мужчина с ноутбуком бегство сынишки не отследил. Судя по жестикам, его поглотил телефонный спор.

– Давай по порядку. Меня зовут Егор. А как твоё имя?

– Артёмка, – ответил мальчишка, заворожённо разглядывая орла на перекошенной фуражке.

Одинцов намеревался спросить про возраст и садик, а затем ненавязчиво сплавить пацана обратно папаше, но Артёмка, словно подслушав мысли, затараторил:

– К Ксюше по ночам приходило чудовище, но Ксюша считала его другом. Оно ничего не делало, только пряталось под кроватью и просило рассказать сказку!

– Какую сказку? – насторожился Егор. Убитую девочку звали Ксюша Филиппук, а на слово «сказка» у него успела выработаться аллергия.

– Она говорила! Не помню! М-м-м... Мята... – Мальчишка по-взрослому наморщил лоб. – Сказки рассказывала бабушка, оно слушало, а потом просило ещё. Потом оно стало злым, Ксюша боялась. Ночью я видел, как чудовище вылезло из окна. Чёрное и страшное, спрыгнуло на машину и убежало!

– Как оно выглядело?

– Страшно! – На глазах мальчика навернулись слёзы, крошечные ладони сжались в кулачки.

– Артём, ты опять? Мы же договорились. Простите, он сегодня весь день бегаёт за полицейскими. – К участковому быстрым шагом приближался папаша. Дружелюбное выражение его лица сменилось опасливым. Наверное, разглядел заляпанную рубашку без верхней пуговицы и почуял свино-водочный запах. – У нас во дворе трагедия произошла. Да вы, наверное, в курсе. Пойдём домой, мама беспокоится.

Мужчина бережно приобнял сына за плечо.

– Оно было во что-то одето? Что именно ты разглядел? Простите, но это важно! – вмешалась Василиса.

– Нет ничего важнее здоровья моего ребёнка, – отчеканил папаша, загораживая сына. – Не говорите ерунды, никого он не видел. Ксюша жила на четвёртом этаже. После такого прыжка любой преступник бы ноги переломал. Ему приснился кошмар, а утром он случайно услышал... о произошедшем... Вот и наложилось одно на другое.

– А если оно придёт за мной? – Артёмка не выдержал и заплакал, шмыгая носом.

– Вот видите, чего вы добились. – Отец бросил на участкового укоризненный взгляд. – Больше никаких вопросов! Всего доброго!

– Не придёт! Я его найду и арестую! – крикнул на прощанье Егор, глядя на удаляющиеся фигуры, маленькую и большую. Неожиданно маленькая обернулась.

– Ксюша его нарисовала! Она мне показывала!

Василиса хотела броситься следом, но Егор её удержал.

Не стоило досаждать рассерженному отцу. А то накатает жалобу, та попадёт на стол Морозу, и вскроется вся история с фальшивыми курсами. Одно дело – по-тихому осмотреть квартиру с наскоро починенным после вскрытия замком и аккуратно вернуть на место бумажку с печатью. И совсем другое – опрашивать свидетелей, вести расследование, совать нос, куда не просили. Подобных прерогатив у простого участкового не имелось.

– Что скажешь о подкроватном друге? Ваши на такое способны?

Егор двинулся дальше. Табличка на ближайшей хрущёвке возвестила о скором окончании маршрута. Следующий дом – двенадцатый, за ним – четырнадцатый.

– Вполне. У некоторых фольков есть врождённые способности к телепортации. Но я склоняюсь к тому, что это был одноразовый амулет. Ведь убийца не исчез из квартиры, а сбежал через окно. Вспомни сказки и былины, их герои часто крепче обычных людей. Прыжок с четвёртого этажа по силам многим из фольков. Предугадывая следующий вопрос, отвечу: амулет можно изготовить самому, если есть навык и набор очень редких ингредиентов, а можно купить. Продаются они в разных местах, не только в нашей общине. Но удовольствие дорогое, как из Москвы на Чукотку бизнес-классом слетать.

Егор недовольно присвистнул.

– Вы и такое умеете... А мята?

– Входит в состав некоторых зелий, не самый сильный ингредиент. Мята сама по себе никакими волшебными свойствами не обладает. Чёрт его знает, что это значит. – Василиса поддела ногой пустую алюминиевую банку из-под Фанты. Та с дребезжанием покатила по тротуару.

– А слова «чёрный и страшный» ни на кого не наводят? – предпринял последнюю попытку Одинцов.

– Ты читал настоящие сказки? Не книжки издательства «Малышок», а их неотредактированные версии? Там насилия и ужасов хоть лопатой гребь. Половина фольков в истинной ипостаси напугают даже взрослых.

Егор покосился на идущую рядом девушку. Интересно, как она выглядела на самом деле? Вдруг еле заметные крапинки веснушек и ямочки на щеках служили маскировкой? И в той, чужой реальности Василиса щерилась двумя рядами жутких кривых зубов? Или обрастала шипами и чешуёй?

Они свернули с тротуара на тропу, ведущую через футбольное поле в симпатичный зелёный дворик, образованный тремя кирпичными домами, поставленными буквой «П». Возле подъездов цвели астры и хризантемы, жмурился на чужаков бродячий кот. О ночной трагедии напоминала только старая Тойота с помятой крышей и длинным сколом на заднем стекле.

– Надеюсь, хоть тут обойдётся без приключений, – пробормотал Егор, бросив по сторонам подозрительный взгляд.

Над головой гроыхнуло. Из крайнего справа окна вы-

рвался сгусток огня, на долю секунды затопив улицу ослепительным светом. Егор схватил Василису и крутанулся на месте, поворачиваясь к подъезду спиной. С неба посыпался град из обломков, щепы и осколков стекла. Вразнобой заорала сигнализация на машинах. По хребту больно вдарило чем-то твёрдым, хлестнуло по макушке. Егор стиснул зубы и крепче прижал дрожащую Василису к груди. Девушка испуганно дышала, вжимаясь в рубашку лицом. Рядом взвизгнула женщина, бросилась бежать, закрываясь сумкой. По её ногам стекала кровь.

Когда последний камень стукнулся о землю, Одинцов разжал объятия и оглянулся. На четвёртом этаже не только выбило окна вместе с рамами, но и вывернуло часть рыже-коричневой кладки. Остатки стены покрывала копоть, внутри бушевало пламя.

Глава 4. Очень полезное хобби

22 августа 2012 г. Среда, вечер, без двадцати семь.

Василиса, прикусив бледно-розовую губу, щурилась на рвущиеся из разлома языка огня. В воздухе разносился запах гари. Двор усеивали битые кирпичи, куски пластиковых откосов и сломанные ветки. Из-под днища Тойоты пугливо выглядывал кот. Стёкла выбило по всему подъезду, и в квартирах, и на лестничных клетках. Кое-где соседи в ужасе тарасились из опустевших рам, недоверчиво ощупывая прозрачные зубцы. Железная дверь с магнитным замком тоже стояла распахнутой, с покосившейся створкой.

– Батюшки-светы! – Из-за угла вырулила старушка, от неожиданности уронила мусорный пакет.

Начал подтягиваться народ. Женщину с окровавленными ногами усадили на лавку. Она кашляла, прижимая к губам носовой платок – после взрыва при каждом вдохе горло саднило от пыли. Кто-то звонил в скорую, кто-то – пожарным. Зашептались про теракт, но экзотическую для провинции версию быстро вытеснил бытовой газ.

– Твою мать! – Егор досадливо пнул секцию батареи, выпавшую из квартиры вместе с частью стены. Значит, не он один такой умный оказался. Либо неизвестный фольк тоже забеспокоился по поводу детских рисунков, либо припомнил другие улики, пропущенные несведущей в волшебных

делах полицией. Что хуже, взрыв произошёл перед их приходом. Ночью и днём в квартире толпились криминалисты. Возможно, раньше убийце было просто не подобраться. Но существовал и другой вариант...

Вдали по нарастающей завывали сирены. Через минуту на тесную улочку въехала скорая, за ней – два ярко-красных Камаза с лестницами на крышах.

– Поднимемся, посмотрим, что осталось от квартиры? – Василиса осторожно потянула участкового за рукав, привлекая внимание. – Я смогу ненадолго отвести пожарным глаза.

– Ни в коем случае, не вздумай мешать. Им надо срочно ликвидировать возгорание, здесь весь район на газу.

– Я не подумала. – Василиса опустила глаза.

– Ты вообще маловато думаешь для Премудрой, – в сердцах ляпнул Одинцов. Но заметив её расстроенный вид, извинился. – Прости. Я просто не знаю, как теперь быть.

Из подъезда начали выбегать наспех одетые, перепуганные люди с сумками и кульками в руках. Заголосила баба в махровом халате и с кошачьей переноской, вой подхватила соседка. Вокруг машин заматались пожарные в чёрно-жёлтых спецовках с баллонами на спине. Двое разматывали длинную брезентовую кишку, третий вертел в руках что-то вроде разветвителя с круглыми раструбами. Остальные натянули маски и бросились в подъезд, на ходу разгоняя жильцов и зевак.

Прохожие отошли подальше и столпились на тротуаре, за-

драв головы и уставясь на плотные клубы чёрного дыма. С волнами жара на улицу вылетали искры и догоравшие на лету обрывки то ли ткани, то ли бумаги.

– Дождались, мля. Здание сорок лет без ремонта, проводку при Андропове в последний раз проверяли. Мне, мля, с работающим телеком засыпать страшно.

К Василисе приблизился затрапезного вида мужик в трениках, тапках и крупноячеистом вязаном свитере, сквозь который просвечивала майка-алкоголичка. Его седеющие лохмы были забраны в хвост, на лице болтались очки со сломанной дужкой, подклеенной скотчем. Присмотревшись, Егор с удивлением понял, что мужик был ещё и мокрым с головы до ног, а кожа его отдавала нездоровой, как у покойников в морге, синевой.

– Проводка не при чём. – Василиса обернулась к мужику и нахмурила брови. – Ты не видел, что произошло?

– Да я только вылез. Разорались, мля... Дай, думаю, гляну... А вы чего?

– Мы по делу. Познакомься, это Егор Одинцов, он из полиции, помогает общине с расследованием. А это Водяной, он работает сантехником в местном ТСЖ.

Водяной растянул рот в неприятной улыбке и сплюнул на асфальт сгусток слюны с вкраплением рыбьей чешуи.

– Помогает, так молодец. Моя милиция меня бережёт, мля.

Егор пожал вялую руку, будто за чищенного карася подер-

жался, после чего незаметно вытер ладонь о штаны.

Водитель, оставшийся возле Камаза, залез на подножку и провернул кверху какой-то рубильник. Плоская кишка пожарного рукава, утянутая в подъезд, упруго встопорщилась и надулась. Клубы дыма на четвёртом этаже поредели, вместо них на асфальт полилась вода с ошмётками грязной пены.

– А вы чего хотели? – спросил Водяной, глядя на помрачневшие лица собеседников. – Может, я чем помогу?

– Вряд ли. – Покачала головой Василиса. – Мы искали рисунки девочки, что жила в этой квартире.

– Ксюши-то? Тогда вам повезло. Майя Георгиевна, земля ей пухом, на выходных три пакета этих самых рисунков на помойку оттащила. Сказала, в квартире места уже не осталось. А я забрал, бумагой стёкла хорошо протирать. Хобби у меня имеется. Скалярый развожу.

Девушка радостно пискнула и обхватила рыбьего мужика за шею, чмокнув лоснящуюся синюшную щёку. Егор поморщился. Во-первых, Василиса выболтала план непонятно кому, не подумав о риске. А во-вторых, от Водяного пахло болотом, а в нечёсаных лохмах застряло что-то длинное и осклизлое, похожее на подгнившую водоросль.

– Пошли, я тут недалеко.

Халупа Водяного располагалась в полуподвальном закутке цокольного этажа. Из-под металлической двери, выкрашенной тускло-зелёной краской, тянуло сыростью и рыбьими потрохами. Внутри царил полумрак – единственное окно

хозяин заклеил газетными листами. Под потолком мерцала слабая лампочка без абажура, вокруг неё роилась мошкара. Пол жилой комнаты был выложен кафельной плиткой, чьи стыки забились грязью и заросли плесенью. Дальнюю стену загораживала открытая цистерна с водой, от которой по комнате расплывалась особенно гнусная вонь. А ещё здесь были аквариумы, десятки аквариумов: круглых, плоских, прямоугольных, с мелкой галькой на дне, с пышными зарослями растений, кишаших рыбой и пустых. У входа стояло жестяное ведро с наполовину сдвинутой крышкой. Егор по неосторожности в него заглянул и сразу отпрянул: внутри копошились черви. Должно быть, корм для рыб. Или для хозяина.

Водяной отправился на кухню, где принялся стучать дверцами и шуршать полиэтиленом. Вернулся, волоча по полу три объёмистых мешка.

– Натё. Хотите, можете тут посмотреть.

– Не, мы пойдём. Темновато у тебя, – выкрутилась Василиса, принимая первый мешок и без усилий закидывая его за спину.

– Ну как знаете... А то я ушицы наварил.

– Спасибо, я не голодный, – соврал Одинцов и подхватил оставшиеся мешки, большие, но не слишком тяжёлые.

Выйдя на улицу, он притормозил, опустил поклажу на асфальт, показавшийся после берлоги Водяного таким чистым, что хоть кушай с него, и с удовольствием втянул свежий воздух. Не сдержавшись, буркнул:

– От меня теперь рыбой за километр несёт!

– Да от тебя чем только не несёт! – обиделась за приятеля Василиса. – Ты как ходячая животноводческая ферма, где все рабочие ушли в запой!

Это было правдой, но Егор всё равно почувствовал себя задетым.

– Пошли ко мне, я живу в двух остановках. – Василиса перехватила мешок поудобнее и устремилась в проход между домов. Поколебавшись, Егор последовал за ней, кривя губы и шевеля желваками. Ферма, значит... Животноводческая. Он вывернул шею, понюхал рубашку и окончательно расстроился.

Василиса снимала квартиру на втором этаже бетонной панельки.

В прихожей девушка стянула кроссовки, а затем и безразмерный свитер, оставшись в одной белой футболке без рукавов. На груди, довольно округлой для субтильного телосложения, болтался кулон в виде наконечника стрелы. Егор, до сих пор обиженный, молча разулся и проследовал в комнату, бросив мешки на ковёр. Верхний перевернулся, из раскрытой горловины хлынул шелестящий бумажный поток.

Одинцов огляделся. Чистенько, симпатично. У стены стояла односпальная кровать, застеленная клетчатым пледом, над ней висели забитые книгами полки. Егор вытащил том наугад – «Теория и практика ювелирного дела». Задвинул

назад. Уюта комнате придавало мягкое кресло и напольная лампа с торшером, накрытым платком с пёстрой вышивкой из птиц и цветов. Место у окна занимал рабочий стол, заставленный коробочками, баночками, шкатулками с бисером и пуговицами, жгутами тесьмы и связками сушёных растений, испускавших аромат жаркого полдня в лесу. К краю столешницы были прикручены тиски, рядом крепились вальцы для прокатывания проволоки.

– Чай будешь? – с кухни донёлся звонкий голос, заглушаемый пущенной из крана водой.

– Из самовара? – заинтересовался Егор.

– Ага, с кулебякой и баранками. Я живу в том же веке, что и ты. Чай в пакетиках.

Участковый снова насупился.

– Так будешь или нет?

– Нет! – Ответ прозвучал излишне резко.

– Как знаешь.

Егор присел на корточки и перевернул первый мешок. Во все стороны разлетелись страницы из альбомов, тетрадей и блокнотов разного формата. Девочка любила рисовать... Он постарался отогнать лишние для расследования мысли. Это просто улики. Их надо изучить. Из-за сырости в квартире Водяного многие рисунки слиплись между собой, а почеркушки фломастером растеклись и превратились в малопонятные абстракции. Одинцов принялся сортировать кучу, откладывая просмотренные картинки в отдельную стопку.

Больше всего девочка любила изображать семью (бабушка в очках и с гулькой на голове, мама с волосами до пят, папа в галстук), принцесс в платьях куполом и смешных улыбающихся животных.

Подошла Василиса, удивилась:

– Ты чего на полу? Садись в кресло.

– Обивка фермой провоняет, – процедил участковый, подставляя свету очередной листок.

Девушка замешкалась, а потом неуверенно уточнила:

– Ты что, обиделся?

И, не дожидаясь объяснений, сделала вот что: опустилась на колени рядом с Егором, уткнулась носом в отворот рубашки и втянула воздух.

– Фермой, конечно, пахнет. Но за ней я чувствую запах туалетной воды и тренированного мужского тела. Мир?

Так же быстро вскочила на ноги и пересела на кровать.

Егор растерянно заморгал и не сразу сообразил, что сказать.

– А-а-а... Да на полу просто удобней...

– Тогда ладно.

Василиса потянулась к полкам над головой, провела пальцем по корешкам и выдернула толстую книжку в серо-коричневой обложке.

– У меня есть несколько монографий Майи Георгиевны и учебники по фольклору. Раз ты занят, поищу информацию о детских кошмарах.

Каждый углубился в свою работу. Поползли часы, наполненные шелестом и шуршанием бумажных страниц. Рисунки, рисунки, рисунки... Егор отсидел себе зад, попробовал стоять на коленях, но быстро устал. Колючий ворс натирал кожу через штаны, пока он не догадался подложить снятую с кресла подушку. Солнечные лучи за окном окрасились в золотисто-розовый, затем потускнели до жидко-голубого. Зажёгся торшер. Свет от лампочки, проходя через платок-абажур, ложился цветными пятнами на обои. Под рукой незаметно возникла тарелка с бутербродами с толсто нарезанной ветчиной, бессознательно опустошённая участковым.

Перелопатив два мешка, Егор позволил себе отвлечься и продемонстрировать хозяйке квартиры любопытную картинку. На ней глазастый треугольник с копьеобразной косою держался за руки с квадратным существом не менее устрашающего вида. Перекошенные буквы над парочкой складывались в подпись: «Васелиса при мудрая и её жиних».

– Ты глянь на портретное сходство!

В ответ донеслось тихое фырканье.

– Что за жених?

– Наверное, Иван-дурак, – вздохнула девушка. Кинула книгу на плед, положила руки на поясницу и глубоко прогнула затёкшую спину. Футболка натянулась, обрисовав соблазнительную грудь. Егор отвернулся, напоминая себе, что видит лишь обманку, человеческую ипостась древнего и непонятного существа. Чтобы скрыть смущение, спросил:

– Как дела с кошмарами? Нашла что-нибудь?

– С кошмарами всё хорошо. Я бы сказала, обильно. Ты когда-нибудь слышал про заложных покойников?

– Нет. Это кто?

Егор подтянул к себе последний, третий по счёту мешок. В глазах уже рябило от цветов, облаков, фей и котят. Сказочные персонажи попадались намного реже, по большей части царевны-королевы, никак не связанные ни с Ксюшей, ни с её комнатой. Ничего пугающего и странного разглядеть в них не удалось.

– Нечистая сила, мертвецы, не нашедшие успокоения. Любят пугать людей и скот. Или вот другая версия: восточные славяне поддерживали культ предков. Считалось, что родственники не уходят навсегда, а остаются частью семьи, просто невидимой. Духам-дедам оказывали уважение, подносили дары, справляли поминки. Если духа обращение устраивало, он семье помогал. А если нет, то мог устроить беспорядок или кого-нибудь покалечить. Мстили духи именно по ночам, в том доме, где встретили смерть.

– Раз Ксюша жила с бабушкой, в анамнезе имелся и дедушка, – подхватил Егор, листая угодившую в общий набор раскраску. – Надо проверить, что с ним случилось.

– Не спеши, это не конец списка. Следующий пункт – упыри. По некоторым поверьям, они способны летать, оборачиваться животными и просачиваться в дома сквозь щели. Далее, домовые...

– Домовые-то здесь при чём? Они же добрые. – Просмотрев раскраску до конца и не найдя никаких зацепок, Одинцов швырнул её в грудку изученного материала. Взял толстую тетрадь в клетку, обложка которой была щедро обклеена сердечками из фольги.

– Это сейчас они добрые. Раньше домовых считали мелкими демонами. Они похищали некрещённых детей, насиловали вдов, душили людей во сне, усаживаясь на грудь. Кикиморы тоже подходят, они способны становиться невидимыми. Попадают в человеческое жильё вместе с каким-нибудь предметом, изгнать их почти невозможно. Игоши – уродливые дети кикиморы. Есть ещё злыдни, цыцохи, ночницы, завистливый дух Жердьяй, Мара, Бабай, Страшило, Бука, Баечник. У нас в области даже Бугимен живёт. Приехал с группой американских студентов, изучавших архитектуру Сибири.

– Как-то не верится, что у вас с таким контингентом до вчерашнего дня было тихо.

Последнюю тетрадь Егор пролистывал с особым вниманием. Оставленные в ней рисунки выглядели многообещающе. Яркие цвета исчезли, на смену оранжевым и голубым карандашам пришли серые и коричневые. Вот и спальня – взгромозились друг на друга подушки, похожие на стопку вареников. Растопырила ножки кровать, пространство под ней Ксюша густо зачирикала, даже бумагу порвала.

– Да, многие из нас созданы как злые духи. Но мы разумны. И умеем обуздывать свои наклонности. – В голосе Ва-

сились просквозил холодок. – Ты не имеешь права считать всех домовых убийцами на том основании, что кто-то из них в семнадцатом веке кого-то придушил. Точно также как я не имею права мести всех людей под одну гребёнку, хотя среди вас жили Джек Потрошитель, Чикатило и Гитлер.

Егор хмыкнул, признавая аргумент. На следующей странице снова изображалась спальня. Рядом с кроватью, где притаилась плотно заштрихованная тьма, стояла девочка. Из глаз её били фонтаны крупных, нарисованных отдельными каплями слёз.

– Надо съездить в архив. Посмотреть, с кем из нечисти связывают мяту. Я такого не припоминаю.

– Не мята, а мета...

Последняя картинка была нарисована в два цвета, красным и чёрным карандашами. Вся та же схематичная спальня и раскоряченная кровать. Из темноты под ней тарачились две злобных щели с узкими полосками зрачков. К низу темнота сужалась и клинообразным отростком выдавалась вперёд. Лапа? Или борода? Но самое главное, над кроватью плясали кривые буквы, выведенные неумелой рукой: «Метасказка». Одинцов мысленно повторил нелепое слово, пытаясь вызвать хоть какие-то ассоциации. Тщетно.

Василиса слезла с кровати и подошла к участковому. Посмотрела на рисунок, склонившись над плечом. Так близко, что Егор ощутил запах её волос, напомнивший об уставшем от летнего зноя поле. Похожий аромат витал в дачном доме

его бабушки, любительницы добавлять в чай разные травы вроде ромашки и чабреца.

– Это наверняка он.

– Узнаешь кого-нибудь из фольков? С длинной тёмной бородой?

Девушка подняла глаза к потолку, припоминая имена.

– Бородатых полно. Черномор, Банник, Блуд, Чернобог, Дед Пихто, Кудеяр, Финист, Полевик, Лесовик. Богатыри тоже все бородатые, кроме Алеши Поповича... – как бы оправдываясь, смущённо добавила – В славянском фольклоре бритых мужчин и нет почти...

М-да, вот тебе и особая примета. Одинцов выдрал листок, сложил его в подготовленный файл и убрал в карман.

– А про метасказку что-нибудь слышала?

Василиса покачала головой. Села на ковёр, собирая ненужные рисунки и расталкивая их обратно по мешкам. Егор взялся ей помогать.

– Надо в интернете поискать.

– Бесполезно. В Московской общине есть специальная служба, которая подчищает информацию в сети. В интернете ты не найдёшь ничего про настоящее волшебство. Зато я знаю, у кого можно спросить. Администрация сегодня работает допоздна, успеем.

Глава 5. Сказочная бюрократия

22 августа 2012 г. Среда, вечер, около восьми.

Услышав про администрацию, Егор подумал о сером трёхэтажном здании в центре города, где скрывался тихий незаметный мэр, раз в четыре года выбиравшийся в общественное пространство, чтобы напомнить о своём существовании.

Однако помощница Бабы Яги потащила его на окраину, за насыпь с железнодорожными путями, к закрытому НИИ сельскохозяйственной микробиологии. В советское время институт являлся научным центром всесоюзного масштаба. В девяностые финансирование сократили, и НИИ тихо загнулся, как и многие учреждения тех времён. Осталась огромная территория за забором: несколько корпусов, своя котельная, большой сквер. Но на всём лежала печать заброшенности и разрухи. Фонари горели через один. Бетонная плитка во дворе растрескалась, между стыков проросла трава. Краска на зданиях облезла и встопорщилась хлопьями, круглую чашу фонтана заполнила дождевая вода, на поверхности которой плавали листья и мелкий сор.

Ощущение безвременья усиливал холодный вечерний свет. Из разросшихся елей торчали руки какой-то статуи. Крепкие бронзовые ладони поднимали к небу конструкцию, похожую на схему атома из школьного учебника по физи-

ке. Один из эллипсов, изображавший траекторию электрона, опутывала лента с лозунгом «Слава советской науке!». Над восклицательным знаком сидела ворона.

Впрочем, приглядевшись повнимательней, Егор начал замечать отдельные признаки жизни. На калитке у пустой проходной висело объявление, что въезд на территорию осуществляется по пропускам, оформляемым у коменданта. Кое-где на этажах блестели пластиковые окна, за которыми виднелись опущенные жалюзи. В урне валялся бумажный стаканчик из-под кофе. У парадного крыльца с десятком выщербленных ступеней цвели петунии в гипсовых вазонах. Рядом висела растяжка с надписью «Отель Лукоморье» и жирной стрелкой, указывающей направо.

Заметив недоумённый взгляд участкового, Василиса пояснила:

– Община выкупила здание десять лет назад. Недавно мы решили одно крыло оборудовать под отель, а доходы пустить на социальные нужды.

Егор усмехнулся.

– И как, много тех доходов?

– Пока не очень. Половина номеров пустует, иногда вообще два-три клиента живут.

Ничего удивительного. Верхне-Волчанск и в лучшие времена не мог похвастаться потоком туристов. Историческая застройка в городе не сохранилась, не считая пары образчиков советского конструктивизма, вроде того же НИИ или ки-

нотеатра «Космос». Из посторонних сюда приезжали только редкие командировщики, связанные со строительством или деревообработкой. Но и они предпочитали селиться по съёмным квартирам.

Возле входа в центральный корпус висело ещё одно объявление про отель со стрелкой, на этот раз распечатанное на простом листке а-четыре. Должно быть, для самых рассеянных постояльцев. Егор поднялся по ступеням и придержал дверь идущей следом Василисе. Интерьер помещения соответствовал фасаду. Свет фонаря у крыльца с трудом просачивался сквозь пыльные стёкла. Дальнюю стену покрывала мозаика со снопами колосьев и учёными в белых халатах, за спинами которых ползли по полю трактора. Несколько кресел с деревянными ножками, окружённые фикусами в напольных горшках, терялись в сумраке вестибюля. Звук собственных шагов показался Одинцову слишком громким и неуместным.

Из вестибюля они попали в коридор с лампами дневного света, где по стенам тянулись оставшиеся с институтских времён плакаты под оргстеклом, перечислявшие виды насекомых-вредителей. Егор узнал колорадского жука и бабочку-капустницу. Старый линолеум вспучился волнами. Тихо жужжали лампы, издали наплывал недовольный бубнёж.

Коридор закончился просторным холлом. У дверного проёма на стуле посапывала старушка в толстой мохеровой кофте. Дремала чутко: Егор едва не наткнулся на выставлен-

ную поперёк прохода руку.

– Гостиница не здесь. Вернитесь назад, выйдите из здания и поверните направо.

– Всё в порядке, это со мной. – Василиса взяла участкового под локоть. – У Филина есть кто-нибудь?

– Демидыч. Полчаса как зашёл.

– Тогда мы следующие. Придётся подождать.

Последняя фраза была обращена к Егору. Он машинально гугкнул, пожирая глазами обстановку администрации.

Ремонт здесь не обновлялся с перестройки. Именно тогда появился унылый подвесной потолок и скамейки в виде скреплённых по трое дырчатых сидений, верный признак учреждений с плохим бюджетом. Из остатков бывлой роскоши уцелела мраморная плитка на полу и лепной барельеф со знамёнами и профилем вождя. В холл выходило шесть дверей, на ближайшей значилось: «Ярослав Мудрый, В. К. Приёмные часы: вторник и четверг, с десяти до четырнадцати ноль-ноль». На другой – «Бухгалтерия и отчётность», на следующей «Дежурная служба», за ней виднелся «Юридический отдел». Последним шёл «Ведьмовской совет по вопросам социальной защиты населения», напротив которого толпилась самая большая очередь. Возле архива никого не было, но Василиса на всякий случай заняла позицию поближе. Между бухгалтерией и дежуркой висел стенд с правилами поведения, откуда участковый узнал, что фолькам запрещалась передвигаться по улицам в ступах,

сапогах-скороходах, сидя на помеле, лёжа на печи, на собачьих и заячьих упряжках, летучих кораблях, а также «при помощи иных транспортных средств, использующих нетрадиционную (волшебную) тягу». Регламентировался и внешний вид горожан: крылья, рога и хвосты перечёркивал красный крест.

Четверть стенда отводилась доске позора. К ней кнопками крепились плохо пропечатанная чёрно-белая фотография, где было запечатлено озеро у песчаного карьера. Из воды торчали три каких-то кочерги, причём средняя дымилась. Из-за ночной съёмки детали и контуры сливались между собой в зернистые кляксы. Егор прищурил глаза, вчитываясь в мелкий текст: «За злостное нарушение пункта 3.1 Устава Общины, а именно, купание в поселковом озере в ненадлежащем виде, а также за многочисленные поджоги помоек и урн, Змей Горыныч лишается права на проживание в Яви сроком на два года. Заместитель В.К. Ярослава Мудрого Наина Киевна Финн». Под датой стояла размашистая подпись синей гелиевой ручкой.

Очередь в холле вела себя в точности как толпа, осадившая кабинет терапевта. Фольки переругивались, жаловались на нехватку стульев, собачились, кто за кем идёт, и убивали время в телефонах. Некоторых Егор даже узнал. Возле кабинета ведьм, утомлённо понуриив голову, стояла официантка Алёнушка. Наверное, надеялась выбить денег к школьному сезону. За ней привалился к стеночке плечом армейский

друг Тимур. От него на весь холл несло перегаром, залитым одеколоном. Стоявшие рядом посетители морщили нос и отворачивались, но Тимура это только забавляло.

По идее, Егор должен был изумиться, или обрадоваться знакомой круглой физиономии, или почувствовать себя обманутым. Но он столько раз удивлялся, начиная с самого утра, что сил на это уже не осталось. Поэтому он кивнул в ответ на обалдевший Тимуров взгляд и спросил у Василисы:

– Ваша администрация всегда допоздна работает?

– Когда ведьмы шабаш затевают. Отрабатывают заранее, чтобы завтра на смену не выходить.

– А Баба Яга тоже здесь?

– Нет, она уехала на другое мероприятие, – с непонятной интонацией протянула девушка.

Егор напомнил себе попозже поинтересоваться у друга, из какой он сказки, и продолжил разглядывать толпу.

За стайкой девиц, занявших очередь после Тимура, стояла незнакомая тётка, за ней – сгорбленный старичок с седой бородой и совсем молодой парень в кедах и джинсовой куртке. У порога дежурной части, поджав копыта, лежал Храбрый Баран, из-за позы похожий на кудрявую тахту. Заметив, что за ним наблюдают, зверь сощурил бесноватые глаза и проблеял: «Ме-е-ерин ме-е-ентовской». М-да, благодарности за спасение ждать не приходилось. Юридический отдел караулил Тугарин Змей, на его лысине играл отблеск лампы дневного света. В холле собралось несколько десятков фольков,

уоставших от долгого ожидания. Над очередью витал сердитый гул. Алёнушка, не выдержав, приоткрыла дверь «Ведьмовского совета»:

– Когда закончится перерыв? У меня дети дома одни!

– Да, вы бы хоть кресел ещё поставили. – К бунту присоединился отлипнувший от стенки Тимур. – Колени скоро развалятся. Харэ чаи гонять!

В поддержку Тимура полетели разрозненные выкрики. На пороге кабинета возникла женщина с длинными угольно-чёрными волосами и строгим выражением лица.

– Мы с восьми утра на ногах. Дайте спокойно поесть, в конце-то концов!

Очередь зашумела активнее. Одновременно со стороны коридора донеслось:

– Гостиница не здесь. Вернитесь назад, выйдите из здания и поверните направо.

Оглянувшись, Одинцов увидел, как в холл прорывается Светкин кавалер со смартфоном в одной руке и большой туристической сумкой на колёсах в другой. Он почти уступил натиску вахтёрши, но некстати заметил Егора, а затем и разлёгшегося на полу Барана.

– Это ты?! Значит, Светлана была права, ты специально натравил животное на машину! Я звоню адвокату. Во-первых, ты обязан оставить мою девушку в покое. Или мы подаём иск о незаконном преследовании. Во-вторых, ремонт обойдётся тебе в двести тысяч, для начала...

Всё это возмущённый москвич вываливал на ходу, отбиваясь от вцепившейся в него мёртвой хваткой бабульки, что волочилась следом с воплем:

– Проход запрещён! Охрану позову! Андре-е-ей! Андрей, где тебя черти носят, скаженный?

Фольки с удовольствием переключились на скандал, один Тугарин Змей скорчил брюзгливую рожу и отвернулся. Черноволосая женщина, стоявшая на пороге кабинета, с болезненным видом наморщила переносицу и помассировала виски.

«Как ты достал...» – подумал Егор, но всё же выступил навстречу обвинителю.

– Ты заявление подал? Подал. Люди по нему работают? Работают. Иди в свою гостиницу и жди. А со Светой я и сам общаться не собираюсь.

– Э, братюнь, ты чё такой борзый? – Измаявшийся от безделья Тимур не сумел остаться в стороне. – Тебе сказали – вали в гостишку. А не хочешь, давай выйдем, поговорим.

Светкин кавалер побледнел, но упрямо стиснул челюсти и не сдвинулся с места. Отпустив телескопическую ручку дорожной сумки, он принялся рыться в смартфоне, приговаривая «Сейчас, сейчас... сейчас попляшете...».

– Метасказка? Ты уверена? Есть метаанализ исследований в области синтаксиса сказочного текста за две тысячи первый год.

– Нет, именно метасказка.

Участковый обернулся. Василиса стояла у распахнутой двери архива и разговаривала с сутулым мужчиной в круглых очках с очень толстыми линзами, благодаря которым его глаза выглядели огромными, как у японских школьниц из аниме. Эти двое преспокойно обсуждали единственную зацепку, не обращая внимание на обилие чужих ушей.

Беззвучно выругавшись, Егор метнулся к Василисе, схватил её за руку и втащил в архив, захлопнув за собой дверь.

– Эй, ты чего?!

– Как, говоришь, твоё полное имя?

– Василиса Премудрая.

– Можешь смело сокращать до просто Василисы. Следи за языком. Ты в который раз вываливаешь информацию при посторонних.

Девушка смутилась и опустила взгляд, но тут же перешла в ответное наступление:

– А тебя надо сократить до хамоватой деревенщины!

– А это точно короче, чем Егор? – хмыкнул участковый. Тоже мне, оскорбление. Светка под конец отношений и не такое придумывала.

Василиса против воли прыснула, показав ямочки на щеках.

Дверь приоткрылась. В щель просочился забытый снаружи очкастый дядька, судя по бейджику –библиотекарь.

– Простите, вас молодой человек зовёт. Тот, что искал гостиницу.

– Пусть зовёт, – отмахнулся Егор. Не хватало тратить время, разбираясь с нелепыми притязаниями столичного мажора.

– Вы бы его уgomонили, раз он ваш знакомый. – Библиотекарь поправил съехавшие на кончик носа очки. – Для его же блага. У Наиночки сегодня голова с утра раскалывается. Может не сдержаться.

– Ничего, ему на пользу. Пусть учится нормально с людьми разговаривать.

В коридоре что-то тяжело бухнуло, следом будто застучал барабан. Фольки заорали, то ли возмущённо, то ли предвкусшающе. Поддавшись любопытству, Егор скользнул к двери и заглянул в оконце из рифлёного стекла. Видно было неважно, но всё же он различил, как по мраморному полу покатались две сцепившиеся фигуры, одна из которых, более мелкая и проворная, быстро взяла верх. Снова раздался стук – это Храбрый Баран, цокая по мрамору, атаковал дорожную сумку москвича. С силой поддел лобастой башкой, швырнул вверх. Ты-дыщ! Сумка распахнулась, в воздухе рассыпались цветные пятна командировочного скарба. Егор ощутил, как по телу разливается тёплая волна злорадства. А потом случилось непонятное. Черноволосая женщина у кабинета вскинула руки, из кончиков пальцев с треском вырвались фиолетовые молнии, и помещение по ту сторону стекла заволкло тьма.

– Ну вот, там всё уладили. Можем заняться нашим вопро-

сом. – Одинцов вернулся к библиотечной стойке. Из холла повеяло озоном. Свежая струя наложилась на пропитавший помещение запах старых книг, пыли и деревянных ящиков с картотекой.

– Что ж... – Библиотекарь покосился на дверь, из-под которой просачивался лиловый туман. – Как я уже сказал Василисе, термин «метасказка» мне не знаком. Отталкиваясь от его составных частей, могу предположить, что речь идёт о некой сказке, обобщающей содержание других сказок. Или способствующей переходу к какому-то новому состоянию, как в «Метаморфозах» Апулея.

– Скажите пожалуйста...

– Старый Филин.

– Скажите пожалуйста, Старый Филин, а до нас кто-нибудь интересовался этим словом? В архиве ведётся статистика запросов?

Библиотекарь снял очки, протёр их подолом вязаного жилета. Водрузил обратно на нос и постучал кончиком пальца по лбу.

– Вся статистика хранится вот здесь. Людское слово наградило меня прекрасной памятью, поэтому могу с уверенностью сказать: никто из посетителей не запрашивал данных о метасказке.

Егор окинул взглядом просторное помещение с высоким потолком. На первый взгляд Филин говорил правду: цифровизация свои виртуальные щупальца сюда не дотянула. Ни

намёка на компьютер, одни бесконечные шкафы. На боковины прищиплены таблички с названиями разделов: «История», «Краеведение», «Фольклористика», «Мистика, магия и оккультизм». На одних полках стояли книги, на других лежали картонные папки, коробки с ярлыками или сложенные стопкой дощечки. Имелись и застеклённые витрины, где хранились хрупкие на вид страницы рукописей.

Пол покрывал выложенный ёлочкой паркет, разохшийся и скрипучий. Простенок между шкафов украшали картины в загогулистых рамах. Верхний портрет Егор легко распознал – точно такой же Пушкин, с умеренными бакенбардами и романтическим белым воротничком, висел в школе в кабинете литературы. А вот нижний поставил его в тупик. На нём изображался мордатый кот в пенсне и изумрудном бархатном жилете, из кармашка которого свешивалась цепочка от часов. Особенно художнику удались длинные, завитые на концах усы, и снисходительный взгляд жёлто-зелёных кошачьих глаз. В следующем простенке стоял здоровенный камень, метра два в высоту, покрытый значками из линий, дуг и кружков. Может, этими... рунами?

– Давайте поступим следующим образом. – Голос библиотекаря вывел Егора из раздумий. – Я уверен, в архиве нет ни одного источника, где бы упоминалась метасказка. Но я собираю пожертвования для фонда, разместил объявление в газете. Последние поступления пока не разобраны. Для очистки совести я сегодня их просмотрю, а завтра смогу под-

вести итог. Подходите после полудня. Видите ли, я предпочитаю работать по ночам, так что утром меня лучше не беспокоить.

– Договорились. Благодарю за сотрудничество.

Егор убедился, что мгла за дверью рассеялась, пожал сухую ладонь Филина и покинул архив. Василиса последовала за ним, пискнув на прощание «Доброй ночи!».

В холле всё вернулось на круги своя, только народ приоткрылся и поскучнел, а на подвесном потолке отвалились две плитки. Светкиного кавалера и распотрошённой сумки было не видать. Впрочем, его трупа тоже, поэтому участковый с чистой совестью счёл инцидент исчерпанным. Тимур дернулся навстречу, желая поговорить. Но из приоткрывшейся двери «Ведьмовского совета» донеслось: «Следующий! Проходим, не задерживаемся!». Друг вжал черноволосую, стриженную ёжиком голову в плечи, пометался взад-вперёд, но выбрал кабинет.

У выхода в коридор Егор краем глаза заметил на полу маленький белый прямоугольник. Наклонился, поднял, призадумался. Это была визитка. Да не просто визитка, а с двуглавым орлом и гербом города Верхне-Волчанска, оттиснутым фольгой. Такие в приступе невероятной щедрости распечатала мэрия для всех работников полиции. Контактные данные следовало вписать самостоятельно. На этой значилось: Новосельцев Михаил Георгиевич, младший лейтенант, участковый уполномоченный по Северному району.

Теоретически, визитка могла попасть в холл откуда угодно, Миха Новосельцев делился ими щедро. Однако интуиция подсказывала: выпала она из сумки москвича. Что это значило? Да неизвестно, мало ли какие обстоятельства свели их вместе. Но на душе заскребла нехорошая кошка.

На улице Егор притормозил на ступенях, поджидая Василису. Мысли заполонили картины долгожданного отдыха. Вот он придёт домой, примет горячий-прегорячий душ, чтобы всё, как в бане, затянуло паром. Отскребёт проклятую свиную вонь, намылит голову на два раза. А потом, чистый и разомлевший, достанет из морозилки заиндевелую пачкупельменей. Вывалит в кастрюлю, да не в одиночестве, а с нарезанным кольцами луком, перчиком и лавровым листом. Дождётся, когда сквозь тесто станут просвечивать спрятанные внутри шарики мяса. Вместе с бульоном переложит в глубокую миску и украсит холмиком сметаны, растекающимся от пельменного жара. Ух, хорошо! В животе заурчало, рот наполнился слюной.

Но когда Василиса показалась на крыльце бывшего НИИ, Одинцов вспомнил, с какой странной интонацией она обмолвилась про мероприятие, куда отправилась Баба Яга.

– А где сейчас Яга Ягинишна?

Ему показалось, или по лицу девушки скользнула тень смущения?

– На одном спортивном... празднике.

– Ночном?

– Ну, он спортивно-развлекательный.

– Поконкретнее, пожалуйста.

Последовал лёгкий вздох.

– Сегодня проходят богатырские бои без правил, соберётся половина общины. Насилие, выпивка, тотализатор. Мероприятие закрытое, поэтому посетителям разрешено принимать истинную ипостась.

Любопытно. Когда ещё появится возможность посмотреть на скопление фольков в настоящей обличии? Живот протестующе забурчал, чувствуя, что миска пельменей уплывает во мрак неопределённости. Словно назло, на дороге показался двадцать седьмой автобус, следующий по маршруту до самого дома. Егор на секунду представил, как бросается на остановку, ныряет в пахнущее бензином тепло и отправляется обратно в нормальную жизнь.

– Поехали на бои. Вдруг убийца там тоже будет, и мы его узнаем?

– Хорошая идея. – Василиса достала смартфон. Вспыхнул экран, осветив сосредоточенное лицо. – Я напишу, чтобы нас внесли в список, и вызову такси.

Глава 6. Как развлекаются фольки

22 августа 2012 г. Среда, вечер, начало одиннадцатого.

На улице окончательно стемнело. Растаяла светлая полоса на горизонте, небо усыпали звёзды с месяцем во главе. Подъехал такси, Егор распахнул для Василисы заднюю дверь. Девушка скользнула на сиденье и нагнулась к водителю, уточняя длинный запутанный адрес: какие-то литеры, строения, корпуса. Бои проходили у чёрта на куличиках, и участковый всерьёз забеспокоился, хватит ли на поездку денег. Имелся, конечно, выделенный на расследование фонд. Но Егор успел заметить, что его провожатая иногда упускала из виду очевидные вещи. И вполне могла выскочить из такси, не рассчитавшись, охваченная желанием как можно скорее взяться за дело.

За окном тусклой киноплёнкой проматывалась городская панорама: коробки многоэтажек, дорожные знаки, фонари, закрытые на ночь магазины. Опустевшие переулки, до краёв наполненные тишиной. С автобусных остановок разбрелись уставшие люди, в овощном ларьке на перекрёстке сворачивали торговлю. Продавщица натягивала плёнку на пустые лотки, а двое грузчиков таскали в газель арбузы, в свете звёзд похожие на пушечные ядра.

Скопищем ярких пятен пронеслась привокзальная площадь. За ней – парк с колесом обозрения в окружении

бесформенных крон. Вспыхнул волшебным миражом бело-снежный собор, построенный в честь трёхсотлетия города. Маленький центр Верхне-Волчанска остался позади, потянулись окраины. Сначала жилые дома чередовались с универсами и школами, затем – с автомастерскими и шиномонтажками, а под конец и вовсе с глухими заборами промзон и какими-то заброшенными постройками из побуревшего кирпича. Мелькнуло кладбище, серые кресты на фоне чернильного неба. Василиса вглядывалась в темноту, боясь пропустить поворот.

– Притормозите вон там, за указателем.

Остановились возле здоровенного полукруглого ангара. Егор выбрался из машины, поёжившись от забравшегося под шиворот ветра. Невдалеке притормозило ещё одно такси, хлопнули дверцы, послышался девичий смех. Следом маячили фары третьего. Исчезли из виду, когда дорога пошла под уклон, вынырнули на подъёме, чиркнув по небосводу конусами света. Вечеринка была в самом разгаре: на пустыре перед ангаром стояло не меньше полусотни машин. В сентябре тут всё развезёт, глинистый грунт уже начал раскисать от дождей. А пока старые колываги соседствовали с семейными седанами и забрызганными грязью угловатыми джипами. Из среднего ряда выступал горбатый силуэт представительского автомобиля, за рулём дремал шофёр. Рядом виднелся спорткар непонятного в темноте цвета. Публика на мероприятие стянулась... неоднородная. Одинцов хмыкнул,

готовясь оценить социальный срез сказочной общины.

У ворот ангара дежурили двое охранников в деловых костюмах. Из карманов пиджаков торчали рации, подмышки подозрительно бугрились при каждом повороте. Серьёзные ребята. Первый охранник обыскивал гостей, попеременно действуя металлодетектором и чем-то вроде стеклянного шара, зажато в кулаке. Второй подстраховывал напарника, приглядывал за очередью и открывал железную дверь.

Сверившись со списком и закончив быстрый, но тщательный осмотр, охранник кивнул Егору и переключился на Василису. Нагнулся, провёл рукой снизу вверх, начиная от кроссовок. Напротив груди загадочный шар наполнился красным светом и вроде как завибрировал.

– Вход с магическим оружием запрещён. Вы можете оставить его в камере хранения и забрать, когда будете покидать клуб.

Василиса нехотя потянулась к шее, выудила из-под свитера шнурок с кулоном и стянула его через голову. Убедившись, что предмет сдан, охрана занялась следующей парой – женщиной в лисьих мехах и её обрюзгшем спутником, одетым в слишком тёплое для августа пальто.

Проскрипев несмазанными петлями, дверь с лязгом хлопнулась за спиной. Егор с Василисой прошли через предбанник и попали в скупо обставленный сумрачный холл. Дальний конец его сужался, превращаясь в плавно изгибающийся коридор, откуда долетали звуки музыки и гомон воз-

буждённой толпы. Василиса придержала участкового за локоть и указала на две двери с табличками «Для сударей» и «Для сударынь».

– Мне нужно привести себя в порядок, я быстро.

Девушка скрылась в уборной, выпустив в холл лёгкое облако дамских ароматов: духов, помады, лака для волос. Егор направился к соседней двери, предназначенной для гостей мужского пола. Навстречу, споткнувшись о порожек, вывалился нетрезвый парень. Этаким кумир девичьих сердец: высокий, статный, с курчавыми волосами до плеч и ярко-голубыми, слегка навывкате глазами. Одет он был, правда, неважно – в льняную косоворотку, подпоясанную обычной верёвкой. На коленях пузырились штаны с заплатой, пришитой кривыми стежками. Покачнувшись, парень сфокусировал на Егоре мутный взгляд.

– Смотри, куда прёшь!

Сплюнул под ноги, попав на собственный лапоть, и по петляющей траектории устремился в зал.

За дверью с табличкой обнаружилась комната с кожаными креслами и столиком, на котором стояла пара пустых бокалов. Из пепельницы торчали обрубки сигар, папиросные окурки и хабарики от самокруток. Незатейливый натюрморт отражало зеркало в золочёной раме. В глубине комнаты имелась ещё одна дверь, ведущая в туалет, на ней висел плакат с сердитой женщиной в красном платке. Она тыкала пальцем в зрителя, предупреждая: «Красна сказка складом, песня – ла-

дом, а фольк – поведением. За хулиганство – запрет на смену ипостаси до восьми месяцев». «Серьёзная заявка» – усмехнулся про себя Егор.

Только он порадовался, что кудрявый молодец убрался подальше, оставив его одного, как дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель ввинтился громадный чёрный кот. Шея животного была обмотана цепью с крупными звеньями, в густом меху запутались сучки и дубовые листья. Оценив, оглядев Егора, кот прыгнул в кресло, уселся, сложив ногу на ногу, и выудил откуда-то пакетик с сушёной травой. Участковый принюхался, ожидая учуять дурь. Но из пакетика на всю комнату завоняло валерианой. Кот сделал глубокий вдох. Мерцающие глаза с вертикальными зрачками заблестели, по телу пробежала спазматическая волна.

Осуждающей покачав головой, Егор зашёл в туалет. А когда вернулся в холл, его ждала Василиса. Правда, об этом он догадался не сразу: после перевоплощения девушка стала выглядеть старше, строже и как-то... величественней, что ли. Стройную фигуру облегал зелёный сарафан, надетый поверх белой блузы с просторными рукавами. Сбоку подола шёл разрез, отороченный богатой каймой. В нём при каждом шаге мелькал край сапога на высоком каблуке. Но удивительней всего выглядел головной убор. Вроде бы он назывался кокошником, хотя Егор и не был уверен. Переднюю сторону кокошника украшала вышивка серебряной нитью. Среди завитков переливались камни цвета весенней травы.

Лоб покрывала сетка из жемчуга, у висков раскачивались подвески. Зелёные глаза Василисы светились, как у давешнего кота, нанюхавшегося валерианы, только гораздо красивей.

Участковый замер, размышляя, должен ли что-нибудь сказать, и если да, то что? Подходящие слова никак не шли на ум, слишком давно ему не приходилось делать комплименты. В начале отношений Светка высмеяла его жалкие потуги на любезность, и с тех пор Одинцов ограничивался тривиальным: «Хорошо выглядишь». Но Василиса, кажется, ничего не ждала. Мелодично постукивая каблуками, девушка подошла ближе и обхватила ладонь Егора тонкими горячими пальцами. От этого простого жеста внизу живота сладко заныло, а к щекам прилила кровь. Кажется, он покраснел. Хорошо, что в полумраке было не видно.

– Пойдём! Не волнуйся. Там интересно, тебе понравится.

Пробормотав что-то неразборчивое, участковый потопал следом, словно дрессированный маламут у хозяйки-школьницы на поводке.

В огромном, лишённом перегородок зале было шумно и многолюдно. Бои пока не начались. Бурлящая толпа распределилась между барной стойкой и ярко освещённым рингом, огороженным столбами с натянутыми цепями. Поверх людского гула плыла необычная для спортивного состязания музыка, тягучая и меланхоличная. Егор поискал глазами источник звука. На полукруглом подиуме в три ступени, рас-

положенном в дальнем конце зала, покачивалась женщина в длинном чешуйчато-серебристом платье. Голову певицы украшал такой же, как у Василисы, убор, только расшитый блёстками, сверкающими в лучах прожекторов. Дождавшись окончания проигрыша, она затянула песню про чёрного ворона низким грудным голосом, пробиравшим до самого нутра. Брови певицы изламывались кверху, по бледным щекам стекали слезы, успевшие проложить среди пудры мокрые дорожки.

– Принцесса Несмеяна, – догадливо пояснила Василиса. – С ней говорить бесполезно, без пачки антидепрессантов и с кровати не слезет. Давай я тебе немного расскажу про наших.

Егор кивнул. Пока он не имел ни малейшего представления, с кем из членов общины стоит начинать разговор. Со стороны бара потянуло запахом разливного пива и гренок, жаренных с чесноком. Одинцов сглотнул. Ценник наверняка такой, что лучше не узнавать.

– Видишь того типа? – Василиса ткнула в неопрятного мужика, приложившегося к бочкообразной кружке.

Одинцов посмотрел в указанную сторону. Сначала ему показалось, что широченный тип с ног до головы зарос свалывшимся мехом. Приглядевшись, он сообразил, что мех принадлежал косматой долгополой шубе, поверх которой мужик выпустил всклокоченную бороду схожей расцветки. Среди нечёсанных прядей свисали древесные сучки с ошмёт-

ками грязи, птичьи перья, засохшие листья и гроздь рябины. Вместо шапки на голове фолька красовалось что-то вроде гнезда из веток и мха.

– Это Леший, – прошептала Василиса в самое ухо. Жемчужная подвеска задела плечо. Дыхание, близкое и горячее, подействовало как стопка водки: обожгло и принесло ощущение слегка ускользящей действительности. Егор отстранился, чтобы не отвлекаться. Леший, между тем, в три глотка опустошил кружку, вытер усы и громко срыгнул.

– Организует пешие туры по тайге. Если потеряется кто из грибников, собирает поисковые отряды. У него дар – чует заблудившегося человека за десятки километров. А ещё умеет разговаривать с птицами.

– А в сказках с детьми контактирует? – поинтересовался Егор. – Похищает, пугает?

– Нет, вовсе нет. Может новичков запутать и по кругу поводить, но потом всегда отпускает. А с детишками дружит, показывает им земляничные поляны.

Егор почесал подбородок, на котором успела проклюнуться щетина. Сказки те давненько писались. Фольки переменили образ жизни. Любовь к детишкам могла повернуть в какую угодно сторону. А борода у Лешего подходящая: длинная, тёмная, с утончавшимся к низу замызганным кончиком. Но тут мимо прошла компания, заставившая забыть о любителе пеших прогулок.

Возглавлял компанию монстр. Уродливый, рогатый, с ког-

тистыми лапами и торчащими из вытянутой пасти загнутыми клыками. Но наибольшее отвращение вызывал не зверообразный вид и даже не шлейф трупной вони, а то, что глаза существа закрывали невероятно деформированные веки: морщинистые, покрытые синими прожилками сосудов, обвисшие едва ли не до земли. Урод наловчился шагать, не наступая на путающиеся в ногах куски кожи, но в клубной давке ему приходилось несладко. Сзади и по бокам монстра сопровождали костлявые создания с вилами в руках, помогавшие товарищу проталкиваться через толпу.

– Вий, – с раздражением прошептала Василиса. – Нормальный фольк, но дико рассеянный. Постоянно забывает, что поражает взглядом.

– Фига се... – пробормотал Егор, поворачивая голову вслед чудовищу. – А кем он устроился в Верхне-Волчанске?

– В колл-центре работает, у интернет-провайдера. Помни об этом, когда в следующий раз захочешь поскандалить на горячей линии. Как считаешь, может он?

– Вряд ли, – подумав, с сожалением констатировал участковый. – На рисунке монстр изображался с открытыми глазами, без всей этой бодяги. А это кто?

– Где?

– Вон там, на диване.

Напротив ринга располагалась вип-зона из нескольких полукруглых ниш. В двух крайних портьеры были задёрнуты. В центральной оставался просвет, где виднелся неподвижный,

очень худой и бледный человек. Лицо неизвестного выглядело до того измождённым, что больше напоминало обтянутый кожей череп. Но блёклые, глубоко запавшие глаза внимательно изучали происходящее. Возле жилистой руки с выпирающими суставами стояла стопка чего-то золотисто-коричневого, рядом лежал портсигар. Над коротко стриженной головой парила чёрная корона с острыми зубцами. Портгера тяжело колыхнулась от сквозняка. Егор успел разглядеть, что одет незнакомец был в нечто среднее между старинным камзолом и доспехами со стальными пластинами, загнутыми на плечах.

– Это Кощей, один из негласных лидеров нашей общины, – пояснила Василиса. В голосе прозвучало неподдельное уважение. – В сказках он повелевает царством смерти, а в миру создал сеть крематориев и похоронных бюро. Умный, опасный, ничего не забывает.

Последнюю ремарку Василиса могла не добавлять. Одинцов и сам был не дурак, да и за время работы в полиции научился разбираться в людях.

В нишу зашла женщина. Поздоровалась, троекратно облобызала впалые щёки повелителя смерти. Выглядела незнакомка даже примечательней Кощей: холёная, с гладкими медными волосами, разделёнными надвое полосой пробора. Каждый жест наполняла ленивая грация, обнажённые плечи укутывали меха. Голову украшал хищно изогнутый венец с одним, но очень крупным камнем по середине.

– Марья Моревна. Владеет охранной компанией из бывших силовиков. Кощей и Марья – вот с кем надо поговорить.

Пожалуй, что так. Окружившие VIP-зону охранники преградили путь, но не успел Егор помахать удостоверением, как Кощей велел пропустить гостей. Поднялся навстречу, первым протянул узкую белую ладонь. Рукопожатие оказалось крепким. После представления и обмена любезностями участковый вкратце объяснил суть дела. Марья Моревна, слушавшая с обманчиво-рассеянным видом, взяла протянутый листок. Кощей подал знак, и официантка в венке из кувшинок бесшумно подплыла к столику, поставив перед Егором чашечку кофе. Участковый подумал, не попросить ли бутерброд, но решил, что это несолидно.

– Слишком абстрактно, – заметила Марья Моревна, утрируя гласные в жеманной манере. Передала рисунок Кощей, неопределенно помахала длинными пальцами. На безымянном переливался всеми оттенками ночи перстень из незнакомого металла. – Существо-о могло быть и не чёрным, и не красногла-азым. Ребёнок испуга-ался и воплотил свои страхи в наборе архетипичных черт.

Кощей повертел листок в руках и тоже не выказал признаков узнавания.

– К сожалению, не могу облегчить вашу задачу, товарищ сержант. Но, если потребуется, готов оказать всяческую поддержку. Подчёркиваю: всяческую. Выродок, убивший семью, должен понести наказание.

Участковый задумался, что имел в виду Кощей, напирая на слово «всяческую»? Интуиция подсказывала, что ответ предназначался не официальному лицу, стражу законности и порядка, а лично ему, Егору.

– А слово «метасказка» вам о чём-нибудь говорит?

Кощей и Марья Моревна переглянулись. Женщина пожалла роскошными плечами, Кощей свёл к переносице бесцветные брови.

– Слышал краем уха. Вроде бы это сказка, чей сюжет можно собрать из отрывков других сказок. Не представляю, зачем кому-то этим заниматься. Сказок и так слишком много, со своими бы разобраться. – Он невесело улыбнулся. – Прощу прощения, начинаются бои.

Егор и сам понял, что разговор окончен. Большая часть зала погрузилась в темноту, свет прожекторов скрестился на ринге. Один луч, поменьше и потусклей, достался трибуне с микрофоном, куда для неясных целей положили баскетбольный мяч. Внезапно тот шевельнулся, подкатился ближе к краю и распахнул несоразмерно большой рот. Егора передёрнуло. А ведь был уверен, что после Вия его ничем не пронять.

– Это Колобок. – Покинув нишу вслед за участковым, Василиса начала протискиваться к рингу. – Пойдём, посмотрим.

Шар на трибуне басовито прокашлялся, размял губы и громким, хорошо поставленным голосом обратился к пуб-

лике:

– Судари и сударыни! Дамы и господа! Рад приветствовать вас на ежегодных богатырских боях без правил!

В ответ раздались крики и хлопки. Стоявший неподалёку Леший потряс поленом над головой. Вий вполголоса упрашивал спутников поднять ему веки («Братцы... не видно ж ни хрена!»), но те вежливо отнекивались. Не желая рисковать, стоявшие напротив Вия фольки подались влево и вправо, образовав коридор.

– В правом углу, – начал Колобок, – действующий чемпион мира в тяжёлом весе, одержавший сорок одну победу нокаутом, самый перспективный богатырь года по версии журнала «Эпос» И-и-илья Муромец!

Зал взорвался аплодисментами. На ринг, приподняв цепи, шагнул раздетый до пояса здоровяк с курчавой бородой. Поиграл мышцами, издал зверообразный рык. Сударыни представление оценили, разбавив мужской гомон восторженным визгом. Голову Муромца облегал сверкающий шлем, по форме напоминавший репку. В руках богатырь сжимал огромную, усеянную шипами дубину.

– В левом углу – чемпион Сибири в первом тяжёлом весе, регулярный победитель богатырских боёв без правил, любимец женщин, А-а-алёша Попович!

К Муромцу присоединился светловолосый гигант с золотистой порослью на груди и шестопёром в руках. На голове богатыря сверкал такой же шлем луковкой, только с коль-

чужной сеткой, защищавшей шею, щёки и подбородок.

Сам бой показался Егору скучноватым. Богатыри, словно ожившие ветряные мельницы, по очереди замахивались и наносили друг другу сокрушительные удары. Череп обычно-го человека давно бы разлетелся даже не на куски, а на брызги киселя, но богатыри лишь утробно ухали и пыхтели. После особенно сильного удара Муромца пол на ринге треснул, Алёша Попович по щиколотку провалился в образовавшуюся щель. Толпа взревела, засвистела в два пальца. Видимо, это был один из кульминационных моментов боя.

Не впечатлившись, Егор принялся вертеть головой. Василиса следила за рингом, приоткрыв розовый ротик. Среди толпы мелькнул пушистый кошачий хвост. Официантка в венке из кувшинок застыла на месте с подносом в руках, её распущенные волосы колыхались, будто девушка плыла под водой. Марья Моревна поднесла к губам пахитоску на костяном мундштуке и выдохнула сизое облако дыма. Раздвинулись портьеры левой ниши, внутри сидели трое: умопомрачительной красоты блондинка в алом сарафане, прижавшийся к ней плюгавый старикан и Тугарин Змей. Интересно... Совсем недавно последний караулил у дверей юридического отдела. Бизнесмен с разбойничьим прошлым успел повернуть все дела? Или, не дождавшись очереди, плюнул и поехал на праздник? Тугарин Змей наблюдал за боями безо всякого интереса. Отпил из бокала, посмотрел на часы, прошёлся по шее соседки оценивающим взглядом.

– Это кто там? – Егор прикоснулся к плечу Василисы. – Рядом с Тугарином Змеем?

По раздумывавшемуся лицу девушки пробежала презрительная гримаса.

– Моя двоюродная сестра, Василиса Прекрасная. С ней царь Горох, наш денежный мешок.

Одинцов решил не уточнять, чем вызвана неприязнь к двоюродной сестре. Красавица в нише звонко расхохоталась и шлёпнула своего сморчка по лысине, окружённой венчиком седых волос. Царь Горох захихикал и полез целовать милостиво выставленную ручку с кроваво-красными каплями маникюра.

По залу прокатилась волна ликования, Егор перевёл взгляд обратно на ринг. Теперь Муромец стоял, провалившись по щиколотку, Алёша же ушёл в разлом по самые колени. Бойцы тяжело дышали, мускулистые тела блестели от пота. Шестопёр и дубина всё чаще пролетали мимо маковок шлема, соскальзывая по касательной.

– Эй, козлина! Не приставай к моей тёлке!

Егора схватили за плечо, пытаясь развернуть. Участковый, заметив движение боковым зрением, вовремя отшагнул, скидывая наглуую руку. За спиной обнаружился давешний молодец, ещё более пьяный, чем при встрече возле уборной. Он завалился вперёд, стремясь схватить соперника за грудки. Но промахнулся, цапнул воздух и едва устоял на ногах. Забористая ругань сопровождалась ядрёным запахом са-

могона и закуси из сырого лука.

– Иван! Ты даже не дурак, ты – идиот! Прекрати. – Василиса повисла у парня на руке. Молодец оттолкнул девушку и замахнулся для удара. На этот раз кулак мог достичь цели, если бы Егор не перехватил его в полёте. Сжал запястье, чтобы отрезвить дурака. Вроде несильно, но Иван скривился от боли и завопил:

– Пацаны, наших бьют!

Разгорячённые чужой дракой пацаны охотно откликнулись на призыв. Егора и прижавшуюся к нему Василису обступили поддатые, предвкушающие веселье фольки. Со всех сторон скалились бородатые рожи, кто-то плевал на ладони, и без того не шибко чистые, и деловито закатывал рукава. Сквозь уплотнившийся строй протиснулся Леший, волоча полено. Егор попытался отодвинуть Василису к себе за спину, но девушка заупрямилась.

– Сдурел? Я не твоя подружка!

– Во всех сказках мы того... вместе! – Иван упрямо помотал кудрявой башкой.

– В сказках! А в реальной жизни у меня, к великому счастью, есть выбор.

– Ты это... не надо тут. Припёрся он, как к себе, понимаешь...

Складывалось впечатление, что Иван-дурак плевать хотел на аргументы, а девушка его интересовала только в качестве предлога для драки. Чувствуя поддержку, молодец расхраб-

рился и встал напротив Егора, картинно выпятив грудь.

– Не позволим баб наших поганить!

– Да! У-у-у-у! Растудыть твою в тудыть! – вразнобой отозвались соратники.

– Приходят всякие, традиции не уважают, дружков за собой тащат.

– Правильно! Дело говоришь!

– А как же мы? Кто теперь помнит Дюдюку? Зато все знают Чубаку! А всё из-за таких, как он!

– Да! Да! За Дюдюку!

– А Большой Ух? Кому он нужен? Все мечтают о большом...

Конец фразы заглушил одобрительный рёв.

Войдя в раж, Иван потряс кулаками и кинулся на Егора. Дрался он плохо, теряя равновесие и открываясь после каждого удара. Одинцов мог давно его уложить, но пока блокировал слабые тумачи, дабы не провоцировать свальный мордобой. Охрана не вмешивалась. Должно быть, тоже надеялась полюбоваться на расквашенное лицо чужака.

– А ну, бузотёры, оба прекратили! Иван, чтоб тебя черти драли, ты что затеял?! – В потасовку вмешалась не пойми откуда взявшаяся Баба Яга. Пригрозила клюкой, разгоняя круг. Группа поддержки растворилась среди зрителей так же быстро, как собралась.

– Они меня дураком называли, – пожаловался оставшийся в одиночестве и оттого заметно скисший Иван.

– А ты и есть дурак, глаза б мои тебя не видали!

– Чегой-то?!

– Давай приведу пример, – встряла Василиса. – Тебе родители что в наследство оставили?

– Пять процентов акций Газпрома, – почесав курчавый затылок, ответил Иван.

– А ты с ними что сделал?

– Вложился в эм-эм-эм... – Молодец сник. – Но предложение было таким выгодным!

– Пшть отседова! – Бабка замахнулась своим оружием, Иван сдал назад и затерялся в толпе.

Василиса повисла у старухи на шее, прижавшись румяной щёчкой к коричневой корке.

– Спасибо, бабушка!

Одинцов тоже промямлил что-то благодарственное. Но Баба Яга, расправившись с одним участником драки, переключилась на другого.

– Чего стоишь, буркалами хлопаешь? Я тебе какое дело поручила, а? Важное! А ты чего? Попёрся в этот гадюшник кулаками махать, и Василисушку с собой потащил! Ох, мужики, дурное семя. Али других забот нет? Так я организую, не сумлевайся!

Егор опешил от бабкиного напора и общей несправедливости обвинений.

– Неправда, мы здесь по делу! У нас зацепка появилась. – Василиса с намёком посмотрела на Егора. Участко-

вый вздохнул и нехотя вытащил из кармана многострадальный листок, упакованный для сохранности в прозрачный файл. Старуха ткнулась в рисунок горбатым носом с прилепившейся на самом кончике бородавкой.

– Это дитё написало? Пойдём-ка выйдем, слово молвить надобно.

Втроём они выбрались из клуба на свежий воздух. Ветер усилился. В запахе ночи предугадывалась грядущая осень, сырое дыхание затяжных дождей. Небо раскинулось чёрным шатром, расшитым сияющим бисером звёзд. Говорят, в августе пролетает метеорный поток Персеиды, самое время загадывать желание. Дрожащая Василиса потёрла себя за плечи. Из ангара доносились размытые крики толпы, похожие на раскаты грома. Баба Яга зашла издалека:

– Цены нонче ого-го... Всё дорожает. Говядина – триста рублей за кило, куды годиться? Хлеб – тридцать, сметана – шестьдесят, а баночка-то малёханьякая, двести пият грамм всего. Крупа гречневая...

Старуха явно нацелилась перечислить весь ассортимент гастронома, но у участкового не было настроения слушать жалобы. Мёрзнуть, так хоть с пользой.

– Вам известно, что такое «метасказка»?

– Многие сказки встречала на своём веку, а о такой не слыхала.

– Вы узнали того, кто изображён на рисунке?

– Нет, не узнала.

«Так чего ты нас потащила, старая?» – подумал Егор, но Баба Яга продолжила неприятным скрипучим голосом:

– Не узнала, но он мне кое-что напомнил... Видишь ли, служивый, пенсия у меня маленькая, смех один. А бабушке надо на что-то жить. Кручусь, внучек, как могу...

– Яга Ягинишна, вы хотите рассказать о принадлежащем вам стрип-клубе? – ускорила процесс Василиса.

Егор присвистнул.

– О нём, внученька. Ох, дела мои грешные... Чего сказать-то хотела. Одна из моих девочек... ты ж знаешь, они все как родные. Одна из моих девочек, Алёнка...

– Официантка? Из «Аленького цветочка»? – уточнил участковый.

– Господь с тобой, у неё трое детей! Что я ей, работы по-лучше не найду, чем перед мужиками задом крутить? Нет, другая Алёнка. Так вот, рассказывала она про одного клиента. Мол, надоедливый, грубый, но это у нас дело обнакно-венное... Главное, у извращенца ентого всё не как у людей. Он всегда помоложе девочек выбирает и приватный танец заказывает. Ну как танец... Просит, чтобы Алёнка лежала на кровати и плакала, мол, страшно ей. А сам в уголок заби-вается и граблям своим блудливым волю даёт. Тьфу, этакая погань небо коптит!

Егор и Василиса понимающе переглянулись. Очень подо-зрительный фетиш. Судя по рисункам в тетрадке и рассказу маленького Артёмки, убийца исчезал и вновь появлялся под

кроватью несколько дней.

– А как его зовут? – уточнил Одинцов.

– Не знаю, внучек, не знаю. Спроси у Алёнки, она расскажет. Я тут еёный адресок записала. Сегодня она на работе, а завтра выходная, вот и побалакаете.

– Спасибо! – поблагодарил Егор, убирая адрес в карман, к сложенному рисунку.

– Ступайте домой. Неча вам по притону валандаться, тут пьянь одна...

– Ты тоже уходишь, бабушка? – наивно поинтересовалась Василиса.

– Нет, внученька, хочу до конца досмотреть. Я на Илюшу денюжку поставила. Выиграю рублик-другой, маслица куплю, пирожков напеку.

Яга Ягинишна перекрестила помощницу и поковыляла обратно в клуб. Охранник предупредительно распахнул дверь. Василиса прыснула в кулак, Егор тоже улыбнулся.

– Пойду заберу кулон.

В ожидании девушки участковый задумался над словами Кощея про метасказку. Как и предполагал Филин, её собирали из фрагментов других сказок, но это не делало ситуацию ясней. А что, если она не имела никакого отношения к убийству? Может, всё было проще: фольку-извращенцу надоела компания стриптизёрш. Он спрятался в детской спальне, не удержался и сделал что-то плохое. Девочка закричала, на шум прибежали мать и отец... При мысли о том, что мог

сотворить с ребёнком кошмарный бородач, Одинцов скрипнул зубами.

Вернулась Василиса, принявшая человеческий облик. Странно, но Егору он нравился больше, чем наряд сказочной красавицы, несмотря на отсутствие драгоценностей и сапог на высоком каблуке.

– Я договорилась с Баюном, он подбросит нас до центра.

Из темноты выступил ухмыляющийся парень в приталенной рубашке и клетчатых брюках с прицепленными к ним подтяжками. Образ дополняла модная причёска: на висках волосы выбриты, на макушке собраны в пучок. По чересчур блестящим глазам и цепи на шее Егор признал нанюхавшегося валерианы кота.

– Я поведу.

– Спокуха, братуха! – весело отозвался Баюн, хлопнув участкового по спине. – При смене ипостаси весь кайф пропадает, не ссы.

– А ты чего так рано? – спросила Василиса у приятеля, пока они впотьмах бродили по стоянке, разыскивая машину.

– Да надоело на одни и те же хари смотреть. Поеду, по городу прошвырнусь.

За время пути Кот Баюн полностью оправдал своё имя. Не замолкая ни на секунду, он рассказывал про группу, где играл на басу, про своих баб, ставки на богатырей, снова про баб... Егор не слушал. Он отдыхал на заднем сиденье вместе с Василисой. Разомлевшая девушка положила голову ему

на плечо. Пшеничного цвета макушка пахла летним лугом и солнцем, если у солнца может быть запах. Решившись, Егор вытянул руку поверх спинки сиденья. Затем переместил ниже, словно устраиваясь поудобнее. И, наконец, опустил на плечо девушки, придвинув сонную красавицу к себе.

Василиса что-то промурлыкала сквозь дремоту и прижалась тесней. «Дурак. Ой дура-а-ак, – мысленно протянул Егор. – Ты что творишь? Ей сотни лет, она только выглядит как пискля ростом по плечо». Но сердце отказалось прислушиваться к голосу разума. Не доезжая Ленинградского проспекта, Баюн сбавил скорость и спросил:

– Я вас здесь где-нибудь выкину, лады?

– Сойдёт.

Центр Верхне-Волчанска, в отличие от расползавшихся окраин, был невелик. Егор легко сориентировался в знакомом районе. Пригревшаяся Василиса неохотно подняла голову (Одинцов с не меньшим разочарованием убрал руку, выпуская девушку из объятий) и потёрла затёкшую шею. Баюн припарковался, заехав передними колёсами на бордюр. Первым выскочил из машины, обронив:

– Мне отлить надо, покараульте пять сек!

Разговорчивый бабник и басист юркнул в подворотню, слившись с темнотой. Ушёл недалеко – вжикнула молния, в стенку чего-то жестяного гулко ударила струя, сопровождаемая блаженным вздохом. Не желая становиться невольным соучастником процесса, Егор перебрался на другую сто-

рону дороги. Прислушался к тому, как в вышине шелестит листва. Из открытого окна долетал шум работающего телевизора, транслировали футбол. Где-то на соседней улице с рёвом промчался мотоциклист. Заплакала молодая женщина, умоляя оставить её в покое. Одинцов напрягся и сделал несколько шагов в направлении подозрительного шума. Ветер приносил отдельные, выданные из контекста слова. Но и этого хватило, чтобы забеспокоиться.

– ...алава! ...чеха тебе не... или возвращай, или отработывай, су...

– ...алуйста, я всё верну! ...оро, и проценты за...

Раздался звук оплеухи. Егор сорвался с места.

В переулке с неработающими по ночному времени магазинами разворачивалась отвратительная сцена. Женщину в короткой куртке окружили трое мужиков уголовной наружности. Бедняга жалась к стене, рукой прикрывая подбородок. Плечи ходили ходуном, из-под скрюченных пальцев стекала кровь. Колготки были разодраны на колене, в прорехе алела ссадина, каблук на левой туфле отлетел. Видимо, женщина пыталась бежать, но упала из-за неудобной обуви. Рядом валялась сумочка, откуда выпали пачка салфеток и духи. Ноги женщины подгибались, и стоять она могла, только опершись всем телом о стену. Подбежав ближе, участковый с удивлением узнал официантку Алёнушку.

– А ну свалили, уроды! – издали рыкнул Одинцов.

Вдруг он ошибся, неверно сложив обрывки разговора, и

это местная шваль пыталась содрать с дамочки серёжки? Тогда достаточно грубого окрика: всё же у них Верхне-Волчанск, а не какой-нибудь Детройт. Мужики обернулись на звук чужого голоса.

Нет, не ошибся. Двоих амбалов с придурковатыми улыбками Егор узнал сразу – братья-близнецы стрясли деньги для одной поганой конторы, выдающей займы. Третий, ростом и габаритами уступавший дружкам, был ему незнаком. Дёрганный какой-то – всё время озирается, притопывает на месте и хватается за карман. Вооружен, но вряд ли огнестрелом. Похоже, Алёнушка вляпалась в нехорошую историю...

– Иди-ка своей дорогой, сержант! Это наши с леди интимные дела. Правда, сладкая?

Правый амбал протянул распухшую, словно коровье вымя, лапищу и потрепал Алёнушку за окровавленный подбородок. Девушка всхлипнула и зажмурилась. Даже отсюда было слышно, как с перепугу клацают её зубы.

– Убрал грабли и свалил, пока жив!

– Ты на понт-то меня не бери, мусорок!

Амбалы с нервным подельником двинулись навстречу, расходясь веером. Колени официантки подломились, она кулём осела на асфальт.

Близнецы первыми пошли в атаку, двигаясь быстро и проворно, несмотря на немалый вес. Повезло, что дома стояли плотно, лишая братьев пространства для манёвра. Егор отступил на шаг. Правый близнец выскочил вперёд, среагиро-

вав на признак поддельного страха. Теперь широченная спина одного амбала закрывала обзор другому. Егор принялся лавировать, сохраняя неудобное для противника положение. Краем глаза следил за третьим бандитом, оставшимся в стороне. Держать дистанцию помогали глыбообразные фигуры близнецов, с выпирающими животами и короткими толстыми руками. При такой комплекции ногами не помашешь. Главное – не подставиться под кулак, не допустить захвата и не дать повалить себя на землю.

Первого амбала участковый ударил носком ботинка по ноге. Щиколотки и голова были единственными уязвимыми местами, всё остальное покрывал панцирь из жира и мышц. Близнец дёрнулся от боли, а Егор влепил апперкотом в подбородок. От ответа уклонился и добавил боковой, отчего голова амбала мотнулась в сторону. Развивая успех, провёл серию резких тычков: в горло, в нос, по губам, снова в горло. И без того уродливое лицо бандита стало походить на лоток с говяжьей вырезкой. Близнец захлопал кровью, из-за его спины вырвался разъярённый брат. Одинцов не успел среагировать и пропустил удар.

От кулака тяжеловеса мир затянуло багровой пеленой. Почувствовав, что поплыл, Егор попытался удержаться на ногах и вырваться из полуобморочного состояния. Окружающие звуки с трудом пробивались сквозь вату в ушах. Асфальт колыхался и дрожал, а потом и вовсе подпрыгнул вверх. Егор упал, едва успев скрючиться и прикрыть голову

руками. Удары обрушились с трёх сторон. Туман стал гуще, рот наполнился вязкой слюной с привкусом крови. Одинцова били по подставленным рукам, по рёбрам, по плечам и спине. От пинка близнеца с расквашенной рожей нестерпимо заболело в груди, воздух в лёгких превратился в огонь.

Неожиданно удары проредились. Где-то далеко, в недоступной для сжавшегося Егора высоте, раздался воинственный вопль. Одинцов приоткрыл глаза и увидел, как на близнеце повисла налетевшая сзади гибкая тень. Это клубный щеголь Баюн, злой и лохматый, вцепился в противника в три раза крупнее себя. Он попытался пережать необъятную шею бандита цепью, но сообразил, что сил на это не хватит. Задача усложнялась тем, что амбал не дотягивался до спины и потому крутился волчком, пытаясь избавиться от обузы. Баюн взмахнул рукой с удлинившимися когтями и рванул дряблый подбородок. На грудь близнеца хлынула кровь, он яростно взревел и стряхнул с себя юркого парня. Тот не упал, а извернулся в полёте, мячиком отскочил от земли и бросился прочь. За ним погнался третий сообщник, выдернув из кармана блеснувший в свете фонаря складной нож.

Егор воспользовался моментом, крутанулся на заднице и врезал близнецу ногой в пах. Главное успеть встать. Если не встанет – это конец. Пока амбал выл и хватался за яйца, участковый откатился в сторону и, покачиваясь, поднялся на четвереньки. Каждое движение отдавалось болью в груди. Похоже, ему сломали ребро. Зато на глаза попался штабель

плитки, приготовленной для мощения тротуара. Егор схватил бетонный брусок, выпрямился и заехал второму близнецу по виску. Тот разинул рот и упал на колени, а потом и во все растянулся на земле. Одинцов бросил взгляд в переулок, где скрылись бандит с Баюном. Последнему ничего не угрожало. По-кошачьи зашипев, Баюн присел, оттолкнулся и в каком-то невероятно элегантном прыжке уцепился за водосточную трубу. После чего взбежал наверх, шустро перебирая руками и ногами.

Егор остался наедине с тем близнецом, что очухался после удара в пах. Желание отомстить за брата сделало его опасней. Участковый прикинул шансы. Ростом он уступал на полголовы, про вес нечего и говорить. Тело зверски болело, в глазах плыли красные пятна. Колени подгибались, и заметивший это бандит ринулся вперёд. Ухватил Егора за шею, потянул вниз, беря в захват. Участковый вывернулся и двинул кулаком в разодранный подбородок.

– Убью, тварь! – Амбал попятился, широко расставив ноги.

Пользуясь моментом, Егор принялся кружить возле противника, нанося стремительные удары. По лицу, по шее, снова по яйцам.

Близнец начал выдыхаться. Ещё бы. Потаскай такую тушу. К тому же бандит наверняка привык рассчитывать на угрожающий вид и потому редко тренировался. А вот у Егора с выносливостью всё было в порядке, даже сейчас. Близ-

нец вяло отмахивался и пыхтел, как паровоз. Из последних сил он попытался навалиться на Одинцова, но тот отскочил и продолжил бить ногами. Когда бандит, обессилев, рухнул на карачки, Егор схватил его за макушку и резко, со всей накопившейся злостью вмазал коленом по лицу. Хрустнуло, нос сплющился давленным помидором. Амбал упал, надолго выбыв из игры.

Показался третий, теперь уже последний бандит, отчаявшийся достать Баюна. Взгляд его нервно рыскал по сторонам, пальцы стискивали нож. Отведённая за спину рука и неправильный хват выдавали обычного гоп-стопщика, больше полагавшегося на испуг при виде лезвия. Это хорошо, ещё один серьёзный бой Одинцов бы не потянул. Он и так держался на одном адреналине.

Противники двинулись навстречу друг другу. Бандит рванул первым, по косо́й рассекая воздух. Егор ребром ладони отвёл удар, врезал по животу. Хлипкий мужик согнулся, кашляя и сипя. Удар, ещё удар. Звякнул упавший у бордюра нож. Закатив глаза, бандит рухнул на тротуар, да так там и остался.

Измотанный Егор плюхнулся рядом. Только сейчас он заметил, что на улице вовсю идёт дождь. Он поднял к небу лицо, надеясь, что капли смоют попавший в глаза едкий пот. Разинул рот, ловя языком прохладную влагу. Сердце бешено колотилось, кололо в груди.

Но бой не закончился. В ночной тишине слышались

приближающиеся шаги. Из темноты, ступив в очерченный фонарём круг, появилась невысокая, вычурно одетая женщина лет тридцати. В руках она держала разложенные веером карты, сплошь пиковой масти. Шальные глаза смотрели на участкового, маленький рот кривила улыбка. Ядрёны пассатижи...

Глава 7. Карты, зелья, артефакты

22 августа 2012 г. Среда, ночь, без четверти двенадцать.

– Не строй из себя рыцаря, малыш. Это не твои разборки.

Карты сложились в стопку и вновь развернулись полукругом. Егор и без подсказок догадался, что ему угрожают, а не предлагают сыграть в дурака. На незнакомке был жакет с пышными рукавами, собранными в складки у плеча, и сдвинутый на бок берет. Воротник белой блузки подпирал округлый подбородок. Чем-то она походила на дореволюционную курсистку, если бы не ощущение нешуточной опасности, безошибочно считанное участковым.

Дождь промочил рубаху, охладив разгоряченное тело. Адrenalин схлынул, уступив место слабости и тупой, ноющей боли. Холод забрался под кожу. Егора затрясло. Но он всё-таки нашёл в себе силы поднять руку с оттопыренным средним пальцем.

Белевшие в полутьме прямоугольники карт будто окропило сажей. Знаки пиковой масти набухли, выступив из бумажной плоскости, и засочились смолянистыми каплями. Губы незнакомки, маленькие и пухлые, похожие на спелую малину, тоже почернели. Кто-то словно нарисовал на припудренном лице пиковое сердце, а рядом поставил тушью кокетливую мушку.

Желтизну уличного фонаря вытеснил слепящий зелёный

свет. Одинцов прикрыл ладонью глаза и повернул онемевшую шею. На другом конце переулка стояла Василиса, нацелившая на противницу сияющий, сотканный из какой-то фантастической плазмы лук. На тетиве лежала такая же эфемерная стрела, отбрасывающая на стены домов текущие блики.

– Пошла вон, – хищно, не хуже Баюна прошипела Василиса.

– Ух, какая смелая девочка! А девочка помнит, на кого я работаю? – Незнакомка не выглядела испуганной. Выщипанные полукругом брови насмешливо приподнялись. Стопка карт, вновь ставших обычными, превратилась в дугу, прошелестевшую из правой руки в левую.

– Твоя Мачеха сунулась не на свою территорию. Здесь всё решает Кощей. Который, кстати, является моим родственником по крови, а не по дурацкой кликухе.

В тёмном переулке Верхне-Волчанска сложилась урезанная до двух участников мексиканская ничья: волшебный лук против карт, какая-то Мачеха против Кощей. Незнакомка на рожон не полезла. Отступила назад и вскоре исчезла за пеленой дождя. Егор прислушался. Заработал мотор, тронулся с места автомобиль, прощуршав шинами по мокрому асфальту. Пронесло.

Василиса опустила лук. Наконечник стрелы втянул в себя свет и превратился в кулон, который недавно висел у девушки на шее. Она, не глядя, сунула его в карман и бросилась

к насквозь промокшему, окровавленному Егору. Откуда-то сверху прыгнул Баюн, расплескав лужу под водостоком.

– Ты зачем Василису сюда приволок? – прохрипел Одинцов, еле размыкая разбитые губы.

– Я не волок! – запротестовал Баюн, хватая участкового под мышки и помогая подняться. – Я ей велел сторожить машину!

– Не волок! – подтвердила Василиса и вдруг разрыдалась. Не переставая всхлипывать, она вытащила из джинсов носовой платок и трясущимися руками принялась вытирать кровь с лица Егора. Ткань мгновенно промокла и покрылась алыми разводами.

– Ну-ну... будет... всё закончилось. Ох ты ж... – неловко принялся утешать спасительницу Егор, с болезненным кряхтением распрямляя спину.

– Я так понимаю, плачешь ты не из-за меня, своего старинного приятеля, тоже попавшего под раздачу? – поддел подругу Баюн.

Оставив Василису суетиться вокруг раненого, он принялся обыскивать валявшиеся на асфальте тела. Вынул у стонущего близнеца бумажник, выгреб наличность и мстительно разорвал водительские права. Перешёл к отрубившемуся бандиту с ножом, пинком перевернув того на спину. Егор поморщился, но решил не вмешиваться – чёрт с ним, пусть мародёрствует. Если бы не отчаянный бросок кота, его бы попросту забили ногами. Да и мало ли, вдруг у фольков при-

нято забирать имущество поверженного врага?

Спотыкаясь и покачиваясь, Одинцов побрёл к позабытой Алёнушке, которая так и просидела всю драку на тротуаре, скуля и размазывая слёзы по щекам. Егор подал руку, помогая девушке встать, хотя для этого ему самому пришлось упереться в стену.

– Во что ты вляпалась?

– Я не знаю, чего они хотели... Я просто шла домой. Они накинудись, отобрали сумку.

Врала Алёнушка убедительно, уставив на участкового широко распахнутые глаза в потёках туши. Кровь на подбородке смешалась с помадой, размазанной по губам. Не услышь Егор обрывков того разговора, он бы поверил. Но он услышал.

– Ты должна им деньги? Сколько?

– Двадцать тысяч, – помолчав, выдавила она.

Одинцов вздохнул. Снова ложь. Никто не посылает такую ораву, чтобы отобрать зарплату у официантки. К тому же незнакомка в берете производила серьёзное впечатление. Вряд ли такие кадры используют для рутинных наездов.

– Так сколько ты должна?

– Четыре миллиона... – тихие слова донеслись сквозь шорох дождя.

Егор вздохнул и устало потёр мокрое лицо. Василиса опередила его, задав очевидный вопрос:

– С ума сошла? Зачем?!

– Ты не понимаешь! Никому меня не понять! – Придавленный шёпот сменился истеричным криком. – Каково приходится одной с тремя детьми! Как это унижительно – считать каждую копейку и таскать объедки из ресторана! Я стала забывать, кто я есть! Я смотрю в зеркало и больше не вижу красну девицу, что силой любви превратила чудище в доброго молодца. Я вижу измотанную серую тень. Я хотела вспомнить себя!

– Ну и как, вспомнила?

Егор прислонился к стене спиной, а затем и вовсе съехал по ней вниз, присев на корточки. Алёнушка молчала, глядя перед собой и комкая подол куртки.

– Можешь вернуть долг?

– Нет. Уже нет. Я ипотеку взяла на трёшку в строящемся доме. Мальчики растут, каково им всем в одной комнате...

Снова вздохнув, Егор обратился к Василисе.

– А что это за Мачеха? Она опасна?

– Очень, – угрюмо подтвердила девушка. – Это Злая Мачеха, она открыла кредитные организации с грабительскими процентами по всей стране. Пользуется отчаянием людей, попавших в беду, а потом отбирает жильё и машины. С Кощеем у них договор, чтобы она не лезла в Верхне-Волчанск. Но никто не мешает фолькам съездить в соседний город и занять денег там. Ты так и сделала? – Дождавшись кивка, Василиса продолжила: – Под залог квартиры?

Ещё один обречённый кивок.

– Алёна, ну как можно дожить до твоих лет и остаться такой дурой?

Официантка съёжилась, словно ожидая удара.

– Исчезни на время, вместе с детьми. Сегодня же. Тебе есть, где отсидеться? Вот и хорошо. Никому не говори, куда вы поедете. Расплачивайся только наличкой. У мобильного вынь батарею, а лучше вообще оставь дома. Если понадобится со мной связаться, иди в центральную библиотеку, там есть компьютеры в общем доступе. Сейчас мы заняты важным делом, но позже я попробую тебе помочь. Всё поняла?

Алёнушка кивнула в последний раз, выдавила улыбку, из-за размазанной помады похожую на гримасу, и ушла, спотыкаясь на сломанном каблуке. Остановилась, скинула туфли и поплелась босиком, даже не пытаясь обходить лужи. Сумочка осталась лежать на асфальте. Кто-то раздавил флакон, вытекшие духи смешались с дождём. Их густой аромат, напомнивший узбекскую лавку с пряностями на рынке, ощущался всё слабей, пока не исчез, уступив запаху прибитой к асфальту пыли. Егор приподнял сумочку, оказавшуюся неожиданно тяжёлой. Умеют женщины набить свои ридикюли всякой фигнёй. Он хотел крикнуть, чтобы Алёнушка вернулась, но накатила слабость. А потом стало поздно: шлепки по воде, доносившиеся из темноты, окончательно стихли.

Участковый остался сидеть возле стены. Вот сейчас, сейчас он встанет и пойдёт... Только немного передохнёт... Красный туман вернулся, утяжелив голову и приглушив

окружающие звуки. Он почувствовал, как медленно заваливается на бок и ничего не может с этим поделать. Его подхватили Василиса с Баюном, взяли с обеих сторон, поволокли. Участковый, так и не потерявший сознание до конца, всё прорывался идти сам, но ноги не слушались.

– Твою мать!

Лицо Баюна уныло вытянулось. Перед ним на сиротливых кирпичиках стоял распотрошённый автомобиль. За двадцать минут, прошедших с начала драки, неизвестные умельцы сняли колёса и бампер, отвинтили зеркала, выколупали фары с магнитолой и подчистили салон на предмет более-менее ценных вещей.

– А, плевать, тачка всё равно не моя. – Баюн не умел расстраиваться надолго. Он подхватил Егора поудобней, перераспределив вес. Одинцов, борясь с болью и тошнотой, всерьёз призадумался, где же кончается долг благодарности в отношении склонного к криминалу Кота. – Куда теперь? В травму?

– Нет, – прохрипел-выплюнул Егор. – Я в норме, надо просто отдохнуть. Завтра...

– Идём ко мне, – решительно оборвала его Василиса.

Плетущаяся под дождём тройца несколько раз пыталась поймать попутку, но, завидев таких пассажиров, водители давили на газ. Последний отрезок пути Егор запомнил плохо. Его ноги волочились сначала по асфальту, потом по лестнице подъезда, где пахло жареной рыбой, и, наконец, по ко-

ридору на этаже. Голова, бессильно опущенная на грудь, болталась из стороны в сторону. Темнота то накатывала, и тогда он ничего не видел и мало что понимал. Вроде бы где-то, в бесконечной дали, раздавался бодрый голос Баюна, прощавшегося с Василисой, щёлкал запираемый на два оборота замок. То вновь отступала, и участковый осознавал, что сидит на кровати, уставясь в узорчатый ковёр.

– Сейчас, потерпи чуть-чуть.

Из-за сломанного ребра каждый вдох превращался в пытку. Если трещина, то ничего. Главное, чтобы лёгкое не пробило. Голову в очередной раз затопил туман.

– Вот, пей до дна. Знаю, что гадость, но надо выпить...

В губы ткнулось узкое горлышко. Настойчивые руки принялись вливать горькую жидкость. Слабо соображая, Егор мотал головой и отфыркивался. Большая часть питья утекла за шиворот, но несколько глотков всё же попало в рот. Одинцов закашлялся, глубоко вздохнул. Багровый туман рассеялся, вернув реальность на место. Даже тошнота отступила, скатившись с лекарством обратно в желудок. Одинцов наконец-то понял, что находится у Василисы дома, где тепло и хорошо.

– Вот умница. Я наложу повязки, я умею.

Девушка исчезла из поля зрения, но вскоре вернулась с аптечкой и рулоном бинтов. Егор с удивлением увидел, как на руке появилось красное пятно. Кажется, у него пошла носом кровь. Он шмыгнул, поморщился и запрокинул голову.

– Нет, так ты сделаешь хуже. Наклонись вперёд. Держи.

Егор взял смоченный в ледяной воде платок и приложил к переносице. Василиса принялась с помощью ножниц снимать прилипшую к телу разодранную рубашку. Под ней открылась богатая россыпь ссадин и синяков, всевозможных размеров и форм. Прикусив губу, девушка взялась за работу. Запахло медицинским спиртом. По спине провели влажным бинтом. Сначала мягкие прикосновения были приятны, но очень скоро разодранная кожа полыхнула огнём.

– Штаны тоже придётся снять.

Форменные брюки было жалко. К счастью, Василиса не собиралась их разрезать. Она встала на колени, стащила с Одинцова ботинки, расстегнула ремень, ширинку и ловко стянула штаны. Участковый, как мог, пытался помогать, но толку от неуклюжих потуг было маловато.

Предстать перед красивой девушкой в жалком состоянии, да ещё в одних подаренных бабушкой хлопковых трусах, было унижительно. Руки Василисы скользили по телу, смывая кровь и грязь. От этих прикосновений бросало в жар, а сердце замирало в мучительно-постыдном блаженстве. Слишком долго Егор оставался один. Широкую грудную клетку пересекла полоса бинта. Девушка присела и наклонилась вперёд, то и дело задевая локтями его колени. Егор забеспокоился – как бы не случился конфуз, и прекрасная спасительница воочию не убедилась, насколько сильно ему нравится. Но, к огромному облегчению, измотанный организм тратил все

силы на то, чтобы сидеть прямо и не заваливаться ни назад, ни вперёд.

Мелкие ссадины девушка заклеила пластырем, на крупные наложила повязки, обмотав бинтами правую руку и большую часть торса. Когда первая помощь подошла к концу, Одинцов так и не понял, что же испытал по этому поводу: облегчение или сожаление.

– У тебя сломано ребро. И может быть сотрясение.

Василиса отошла к рабочему столу, выдвинула ящик и достала узкий деревянный цилиндр, украшенный резьбой. Открутила колпачок, вытащила спрятанную внутри стеклянную палочку не толще карандаша.

– Что это?

– Я делаю амулеты и обереги на продажу. Это – чтобы ускорить регенерацию организма.

– Да он сам... – запротестовал Егор.

Не слушая возражений, Василиса разломилась палочку пополам. Стекло превратилось в облако пыли, окутавшей участкового мерцающим коконом. Боль сменилась щекотным покалыванием, потянуло в сон.

– К утру срастётся, – пообещала Василиса, бросая в ящик опустевший футляр. – А теперь тебе надо отдохнуть.

– А ты где ляжешь?

Кровать в комнате имелась только одна, притом узковатая для двоих.

– Что-нибудь придумаю.

На пререкания и кокетничанье не осталось сил. Егор забрался на кровать, растянулся на чистой простыне и закрыл глаза. Погружаться в сон было приятно. Он постарался продлить это ощущение, прислушиваясь к окружающим звукам. Они были успокаивающими, уютными и очень близкими. Будто он уже много лет слушал тихие шлепки босых ног по линолеуму, шум льющейся воды... И то, как Василиса чистила зубы, и как на кухне пиликал открытый холодильник... Егору захотелось посмотреть, как она выглядит с распущенными волосами, но веки потяжелели и отказались подниматься.

Он проснулся среди ночи, безо всякой причины. На полу сидела дремлющая Василиса, положив руку на кровать и уткнувшись в согнутый локоть лбом. Другая рука покоилась у Одинцова на груди, там, где зарастало сломанное ребро. Волосы разметались поверх одеяла. Спала девушка крепко, несмотря на неудобную позу. Егор накрыл ладонь Василисы своей, и даже тогда она не проснулась. Он немного полежал, улыбаясь и поглаживая маленькие пальчики, такие хрупкие по сравнению с его грубой лапой. Потом осторожно потряс её за плечо.

– Василиса... эй... проснись. Я перейду в кресло, а ты ложись на кровать. Я себя уже намного лучше чувствую.

Василиса подняла голову и хлопнула глазами, соображая, что происходит.

– Что?

– Я говорю, пойду на кресло, а ты ложись по-нормальному. Ты чего тут вообще сидишь?

– Надо проконтролировать работу талисмана. Спи давай.

Девушка указательным пальцем начертила на одеяле непонятный знак, и Одинцов провалился обратно в объятия Морфея.

Когда он проснулся во второй раз, никого рядом не было. Сквозь шторы просвечивало солнце, с кухни доносилось пение, заставившее участкового расплыться в улыбке. Он приподнялся на локтях, убеждаясь, что чувствует себя на удивление хорошо. Сел, помахал руками, повертел корпусом, нагнулся туда-сюда. Боль исчезла, мышцы не ныли, и даже оставшиеся на виду синяки побледнели и уменьшились в размере. На стуле рядом с кроватью лежали аккуратно сложенные штаны. От рубашки, увы, осталась охапка побуревших тряпок. Обозлившееся неизвестно на что провидение продолжало методично уничтожать его форму.

Одинцов натянул брюки и протопал на кухню. Василиса стояла у плиты, лопаткой переворачивая на сковороде оладьи. Была она босиком, в лёгком домашнем платье, длинные волосы заплетены в косу и уложены венцом вокруг головы. Егор невольно залюбовался прелестной картиной, но потом взгляд его упал на часы. Стрелки показывали без четверти полдень.

– Блин, мы опаздываем! Мы же договорились с Филином на двенадцать.

– Не спеши. Сначала позавтракаем, ты примешь душ, потом я сменю тебе повязки.

– У нас важное дело!

– Филин из архива никуда не денется. Поговорим позже, не беда.

Спор разрешил изумительный запах оладий, Егор сдался и позволил усадить себя за стол. На пустой желудок и вправду не поработаешь. Василиса поставила перед ним полную тарелку.

– Со сметаной или сгущённой?

– Со сгущённой! – без колебаний выбрал Одинцов, сладкоежка с раннего детства.

Засвистел чайник на плите. Рядом с тарелкой появилась чашка горячего кофе. Растворимого, но в гостях не приветничают. Егор и его разбавил щедрой порцией сгущёнки и принялся болтать ложечкой, размешивая.

– А почему ты сразу не сказала, что Кощей приходится тебе родственником? Кстати, кем?

– Двоюродным дядей. Но мы не слишком близки, – ответила Василиса, усаживаясь напротив. – Он предлагал мне помощь после переезда в Верхне-Волчанск, но я лучше сама. Так, по праздникам друг друга поздравляем, иногда созваниваемся.

– Получается, Кощей – дядя Василисы Прекрасной?

Василиса Премудрая демонстративно хмыкнула.

– При нём такое не ляпни, они друг друга терпеть не могут. Нет, она мне родня по матери, а Кощей – двоюродный брат моего отца.

– Где сейчас твой отец?

– Не знаю.

На лицо девушки легла тень. Егор переменял тему.

– А что за баба в берете нам вчера угрожала?

– Пиковая Дама. Правая рука Злой Мачехи, очень опасна. Они не принадлежат к нашей общине, но у Мачехи широкие связи.

– Близнецы тоже фольки?

– Да, Двое из ларца. Умом не блещут, зато исполнительные. Третьего не знаю.

– Так может, это Злая Мачеха убила семью на Молодёжной? В смысле, её громилы или та же Пиковая Дама?

Егор подцепил оладушек кончиком вилки и сунул в рот. Превосходно, в меру поджаристый, с мягкой серединкой. За первым последовал второй, а там и третий. Василиса к своей порции даже не прикоснулась. Она обхватила чашку с обжигающим кофе, грея ладони.

– Мы с Бабой Ягой думали об этом, но не сходится. Злая Мачеха действительно злая. Но это не значит, что она ответственна за все преступления на свете. К тому же, если кто-то из семьи брал в долг, зачем всех убивать? Кто теперь вернёт деньги? Ни на квартиру, ни на дачу обременения нет, я

проверяла.

– А больше между ними никакой связи нет? – спросил Егор и тут же сам себе ответил. – Вряд ли, семья приличная, не маргиналы какие. Ты права, не стоит упираться в одну версию.

Позавтракав, Одинцов забрался под душ и простоял там добрых полчаса, постанывая сразу и от боли, и от блаженства. Под намокшим пластырем щипались рубцы, зато горячие струи наконец-то смыли последнюю память о Хосе. Потом Василиса убедилась, что раны заживают, и сменила повязки. Перед выходом оба сообразили, что Егору нечего надеть. Девушка сбегала к соседям и вернулась с льняной сорочкой длиной до колен. Ворот, манжеты и подол были расшиты крестиком, комплект дополнял красный пояс с мохнатыми кистями. Покрутившись перед зеркалом в коридоре, Одинцов так и не решил, в каком виде выглядит нелепее: с подпоясанной рубахой, с распущенной или заправленной в форменные штаны. Хоть бы не встретить по пути сослуживцев...

Из-за всех этих хлопот в администрацию добрались в начале третьего. Дремлющая на стуле вахтёрша встрепелась, но, увидев знакомые лица, успокоилась и склонила голову обратно на грудь. Холл оказался пустым, на ведьмовском кабинете болталась табличка «Выходной».

Василиса вежливо постучала в архив, но ответа не дождалась. Пожав плечами, открыла дверь, вскрикнула и броси-

лась внутрь. Следом влетел Егор.

Старый Филин лежал лицом вниз возле письменного стола, поверхность которого усеивали подшивки документов и выпавшие из папок отдельные листы. Рядом валялся опрокинутый стул, у головы засыхала маленькая бурая лужица. Егор отстранил побелевшую Василису и присел возле тела. Серые волосы на затылке слиплись от крови. Нет, нет, так не должно быть... Участковый положил два пальца на шею и уловил слабый, нитевидный пульс. Архивариус был ещё жив.

Глава 8. От ворот поворот

23 августа 2012 г. Четверг, день, два часа десять минут.

– Звони в скорую! Срочно! – рыкнул Егор, и только потом сообразил, что у него тоже есть телефон, чудом уцелевший во всех передрягах. Но Василиса уже набирала чей-то номер.

– Бабушка, бери живую воду и срочно прилетай в администрацию. Старого Филина хотели убить!

Судя по тому, как недолго длился разговор, Яга Ягинишна лишних вопросов не задавала.

Егор взлохматил отросшую шевелюру и принялся нарезать круги на свободном пространстве перед шкафами. Чёрт, чёрт! Это из-за их вчерашних расспросов Филин может умереть! Наверняка всё дело в метасказке, информацию о которой архивариус обещал поискать. Так, стоп. Он полицейский или кисейная барышня? А если полицейский, то почему не занимается делом?

От идеи вызвать коллег пришлось отказаться. Ничем не помогут верхне-волчанские опера, незнакомые с тайнами сказочной жизни. Хотя... Картина покушения вырисовывалась несложная. Судя по характеру раны и положению тела, Старый Филин читал, сидя за столом. Кто-то вошёл в библиотеку. Кто-то хорошо знакомый, иначе Филин не повернулся бы к незваному гостю спиной, продолжая разбирать документы. Или не услышал шаги? Вряд ли, в ночном без-

молвии каждый шорох заметен издалека.

Убийца приблизился к архивариусу и ударил его тяжёлым тупым предметом по голове. Орудие забрал с собой или где-то спрятал, ничего похожего в библиотеке не наблюдалось. Далее... А что далее? Сразу убежал? Нет, принялся копаться в бумагах, вон какой беспорядок. Часть листов помята, часть улетела на пол, чего аккуратный Филин наверняка бы не допустил. Одинцов нагнулся и обнаружил под столом картонную коробку, на боку которой было накарябано маркером «Л. Разобрать». Что значит «Л»? Первая буква имени? «Людмила»? Или «Литература»?

Участковый присел на корточки и вытащил из коробки пару книжных томов и старую на вид тетрадку. Книжки оказались дореволюционным изданием поваренной книги Молоховец со всякими ятями и ерами, а тетрадка – чьим-то незадавшимся дневником, где на первой странице было написано «Сегодня не случилось ничего интересного», а дальше шли пустые развороты. Связана эта макулатура с метасказкой или нет? Может, убийца испугался, что Филин что-то нарочет, и принял превентивные меры?

– Василиса, а Баба Яга может... как-то посмотреть, что здесь произошло?

Услышав своё имя, девушка вздрогнула и крепче обхватила себя за плечи.

– Нет, такого заклинания не существует. А что до обычных следов, то у Филина проходной двор. Он справки выда-

ёт, вроде человеческого ЗАГСа, да и просто поболтать приятели заглядывают.

Что ж, существовал и другой способ ограничить список подозреваемых. Наверняка убийца был среди тех, кто вчера толпился в очереди и слышал разговор между Филином и Василисой. Хотя почему сразу убийца? Может, у него имелся сообщник? Или болтливый знакомый, пересказавший всё, чему стал свидетелем... Чёрт, такое количество фольков на предмет алиби простому участковому не проверить...

Наказав Василисе ничего не трогать и никуда не уходить, Егор вернулся в холл, где посапывала вахтёрша.

– День добрый! – повторно поздоровался Егор.

– А? Чаво? – Вахтёрша встрепенулась, едва не свалившись со стула.

– Как вас зовут?

– Старухой кличут.

Егора такое обращение покорило. Не привык он к традициям фольков.

– Вы вчера уходили из здания последней?

– Не, опосля меня Филин оставался, сказал, посидит малехо, покумекает. Ночная птица, что с него взять. Я чаёк попила да пошла. Я тута близко живу.

– С ним кто-нибудь оставался?

– Не, нагалделись все и разошлись. Ужо поздно было, далеко за полуночь. Случилось что?

Проигнорировав последний вопрос, Егор продолжил:

– Двери в администрацию оставались открыты?

– Да, Филин сказал, всё сделает, когда будет уходить.

Упёрли чего? Это у нас запросто, народец такой, глаз да глаз.

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели. В большинстве случаев Старуха отвечала: «А бес его знает!» или «То-то, милоч, не ведаю». Дела в администрации фольков велись удручающе небрежно: посетителей в журнал учёта не записывали, документы не проверяли, кабинеты не запирали. На вопрос о камерах наблюдения бабулька истово закрестилась, откуда взялась коробка с надписью «Л. Разобрать» не припоминала. Вроде приезжал курьер, а может и не курьер. Мда...

Поблагодарив Старуху за содействие, Егор вернулся в архив.

Сгорбившаяся Василиса сидела подле Филина, положив ладонь на его скрюченные словно в судороге пальцы. Вторая рука архивариуса была подвёрнута под живот.

Одинцов прошёлся по кабинету. Из вчерашних посетителей больше всего подозрений вызывал Тугарин Змей. Василиса просила не судить фольков по тому, что написано в сказках. Но Злая Мачеха и в реальности оказалась паскудой, а матёрый разбойник взял и перековался в добропорядочного бизнесмена? Вечером он уехал из администрации на богатырские бои. Возможно именно затем, чтобы обеспечить себе алиби. С подобных сборищ, шумных и многолюдных, проще простого улизнуть на часок-другой. А потом вернуть-

ся и продолжить кутить, как ни в чём не бывало. Особенно, если есть амулет для телепортации. Василиса сказала, они дорогие. Ну так и Тугарин Змей со своей деревообработкой явно не бедствует.

А ещё он сидел на веранде ресторанчика «У Ваню», когда Егор знакомился с Василисой. Далековато чтобы подслушать, но, если существуют фольки, способные прыгнуть с четвёртого этажа, может у некоторых и органы чувств развиты лучше? Надо уточнить. И не забыть позвонить Михе Новосельцеву, узнать через его приятеля, установлены ли причины взрыва в квартире на Молодёжной. Миха... Что за дела его связывают с новым ухажёром Светланы?

От размышлений Одинцова отвлѣк нарастающий гул, похожий на шум бензопилы. На крыше начались строительные работы? Егор с недовольным видом покосился на потолок. Внезапно в нём распахнулся проѐм с синим квадратом августовского неба. Обзор заслонило огромное деревянное ведро. Егор зажмурился и вновь открыл глаза, неуверенный, что случившееся не является галлюцинацией, вызванной сотрясением мозга.

Галлюцинация протиснулась сквозь дыру, взметнув пыль со шкафов и лёгкие бумажные листы. На счёт ведра Егор поторопился. Скорее, это была расширявшаяся кверху бочка, собранная из скреплѣнных обручем досок и увешанная пожелтевшими от старости черепами. Человеческими. Внутри бочки стояла Баба Яга, загребавшая воздух метлой. Само-

дельной, судя по сучковатой рукояти и тощему пучку подвязанных изолентой растопыренных прутьев.

Сделав круг над письменным столом, Баба Яга приземлилась возле архивариуса. Василиса бросилась к старухе, помогая той перебраться через высокий бортик. Яга кряхтела и пыхтела, черепа колотились о дерево с сухим треском, листы бумаги оседали на пол. Обалдевший Егор наблюдал за сюрреалистичной картиной, шмыгая носом – внутри свербело от поднятой пыли.

– Добрый день, Яга Ягинишна, – поздоровался он, когда снова смог говорить.

– Какой он к бесу добрый? – проворчала бабка, наконец-то выбравшись из бочки. Доковыляла до Филина, опираясь на клюку, подслеповато сощурила глаза. – Василиса, ну-кась, подсоби.

Яга Ягинишна покопалась в складках тряпья и вытащила склянку с мутной коричневой жидкостью, похожей то ли на застоявшийся чай, то ли на воду из болота. Василиса помогла старухе опуститься на колени, затем приподняла архивариусу голову и пальцами разжала сомкнутые челюсти. Яга принялась аккуратно, чтобы раненый не захлебнулся, вливать содержимое склянки Филину в рот. При этом она бухтела что-то непонятное и делала пассы костлявыми пальцами. По кабинету распространился прогорклый душок, напоминающий запах тухлой капусты.

Егор тем временем прикидывал, видели ли и другие граж-

дане Верхне-Волчанска волшебный полёт? Если да, то участковый пункт ждёт небывалый наплыв торжествующих психов. Хорошо, что ближайшие две недели разбираться с этим Кулмагамбетову, а не ему.

Напоив раненого, Яга выплеснула остатки жидкости на раскуроченный затылок. Над спутанными волосами поднялось облако пара. Старуха удовлетворенно пошамкала губами, с помощью Василисы встала на ноги и побрела обратно к бочке.

– Филина я с собой заберу. Помоги-ка, внучок.

Егор со всеми предосторожностями поднял архивариуса на руки.

– Выживет? – спросил он главное, пытаясь угадать прогноз по выражению старушечьих глаз.

– А куды ему деваться? Выживет, выживет болезный... Только полежать ему надобно, отдохнуть.

– А когда придёт в себя?

Забрезжила надежда, что архивариуса не сегодня-завтра приведут в чувство, и он сам изобличит убийцу. Тогда детективные потуги участкового окажутся не нужны.

– Откуда ж мне знать, миленькай? Через седмицу, али через две. А может и месяц пройдёт.

Старуха устроила Филина на дне ступы и взялась за метлу. Егор, спохватившись, добавил:

– Преступник может и к вам прийти, чтобы завершить начатое! Будьте осторожны, никому не доверяйте! Это кто-то

из своих.

– Пушшай приходит, злыдень проклятуший. – Яга растянула в улыбке морщинистый рот с торчащим клыком. Глазки-угольки весело заблестели. – Уж я найду, чем его встретить-приветить!

Егор улыбнулся в ответ. Пожалуй, это был бы самый простой способ покончить с убийцей. Бочка по восходящей спирали поднялась к потолку, помедлила, примериваясь к откывшемуся проёму, и скрылась из глаз.

Не успела дыра затянуться, как в кармане брюк завибрировал телефон.

– Одинцов. Слушаю!

– Егор, помоги, ты должен немедленно приехать. Мне нужна помощь! Олежик пропал! – Из трубки донеслась звонкая, режущая ухо скороговорка. Так объяснялась Светлана, когда была расстроена или возмущена. – Я в отеле «Лукоморье», немедленно приезжай! Слышишь? Прямо сейчас!

Одинцов хотел спросить, что за Олежик, но в трубке зазвучали короткие гудки. Вот в этом вся бывшая. Уверена, что может обращаться с мужчиной как угодно, а тот всё равно примчится по первому зову, словно влюблённый щенок. Не мешало бы её проучить, но в голове участкового забрезжила неприятная мысль... Скорее всего Олежик – тот самый столичный мажор, чью машину помял Храбрый Баран. И который вчера устроил в администрации скандал, огорчив ведьму Наиночку. А если Наиночка немного перестаралась?

И клочки москвича полетели по закоулочкам? Придётся заглянуть в «Лукоморье» и выслушать рассказ Светланы. Тем более, гостиница находится в двух шагах.

– Мне надо в «Лукоморье», по личному делу. Проводишь?

– Да ты не заблудишься. Выходи на крыльцо и поворачивай направо. Там отдельный корпус с вывеской, не перепутаешь. А я пока быстренько составлю докладную для начальства. Жди там, зайду через десять минут.

– Хорошо, – согласился Егор. – Оттуда поедем к свидетельнице из клуба Бабы Яги. Ты не в курсе, она тоже фольк?

– Не знаю, у бабушки работают и ваши, и наши. По имени не понять.

– Ладно, разберёмся.

Вместе вышли в холл. Василиса скрылась в приёмной великого князя, а Егор отправился дальше, на улицу. Обогнул здание бывшего НИИ, по периметру обсаженное разлапистыми елями, поднялся на крыльцо гостиницы, невесть с чего прозванной отелем. От соседнего корпуса её отличало только наличие лоснящейся от старости ковровой дорожки, ведущей на ресепшен. Последний был сложен из круглых неотёсанных брёвен, для создания атмосферы. Рядом стоял кофейный автомат, на разрисованной под дубовую рощу стене висела выключенная плазма.

На ресепшене, свалив на стойку ноги в растоптанных лаптях, сидел Иван-дурак. Появление посетителя он не заметил,

поскольку вдохновенно, до полного самозабвения тренькал на балалайке. На грифе болтался атласный бант, лакированную деку украшала хохлома. Было заметно, что декор инструмента волновал владельца куда больше собственного трапезного вида. Взяв несколько аккордов, Иван запел. Лёгкие у него были мощными, а глотка – лужёной.

На ресепшене сижу,

Балалайку мучаю.

Приходи ко мне, зазноба,

По такому случаю!

Эх-ма!

Отведу тебя я в номер,

Пей чаёк и кушай кекс.

Сладко в губы поцелую,

Хоть дурак, а будет...

– Да сколько можно! – Из коридора высунулся растрёпанный мужик, придерживающий на пузе сползающие штаны. – Я после восьми часов в пути, дайте поспать!

– А неча посередь дня перину давить. Чай, не बारे.

Егор начал догадываться, почему гостиница не приносила доход.

– О, а ты откуда взялся? – Иван-дурак заметил подошедшего к стойке Одинцова и отложил балалайку. Кажется, он забыл про пьяную драку и искренне обрадовался возможности поболтать. А может, сработала одолженная у соседа сорочка с поясом, в которой высокий, хорошо сложенный, русоволосый Егор походил на усреднённого персонажа славянских былин. Постоялец убрался в номер, пообещав накатать разгромный отзыв.

– Ты не видел девушку, зовут Све...

– Егор!

Бывшая налетела маленьким разгневанным торнадо. Не удивилась, каким образом Егор откликнулся на призыв так быстро, не заметила странностей в одежде и, уж конечно, не поблагодарила.

– Скажи ему, пусть даст ключи от номера Олега. Слышал, чмошник? Открывай давай, мой друг из полиции!

Иван набычился, выпятив нижнюю челюсть.

– Не положено. Посторонним ключи не даём.

В кои-то веки его упёртость оказалась уместна.

– Это я-то посторонняя? – Света саданула кулачком по бревну, из глаз брызнули злые слёзы. – Я его невеста, понял! У нас всё серьёзно!

– Он прав, – заступился за администратора Егор. – Мы не

можем вломиться в чужой номер просто потому, что захотелось. Лучше расскажи, что произошло.

– Толку с тебя... Олежик вчера допоздна промотался с машиной, а всё по твоей вине! Сказал, как устроится в гостинице, позвонит. И не позвонил. А он всегда перед сном желает спокойной ночи. А когда его я набрала, телефон был выключен. И до сих пор выключен! Вдруг ему стало плохо? С ним что-то случилось, а всё из-за тебя!

Увидев, как Егор закатил глаза к потолку, Светлана сменила тактику. Бросилась с объятьями, чмокнула в щёку, залепетала, припав к расшитому воротнику заплаканным лицом:

– Хороший мой, ты же поможешь, правда? Ты его найдёшь? Ты же полицейский, это твоя работа.

– Ты ещё не закончил?

Вот чёрт! За спиной участкового, скрестив руки на груди, стояла Василиса. Светка, распознав соперницу из ресторана, привстала на цыпочки и, прежде чем Егор успел отреагировать, поцеловала его в губы. Страстно, с языком.

– Ну ты попал! – с неуместным восхищением прокомментировал Иван. Взял балалайку, наиграл начало похоронного марша: брень-брень-брень-бре-е-ень, брень-брень-брень-бре-е-ень.

Неизвестно, чем бы закончилась неловкая сцена, если бы не отворилась входная дверь и в холл не ввалился Светкин кавалер. Москвич выглядел неважно: под нижними веками

набрякли мешки, подбородок покрывала неряшливая щетина, лацкан пиджака порвался и болтался на нитках. Взгляд казался диковатым, словно у жителя таёжного села, угодившего в переполненное метро в час пик. В руке Олежек держал телескопическую штангу, отломанную от сумки на колёсах. Сам багаж отсутствовал.

Светлана, отпрянув, с силой пихнула Одинцова в грудь.

– Отстань! Олежек, милый, где ты был?! Я беспокоилась!

Потрёпанный мажор сморщился и помотал всклокоченной головой. Похоже, ведьма Наиночка действительно переборщила.

– Не помню. Да не визжи ты, и так хреново.

Оставив бывшую разбираться с кавалером, Егор кивнул Ивану-дураку и вышел на улицу.

Погрузившись в мысли о работе, Егор не сразу заметил, что Василиса не идёт как обычно рядом, а плетётся позади, выдерживая дистанцию в несколько шагов. Выглядела девушка расстроенной и притихшей. Наверное, её тоже не отпускало чувство вины из-за архивариуса. Или... Да нет, не стоит обольщаться... И всё же на всякий случай Одинцов замедлил шаг, обернулся и произнёс:

– Мы несколько месяцев назад расстались, никаких тёплых чувств друг к другу не испытываем. Света просто хотела тебя позлить.

– С чего ты взял, что её выходка меня задела? Целуйся с кем хочешь. Я – фольк. А вы – люди. Живёте чуть дольше,

чем хомяки, и примерно столько же знаете о мире.

«Получил? – подумал Егор. – Будешь знать, как держать язык за зубами. Поди, пойми этих баб...». Вслух же сказал: – Виноват, исправлюсь. Подожди немного, минералку куплю.

После завтрака, обильно сдобренного сгущёнкой, мучала жажда. А на глаза как раз попался продуктовый магазин. Егор выбрал в холодильнике бутылку попрохладней, отстоял очередь на кассе, дождался, когда продавец пробьёт покупку. Прошло минут пять, не больше. Но когда он вышел на улицу, отвинчивая крышку и делая глоток, девушки нигде не было видно. Участковый огляделся. Ушла? Вот так взяла и ушла, ничего не объяснив?

Вместо Василисы обнаружился Баюн, ковырявший асфальт носком ботинка. Был он всё в той же приталенной рубашке, только теперь изрядно помятой, и в клетчатых брюках с подтяжками. Половину жизнерадостного, заросшего сизой щетиной лица закрывали очки-консервы, челюсть безостановочно двигалась – Баюн жевал жвачку. Увидев Одинцова, заулыбался.

– Здорово, братуха! Выглядишь неплохо после вчерашнего.

– Я тебе не братуха. Где Василиса?

– Сказала, срочные дела, а тебе нужна помощь. Я вообще-то домой шёл, отсыпаться...

– Ну и иди. На фига ты мне сдался? – взъерился Одинцов

на ни в чём не повинного Кота. Что, ну что он сделал не так?!

– О-о-о... Поссорились? – пропустив посыл мимо ушей, Баюн пристроился рядом, принаравливаясь к быстрому шагу участкового.

– Не твоё дело. Свали.

– Я-то свалю, хоть прям щас. – Прилипчивый парень и не подумал обижаться. Всё с него сбегало, как с гуся вода. – Но Василиса сказала, ты идёшь к Алёне из бабулиного клуба. Ты из полиции, она, скажем так, с другой стороны баррикад. С чего ей с тобой откровенничать?

Об этом Егор как-то не подумал.

– Ты её знаешь?

Худошавое лицо Кота, с вытянутым подбородком и слегка выступающей нижней губой, расплылось в улыбке.

– Я знаю всех девочек Бабы Яги.

– Она фольк или человек?

– Человек. Но твоих коллег недолюбливает.

Помолчав, Егор спросил:

– Тебе-то зачем вмешиваться?

Ответ прозвучал неожиданно серьёзно:

– Это и мой город тоже. Мне безразлично, что здесь происходит.

Пресная мина продержалась недолго – подвижная физиономия приняла двусмысленное выражение, глумливое и подобострастное одновременно. Баюн надул пузырь, лопнувший с громким щелчком, и приложил два пальца к виску:

– Командуй, начальник!

– Сначала ко мне зайдём, хочу переодеться, – сквозь зубы процедил Одинцов.

Ему надоело собирать удивлённые взгляды прохожих. На этот раз его квартира находилась по пути к нужному адресу. Лучше потратить немного времени и привести себя в порядок, чем привлекать внимание весь оставшийся день.

Зайдя в подъезд, Егор достал ключи и отпер железную дверь на первом этаже.

– Можешь не разуваться.

Этого он мог и не произносить. За него всё сказал вид прихожей, где линолеум покрывали разводы натёкшей с ботинок грязи, а в зеркале, покрытом толстым слоем пыли, вместо отражения шевелились неясные пятна.

– Ну мужик, ты даёшь, – присвистнул Баюн. – У меня дома срач, но чтоб такое... О, вискарь! Тебе плеснуть?

– Нет, – отказался Егор, хотя настроение было ни к чёрту. Если честно, ему очень захотелось напиться и промотать тяжёлый, перенасыщенный событиями день. Но впереди было много дел. Да и не любил он крепкий алкоголь. Упомянутый вискарь подарили коллеги на годовщину службы, с тех пор бутылка так и стояла в серванте за стеклом, среди оставшихся от бабушки фарфоровых статуэток и хрустальных розеток для варенья. Пускай пьёт, не жалко.

– Садись. – Одинцов указал на разложенный диван, заменявший кровать. Даже откинул угол несвежей простыни,

освобождая место. Действительно, пора бы прибраться. По углам однушки залегли клочья пыли, повсюду валялись упаковки из-под нагетсов и замороженной пиццы, которыми приходилось питаться в отсутствии времени на готовку. Окна он давно не открывал, воздух в квартире казался спёртым и каким-то тяжёлым.

– Если я сяду, то уже не встану, поверь.

Прихватив бутылку, Баюн направился на кухню. А Егор принялся перебирать сваленную на кресле одежду в поисках рубашки поприличней. Вытянул одну, понюхал, отбросил в кучу.

– Где у тебя бокалы?

– Нигде.

– Издеваешься? Из чашки что ли пить?

– Чашек тоже нет.

Это было правдой. Последнюю чашку Одинцов разбил на прошлой неделе, и с тех пор так и не удосужился сходить в магазин. На кухне вода звонко ударила в дно раковины из нержавеющей стали – Баюн что-то споласкивал. Вернулся с трёхсотграммовой банкой из-под корнишонов, заполненной виски на одну треть. Встал в проходе, скрестив ноги и привалившись к косяку.

Егор нашёл подходящую рубашку – бежевого цвета, с накладными карманами. Надел, застегнул пуговицы-заклёпки, перебрался к шкафу, желая сменить брюки на любимые неубиваемые джинсы.

– В библиотеке висит портрет кота в жилете, это ты?

– Не, это мой дед, Бахарь Стародубович. Большого ума был человек. И кот.

– Ты, значит, по его стопам не пошёл? – с лёгкой издёвкой спросил Егор.

– Каждый ищет свою дорогу, – меланхолично ответил Баян. Он прошёлся вдоль стены, прихлёбывая из банки и разглядывая семейные фотографии.

– Слушай, а человеческая ипостась у фольков одна и та же? Или её можно сменить?

Егор натянул джинсы и взялся подбирать пару относительно похожих носков, среди тех, что висели на сушилке.

– Сложный вопрос. Начнём с того, что фольки неравны по силе. Есть десятки Старух из разных сказок: о репке, о Курочке Рябе, о Колобке. Их истинная ипостась отличается от человеческой, по сути, только причёской и одеждой. Да, они дольше живут и являются частью волшебного мира, но сами не имеют никаких особых умений. А есть Баба Яга. Границы её возможностей вообще никому не известны. Достаточно того, что она является хранителем Кромки – прохода между Явью и Навью. Подозреваю, её породило вовсе не человеческое воображение. Скорее, это она оказала такое влияние на коллективное бессознательное, что твои предки что-то почувствовали и превратили неясные образы в народные сказки.

«Понятно, что ничего не понятно» – подумал Егор.

– А у тебя есть такие умения?

– Есть.

– Какие?

– Всякие, – уклончиво ответил Баюн. Остановился напротив фотографии, где маленький Егор дулся на камеру, отвлекшую его от лепки куличиков из песка. Усмехнулся, в три глотка прикончил оставшийся алкоголь. Пустую банку, не заморачиваясь, пристроил на комод, где уже собралась шеренга из жестянок от персиков в сиропе.

– Но если у фолька нет никаких умений, это не значит, что он не способен их одолжить.

– Это как? – заинтересовался Егор.

– Можно купить оберег или одноразовый амулет. Василиса изготавливает некоторые разновидности на продажу, самые простые. Те, что посложней, делают прирождённые ведьмы, причём только опытные и сильные. Но они никогда не сдадут свою клиентуру. Ещё можно выпить обратное зелье и принять внешность любого фолька или человека. Самые дорогие и сложные зелья копируют не только лицо и тело, но и магические умения. В нашей общине такие игрушки запрещены. Но сам знаешь, чёрный рынок не истребить.

Одинцов, одуревший от обилия информации, потёр лоб. Как, вот как во всём этом разобраться простому участковому? Может, Баба Яга и знала толк в делах Кромки и Нави, но явно дала маху, привлекая к расследованию именно его. Надо было посоветовать начальника, Алексея Юрьевича. Мо-

роз никогда бы не растерялся и сумел задать правильные вопросы. А он... Как там сказала Василиса? Он знает о мире не больше хомяка. И значит для неё ровно столько же.

– Я готов, пошли, – буркнул Егор, окончательно растравив себе душу.

На улице Баюн поймал частного, и, прежде чем Егор выразил протест, шмыгнул внутрь, развалившись на заднем сиденье.

– Тут идти два километра, – проворчал участковый, усаживаясь рядом.

Вместо ответа Баюн приспустил очки. Глаза у него оказались не как у кота, а скорее, как у замученной лабораторной мыши. Красные, усеянные точками лопнувших сосудов, с мешками от недосыпа. Загул самозваного помощника продолжался не первый день. Как бы не пришлось его обратно на себе тащить...

Указанный Бабой Ягой адрес привёл в район, подведомственный коллеге Егора – Головину, но хорошо знакомый всему отделу. Когда-то здесь выдавали квартиры кооперативщикам Верхне-Волчанского машиностроительного завода. В перестройку завод закрылся, половина работников к новой реальности не приспособилась и стремительно спилась. Дети, чьё отрочество протекало под звяканье рюмок, вырастали и уезжали из дома как можно дальше. А если оставались, то с большой вероятностью повторяли судьбу роди-

телей. Понемногу адекватный народ из округи отсекся, и сейчас её населяли потомственные алкаши, наркоманы, мутные личности, непонятно чем зарабатывающие на хлеб, да пенсионеры, которым некуда было деваться.

Статус района сразу бросался в глаза. Окна в хрущёвках стояли старые, деревянные, с маленькими форточками и серой ватой между стекол. Вокруг переполненных помоек громоздились завалы из мусора, сломанной мебели, каких-то досок и тюков. В контейнере рылся бомж, складывая находки в решетчатую тележку из магазина. На каждом шагу попадались ларьки с пивом и круглосуточные алкомаркеты, маскирующиеся под бары. По улицам шатались поддатые граждане с характерными, землисто-багровыми физиономиями. Встречались и трезвые, но злые с похмелья. На лужайке, где ржавела перекладина для ковров, кто-то организовал уголок совместного досуга: притащил диван с доской вместо спинки, соорудил из ящичков стол.

Дом свидетельницы Алёны ничем не выделялся из ряда таких же серых и некрасивых домов. Егор с Баюном втиснулись в лифт и поднялись на шестой этаж. Прошли по длинному, выкрашенному тёмно-зелёной краской коридору, освещённому лампочкой в железной оплётке. Через запертые двери доносилась неприятная мешанина звуков: хрипчатый блатняк, ругань, детский плач. Чем пахло, лучше вообще не разбирать.

– Здесь. – Одинцов сверился с бумажкой, на которой Ба-

ба Яга накалякала адрес, и вдавил кнопку звонка. Раздалась резкая неприятная трель. За ней – тишина. Нажал снова и на этот раз долго, секунд пять, не отпускал. Наконец, за дверью простукали шлёпанцами, кто-то приник к глазку. Егор на всякий случай отодвинулся в тень. Хоть он и в штатском, но район такой, что многих служащих знали в лицо. Щёлкнул замок, на пороге показалась замотанная в полотенце девушка со свежим фингалом на лице.

– Чего припёрся?

– Разговор есть, – тоже не здороваясь, ответил Баюн. – Про одного клиента. С бабулей согласовано, не переживай.

Алёна уставилась на гостей неприязненным взглядом. Но всё же посторонилась, пропуская внутрь.

В квартире царил бардак похуже, чем у Одинцова. Комнату пропитала характерная смесь из перегара, выдохшегося пива и сигаретного дыма. Под столом выстроилась батарея пустых бутылок, повсюду валялось шмотьё, стаканы и хабарики со следами губной помады. По тарелке с засохшей едой ползали мухи. Носки разувшегося из вежливости Егора липли к полу на каждом шагу. С рогатой люстры свисал, зацепившись лямкой, кружевной лиф.

Хозяйка квартиры устроилась на диване, сложив ногу на ногу. Выудила сигарету из лежавшей на подлокотнике пачки, закурила. Призывно глянула на Егора и покачала босой желтоватой пяткой.

– Ну, чего хотели?

– Ба... Бабушка, хозяйка твоей... конторы, – неуклюже начал Одинцов. Чёрт, надо было хоть название клуба узнать. А заодно, имя Бабы Яги в миру, – сказала, к тебе обращался странный клиент.

– Они все странные. Или нищebroды, или с шизой. Нормальных Мадлена забирает, а мне всякое говно достаётся. – Судя по выражению лица, Алёна конкурентку недолюбливала.

– Тот, который просил притворяться спящей.

– А, этот... – девушка затянулась вонючим дымом и наморщила выпуклый лоб. – Там целая программа. Я надеваю пижаму, ложусь на кровать и закрываю глаза. Придурок этот, типа, снизу прячется. Потом выползает, ходит кругами, смотрит. А я просыпаюсь, делаю вид, что мне страшно, и начинаю плакать. Сначала чищенный лук в пакетике брала, но он разорался, типа, запах не нравится. Пришлось глазные капли купить.

– И что потом?

Алёна пересказала сценарий. С некоторой гордостью, мол, смотрите, люди добрые, какие только психи землю не топчут. К концу истории Егор стал пунцовым, как помидор. Баюн ослабилась шире и пихнул напарника в бок, прошептав:

– Во фантазия!

Егор одарил его красноречивым взглядом и обернулся к стриптизёрше:

– Как его зовут?

– Без понятия. У нас по имени мало кто представляется, не тот контингент. В кого ни ткни, Ивановы да Петры Ивановы.

– Часто заходит?

– Раз в месяц, реже два. По нему видно, что с баблом проблемы.

– С чего ты так решила?

– Ну... Одежда старая, одна и та же, свитер и брюки. И сам какой-то, типа, замызганный. Видно, короче.

– Когда он был в последний раз?

Алёна поскребла нечесаную макушку. Полотенце сползло, обнажив полную грудь. Девушка равнодушно вернула его на место, ни капли не смутившись.

– Давно... В начале лета, наверное. Ну да, точно, после этого... дня России или как его.

– Он с кем-то общался кроме тебя?

Взгляд опухших глаз с размазанными тенями остановился на участковом. Алёна стряхнула пепел в стакан, почесала шею, немного помолчала.

– Приватный танец он покупал только у меня. Мадлена младше, но всегда занята. Да и такса у неё выше. Он вообще нелюдимый. Сделает дело и сваливает. В натуре Бабай. Это всё?

Одинцов переспросил, не до конца поверив в удачу:

– Бабай? Ты же сказала, имени не знаешь?

– А это что, типа, имя? Так, однажды просил кричать: «О

нет, мамочки, пришёл Бабай!».

Егор еле удержался от возгласа, Баюн поднял очки на лоб и перестал жевать. За стеной раздался надсадный кашель, что-то тяжёлое упало на ковёр. Алёна испуганно покосилась на смежную комнату. Бросила непотушенный бычок в стакан, вскочила с дивана.

– Вам пора.

– Расскажи ещё про Бабая. Где он работал? Где жил? Как выглядел?

– Обыкновенно выглядел, я больше ничего не знаю.

Девушка, нервничая, принялась теснить гостей в коридор. Кашель за стеной сменился глухими матюгами.

– Уходите!

– Всё-всё, не кипятись! Считай, нас нет, – поспешил успокоить её Баюн.

Егор присел на корточки, натягивая ботинки. Не разувавшийся Баюн нетерпеливо топтался за порогом. Ожил брошенный на тумбочку хозяйский телефон, завибрировав и заиграв «Знаешь ли ты» певицы Максим. Светка тоже её любила, крутила целыми днями. А вот стоило ему включить «Сектор газа» или «Монгол Шуудан», сразу начинала ворчать про колхозный вкус некоторых не повзрослевших личностей.

Алёна прижала мобильный к уху и раздражённо махнула гостям рукой, мол, скройтесь уже.

– Алло. Приве-е-ет! Ну конечно узнала! У тебя новый но-

мер? А то не определился...

Крикнув на прощанье: «Если он снова заявится, скажи хозяйке!», Одинцов вышел в подъезд. Захлопнулась дверь. Егор тут же согнулся и прилип к замочной скважине ухом, пытаясь уловить чужой разговор. Мало ли, вдруг это Бабай звонит? И ненадёжная свидетельница сейчас всё выболтает о расспросах? Но предосторожность оказалась напрасной: девушка хихикала и рассказывала, что у неё всё хорошо. Похоже на беседу с приятелем или не слишком близкой подругой.

– Заходи, буду рада! Да. Да. Пойдёт. Во сколько?

– Ты чего? – поинтересовался Баюн. – Пошли уже.

Убедившись, что ничего интересного не подслушать, Егор распрямылся и двинулся к лифту. На площадке воняло мусоропроводом. Пластиковая кнопка, оплавленная зажигалкой, покрылась шершавыми бугорками и запала внутрь.

– Тебе не показалось, что Алёна чего-то недоговаривает? – с сомнением протянул Одинцов, глядя на исписанные маркером дверцы. – Не знаешь, кто там в комнате спал?

– Да хахаль её. Бухает по-чёрному, деньги забирает. Фингал вон поставил.

Подъехал лифт, узкий и вытянутый, как тубус. На зеркале, повешенном в рекламных целях местным провайдером, кто-то нарисовал член. Да не просто нарисовал, а с задумкой: член упирался в лицо смотрящегося, организуя нехитрый интерактив. Пол под ногами трянуло, тубус с дрожью и громоуханием пополз вниз. Баюн, скукожившийся, чтобы

не задеть грязные стенки локтями, заметил Егоров недовольный вид.

– Расслабься. Мы узнали самое главное – имя.

Так-то оно так... Но участкового не отпускала мысль, что зря он не нажал посильней. На вопрос общался ли клиент с кем-то кроме Алёны, та могла ответить просто: «Нет, не общался». Но она сказала: «Приватный танец он покупал только у меня». Ерунда или зацепка? И зачем он подписался на это дело, ну какой из него Шерлок Холмс...

На улице Егор замедлил шаг, поджидая возившегося с заправкой вейпа Баюна.

– Слышал что-нибудь про этого Бабая?

Баюн затянулся электронной сигаретой и утонул в облаке пара, скорчив меланхоличную рожу.

– Имя слышал, но не больше. Поспрашиваю, кто-нибудь да в курсе.

– Хорошо. Если что узнаешь, звони.

– А вообще... – Кот поскрёб щетинистый подбородок. – Есть идея получше. Иди к Яге. У неё хранится один полезный артефакт. Если от старости не рассыпался, сможет помочь.

– К Яге? – переспросил участковый, не сумев прогнать из голоса нотку ужаса. Вспомнилось ощущение железных пальцев, вцепившихся в предплечье, и кошмарного холода за спиной.

Кот правильно распознал настроение спутника.

– Да не ссы, не съест.

Замечание Одинцова разозлило и пристыдило одновременно. Уж в чём в чём его никогда не обвиняли, так это в трусости. Наоборот, в первый год службы Мороз частенько просил не геройствовать, а вызывать подмогу. А то, ёшкин корень, больничных на такого работничка не напасёшься.

В памяти всплыл дремучий лес с высоченными елями. С ветвей свисает лохматая паутина, верхушки деревьев переплелись бесконечным куполом. Папоротник намок от тумана, оседавшего каплями на листе. Б-р-р...

– Покажешь, где она живёт?

– Показал бы, правда. Да не дойду, – тяжело вздохнул Баян. – Сам найдёшь. Короче, езжай в центральный парк и иди к колесу обозрения. Яга тебя почувствует и пропустит. Только не сворачивай с тропы. Ну, бывай!

Пожали руки. Кот собрался уходить, но в последний момент обернулся и сказал:

– Я не знаю, что у вас с Василисой происходит, да и не моё это дело. Но учти, ты – первый, кого она подпустила к себе за долгие годы. А пробовали многие, поверь.

Помахал пальчиками и двинулся изящной и в то же время расхлябанной походкой через дворы.

Обратную дорогу мысли Егора занимала не полученная от танцовщицы зацепка и даже не избушка на курьих ножках, которую ему предстояло посетить. В голове вертелись совершенно ненужные слова: первый за долгие годы... Под-

пустила – громко сказано. Нет, ничего Баюн не понял, всё это ерунда. Иначе Василиса не бросила бы его посреди улицы без объяснений. Вчерашней ночью, когда Егор выглядел слабым и избитым, поддалась Василиса известной бабьей жалости, приголубила, отогрела... А сегодня оценила ухажёра на свежую голову. Кому он нужен? Вечно без денег, с работой, из-за которой даже чашку взамен разбитой некогда купить.

Ладно... Чем заниматься самоедством, лучше направить злость в полезное русло. И отыскать урода Бабая.

Глава 9. Катись, яблочко, по тарелочке

23 августа 2012 г. Четверг, вечер, начало шестого.

В центральном парке Егор ориентировался не хуже, чем в собственной квартире. В детстве мама с папой каждые майские праздники водили его кататься на каруселях. Покупали абонемент на все аттракционы, разрешали объедаться мороженым, терпеливо ждали, пока сынишка до одури напрыгается на батуте.

Парк делился на две неравных части. Первая, большая по размеру, предназначалась для прогулок и пикников. Главной её достопримечательностью было озеро в форме изогнутого овала, к середине лета зараставшее ряской. На его берегу устраивали свидания, бегали трусцой по присыпанным песком дорожкам, жарили шашлыки. Зимой катались на лыжах.

Во второй части, с горками и качелями, отдохнуть бы точно не получилось. С раннего утра и до самого закрытия здесь не затихали крики, смех, музыка. Особенно в дни школьных каникул. С востока парк спускался к реке и переходил в чинную набережную, отремонтированную ко дню города. По вечерам там было не продохнуть от комаров и голодной сибирской мошки. Зато вид открывался чудесный – на раздольную водную гладь и лесистый берег с дачными домиками, вполне

живописными с большого расстояния. По Кети плыли прогулочные теплоходы, на раскладных стульях дремали рыбаки. Никаких избушек Егор не припоминал, но от фольков можно ожидать чего угодно.

У входа в парк продавали мороженое и всякое пластмассовое барахло: солнечные очки, пупсов, шагающих Винни Пухов. По центральной аллее гуляли мамы с колясками, на лавочке играли в нарды пенсионеры. С горки нырнул паровозик в виде гусеницы, пристёгнутая к сиденьям малышня радостно завизжала. Егор тоже на нём катался. И на лодочках, и на бешено вращавшемся «Сюрпризе», и на любимом «Вихре», где кресла болтались на длинных цепях. Когда «Вихрь» набирал полную скорость, ты летел, захлёбываясь от восторга, над макушками клёнов и берёз.

Запахло варёной кукурузой. Продавщица откинула крышку бака, выживая из горячего пара ярко-жёлтый початок. Присыпала солью, обернула салфеткой, протянула покупателю. Прочитав грабительскую цену – сто пятьдесят рублей – Егор ускорил темп, удаляясь от соблазна.

Колесо обозрения медленно поднимало и опускало открытые кабинки. Старого типа, с чем-то вроде вентиля посередине, схватившись за который можно вращать платформу с неудобными железными креслами. Массивные опоры аттракциона покрывал непонятно какой по счёту слой краски, начинавшей отваливаться, обнажая ржавую изнанку. Однажды колесо заменят на современное, с закрытыми капсу-

лами, как на горных фуникулёрах. Где нет ни ветра, ни ощущения высоты. . .

Дойдя до конца маршрута, Егор озадаченно нахмурился. И где обещанный проход? Баюн говорил про тропу. . . Наверное, про ту, что начиналась в зарослях акации и вела в неухоженную часть парка, куда не добирались тележки со сладкой ватой. Участковый помялся с ноги на ногу, пожал плечами, словно перед кем-то оправдываясь, и полез в кусты.

За спиной заливалась смехом малышня, тархтел генератор, питавший насос уличного батута. Хриплые репродукторы потчевали посетителей одним и тем же набором песен, не менявшимся со школьных лет самого Егора. Сейчас проскачут три белых коня, за ними затянет серенаду трубадур. Но с каждым шагом музыка стихала, а детский смех звучал всё более растянуто и жутко, как в фильмах ужасов, когда призраки безобразничают на пустых качелях. Одинцов отошёл метров на двадцать, а слова песни было уже не разобрать. Будто радио прикрутили на минимум, да ещё накрыли сверху подушкой.

К тропе подбежал мальчуган в ярко-жёлтой футболке со смешариками.

– Дядя, помоги! Я мячик не могу достать!

– Прости, дружище, дядя спешит. Попроси родителей.

Мальчик насупился и выпятил нижнюю губу, собираясь заплакать.

– Они далеко. Если без мячика вернусь, папа накажет.

«Родители года! – мысленно возмутился Егор. – Пацан носится по куширям, им и дела нет. А за мячик переживают».

– Ладно, показывай.

Одинцову, с его ростом метр восемьдесят девять, частенько приходилось снимать кошек с деревьев и лезть на верхнюю полку за багажом. Маленькая ладошка вцепилась в руку, настойчиво потянула за собой. Инструкция запрещала покидать тропу, но он же не ребёнок, чтобы заблудиться в городском парке. Поможет мальцу и вернётся на маршрут.

Теперь музыку вовсе не было слышно. Да и местность одичала – идти приходилось, выискивая прорехи среди бурелома, перешагивая корни, стряхивая с макушки липучую паутину. Ощувив тревогу, Егор обернулся и обомлел: утоптанная дорожка оказалась далеко-далеко. Самый краешек виднелся между деревьев, подсвеченный золотым лучом. «Ой, дура-а-ак! Попался!» – мелькнуло в голове, но он всё-таки решил убедиться.

– Любишь смешариков?

В ответ донеслось равнодушное «Ага».

– Наверное, знаешь всех по именам?

Кивок. Ну раз так, тогда держи:

– А кто из них тебе нравится больше всего?

Мальчик притормозил и уставился на футболку, выискивая подписи на рисунке. Сейчас он догадается, что провалил тест. Не дожидаясь развязки, Егор стряхнул невесть чью лапку и бросился обратно к тропе. Сзади донёсся чавкающий

плеск. С похожим звуком батя однажды опрокинул площадку с холодцом, только запахло не бульоном, а старым подвалом. Низко повисшее солнце, не соответствующее времени на часах, отбрасывало от твари длинную тень. Та гигантскими скачками мчалась по следу. Вот она взмыла в воздух, вытянув тощие лапы. Одинцов заложил вираж, пропустив с правого боку что-то вовсе не жёлтое и не маленькое, дохнувшее гнилым теплом.

– Мать-перемать! – подбодрив себя криком, Егор схватил камень и швырнул его за спину. Споткнулся о бревно, зарылся руками во влажный мох, но выпрямился, не упал. Дорожка не стала ближе. Золотой луч потускнел, готовясь совсем пропасть. Тогда Егор подпустил пыхтящую тварь вплотную и с разворота ударил ногой вперёд и вверх.

Носок ботинка врезался во что-то жёсткое, похожее на скрученную проволоку. Мелькнула пасть с зубами-иглами, вспыхнувшие алым глаза. От следующего удара тварь подавилась скулежом. Не останавливаясь, Егор схватил с земли палку и огрел её по шипастому загривку. Дерево оказалось гнилым – легко переломилось, сыпанув трухой и белыми катышками личинок. Брезгливо откинув оставшуюся половину, Одинцов бросился прочь.

Мимо проносились стволы деревьев, ветки хлестали по лицу и плечам. Резко, без предисловий, опустились сумерки, выполз туман. Какое-то время сзади доносился топот, но вскоре затих. Прочие звуки заглушило дыхание Одинцо-

ва и шум крови в ушах. Когда под ногами захлюпало, а левый ботинок зачерпнул холодной воды, участковый остановился, сообразив, что давно потерял тропу из виду и несётся хрен знает куда. Он опёрся руками о колени, переводя дух. Забрызганные грязью джинсы нацепляли репья и сосновых иголок. Манжета рубашки испачкалась в смоле. Выровняв дыхание, Егор прислушался. Вокруг стояла тишина: птицы не пели, букашки не жужжали, воздух застыл, позволяя туману извиваться причудливыми клубами. Сильно пахло перегноем и прелой травой, как от ямы с компостом на бабушкиной даче.

Он повертел головой. Ни тропы, ни намёка на городской парк. Куда ни глянь – деревья, деревья, деревья, исчезавшие в сине-серой хмари. Огромные, искривлённые, с толстой потрескавшейся корой. А под ними – ковёр из иголок и мха, бурые шляпки мухоморов, вездесущий папоротник. И что теперь делать? Звонить в «ЛизаАлерт»? Одинцов достал из кармана телефон. Сигнал пропал, все три деления на шкале погасли.

– М-да.

Вспомнились советы из детских книжек про путешествия. Не робей, малыш, с севера мох растёт гуще, а муравейник всегда вытянут на юг. Но в этом чёртовом лесу мох рос повсюду, а муравейники отсутствовали.

Не придумав ничего лучше, Егор поплёлся вперёд. Остаться на месте – бессмысленно. Да и холодновато торчать

без движения. Пока идёшь – вроде ничего, а как остановишься – накатывает озноб.

Чаща становилась всё непролазней, деревья сомкнулись в узкий извилистый коридор. Под ногами шуршал валежник, податливо проминалась листва. Подошвы ботинок то скользили по волглому лишайнику, то с чавканьем зарывались в мох. Иногда в тумане мерцали огоньки: фиолетовые, красные, жёлтые. Может, насекомые вроде светлячков, а может, чьи-то глаза... Поскрипывали сухие стволы.

Поперёк дороги, наугад выбранной Одинцовым, пролегла просека метров пять шириной. Нет, не просека: деревья были не срублены, а повалены и раздавлены, будто по ним проехался танк. Путь тяжеловеса отмечала рыхлая чернота с островками алеющих искр. Присев на корточки, Егор дотронулся до земли. Пепел. Горячий. Из тлеющей лесной подстилки тут и там пробивались дымные ручейки. По бокам корчились обугленные деревья, тыча в уцелевших собратьев обломками ветвей. Какой-то диск, присыпанный золой, отражал приплюснутым краем сумрачный свет. Одинцов поднял находку и похлопал о бедро, стряхивая пыль. Диск оказался лёгким и гибким, покрытым переливчатыми разводами, словно камень лабрадор. Правда, воняло от него, как от серпентария в Новосибирском зоопарке, куда Егора возили в детстве.

Над макушками елей волной прокатился рык. Что-то большое проламывалось сквозь дебри, возвращаясь к вы-

женной полосе. Уронив находку, участковый вскочил на ноги и, не дожидаясь встречи, сиганул в спасительный туман. Почему-то вспомнилось объявление о Змее Горыныче, на два года изгнанном из Яви. Ну точно! Диск – это же чешуя! Спину начало припекать, и отнюдь не солнцем: небо всё также затягивал полог из мглы. Одинцов припустил изо всех сил, спеша убраться с опасного места.

Рычанье угасло в безмолвии леса. И вновь тишину нарушало лишь ровное дыхание Одинцова, звук собственных шагов, да жалобный скрип елей, при полном безветрии покачивающихся ветвями. Треснул сучок, заставив Егора насторожиться.

В зарослях показалась девушка. Красивая, не передать. Чёрные волосы спускались ниже талии, пунцовый рот походил на налитую соком вишню. А изгибы такие, что изображение без труда дорисовало всё, что скрывало длинное, сшитое по фигуре платье. Кстати, о платье – неподходящая одежда для здешних мест. Наученный опытом участковый радоваться появлению незнакомки не спешил.

Девушка подошла ближе, насмешливо приподняла соболиную бровь.

– Заблудился, сладкий?

– Я иду к Бабе Яге.

Тактика из детства. Если ты оказался на чужой территории и попался шпане – назови имя местного авторитета. Мол, ты тут не сам по себе, а по приглашению уважаемого

человека. Красотка облизнула тёмно-красные губы. Хищно так, предвкушающе.

– Зачем она тебе? Старая, ворчливая. Не то, что я. – Девушка провела ладонями сверху вниз, приглаживая платье и очерчивая талию и бёдра.

«Аргумент» – подумал участковый. Сердце забилось быстрее, внизу живота проклюнулся росток знакомого тепла. Но и подозрения усилились. Он, конечно, парень видный. Однако не сказать, чтобы девчонки гроздьями вешались ему на шею. Как однажды пояснил Тимур: «Больно рыха у тебя простая».

– Коли я не по нраву, погляди на моих сестричек.

Из-за деревьев, хихикая и строя глазки, вынырнула стайка девиц. Обступила дразнящим хороводом, закрутилась, зашелестела шёлком и побрякушками. Сестрички, все как одна, оказались такими же брюнетками с бездонными глазами. Одна, с перекинутыми на грудь чёрными косами, расстегнула пуговицу на воротнике Егора и отпрянула назад, постанывая от нетерпения. Другая заулыбалась и поманила дразнящим жестом. А когда участковый отвернулся, клацнула в воздухе зубами.

Одинцов попятился, растерянно вертя головой. Сестрицы сдвинулись плотней. Со всех сторон потянулись руки, хватающие за рубаху, лезущие под ремень. Поглаживания чередовались со щипками, чей-то острый ноготь расцарапал шею. Потеряв терпение, Егор пихнул насевшую на него брюнетку

с родинкой на щеке. Его с детства учили, что бить девочек стыдно. Но девочки остались в городском парке, а кем были эти существа – большой вопрос.

Уворачиваться от жадных ладоней получалось всё хуже. Егор попытался протиснуться вперёд, вырваться из хоровода, шепчущего: «Отдайся! Остайся! Расслабься, нам будет хорошо... О, нам будет очень хорошо...». Во рту стало сухо и горячо, в голове поплыл слабый звон, как во время приступа гриппа. Мутило от приторного аромата. Кто-то снова оцарапал кожу, но теперь боль показалась приятной, томительной и тягучей. Одинцову больше не хотелось сопротивляться. Пусть его трогают, гладят, целуют. Пусть хоть на части разорвут.

Это чувство не утратило силу, даже когда девушки начали изменяться. Их пальцы вытягивались, наращивая суставы и изламываясь в невозможных для человека местах. Сквозь кожу на щеках пробивались то ли клыки, то ли костяные шипы, загибаясь кверху. Да и повсюду на теле ширились прорехи. Оттуда, мелко подрагивая, лезли покрытые слипшимся ворсом паучьи лапки. Сами членистоногие теснились внутри, Егор видел их раздутые брюшки. Красавица, заговорившая первой, погладила участкового по лицу. Торчащие из ладони лапки пощекотали кожу. Но и это не оттолкнуло Одинцова, даже не уменьшило жара, лижущего обмякшее тело. Платья сестёр тоже преобразались. Ткань превращалась в паутину. На животах проступали порезы. На-

бухали каплями слюны, распахивались, демонстрируя ряды зубов и влажную слизистую за ними. Глотки сокращались, выталкивая тёплый воздух со сладким запахом разложения. Егор облизнул губы, покрывшиеся шершавой коркой. Сложил их трубочкой, поднёс к пульсирующей пасти...

Он почти ощутил вкус поцелуя – будто клубнику и лук сложили в один пакет, перемешали и долго держали на жару. Прекраснейшую на свете деву отдёгнуло рывком. Возлюбленная вскрикнула, гибкое тело с влажным хрустом распалось надвое. Огромный волк выплюнул останки, фыркнул и брезгливо потёр морду передней лапой.

– Убью! – обезумевший от гнева Одинцов бросился на зверя с кулаками.

Тело красавицы ещё шевелилось. Покрытые ворсом дрожащие лапки пытались оттащить обе половины, но те были слишком тяжёлыми. Из ран толчками хлестала кровь со сгустками паутины. Сёстры попрятались за деревьями и оттуда следили за дракой, злобно шипя. Хотя, какая это драка... Волк не обращал внимания на тумачи, лишь отводил чувствительную мочку носа и жмурил огненно-жёлтые глаза. Если в сарае Галины Михайловны зверь показался Одинцову очень большим, то сейчас – просто гигантским, размером с лося. Улучив момент, волк цапнул участкового за шиворот и закинул к себе на спину.

– Держись.

Егор на автомате схватился за вздыбленный мех. Вовремя

– волк оттолкнулся задними лапами и сорвался с места, вывернув шмат земли. Одинцова мотнуло, деревья помчались в обратную сторону, в лицо подул ветер.

– За шею, а не за шкуру, дурень!

Встряска растормошила плывущего Одинцова. Он выпустил мех, обнял зверя и крепче обхватил коленями бока, поросшие жёсткой шерстью, колющейся сквозь джинсовую ткань. Громадные лапы оставляли во мху глубокие следы, от морды поднимался пар. На пути мелькнула крыса размером с зайца. Миг – и она исчезла в зубастой пасти, только хвост мотнулся снаружи кожаным хлыстом.

Впереди показался просвет. Волк прибавил ходу, ветер зашвистел в ушах, словно Егор высунулся из открытого окна электрички. Или, скорее, взгромоздился на состав верхом. Только поезд не пах псиной и не прыгал через пни, заставляя седока взмывать над хребтом, чтобы после с размаху стукаться об него копчиком. Деревья расступились, волк выскок на площадь перед чёртовым колесом.

Теперь это название описывало аттракцион куда точней. Краска отслоилась со стальных опор. Спицы, тянущиеся из центра круга к кабинам, насквозь проела ржавчина, кое-где они полопались и закрутились винтом. На месте некоторых кабинок зияли пропуски, у других не хватало крыши или дна. При этом колесо продолжало вращаться, заунывно скрипя на одной тоскливой ноте.

Сам парк выглядел не лучше. Асфальт пошёл трещинами

и разломами, повсюду намело сухой листвы, из которой выглядывали белёдые шляпки поганок. Стены киоска, где всего полчаса назад продавали кофе на вынос, покрылись пятнами плесени. Тусклое окошко выдачи спряталось под слоем паутины, рама набухла от сырости, перекосилась и поросла мхом. Люди куда-то делись. Стояла противоестественная тишина, не считая скрежета дряхлых железных конструкций. Егор поднял голову – по-прежнему ни солнца, ни луны, небо заволокли облака.

– Слезай давай. Аккуратнее, я тебе не автобус.

Одинцов сполз по шерстяному боку.

– Спасибо! – Он смущённо глянул на зверя, усевшегося по-собачьи и с наслаждением почесавшего себя за ухом. – Что это были за... существа?

– Не все, кто живёт у Кромки, имеют имя. На кой чёрт ты туда полез? Тебе дали одну-единственную инструкцию: с тропы сворачивать нельзя.

Егор почувствовал укол совести, но всё же набычился в ответ – он не мальчишка, чтобы его отчитывали.

– А ты зачем привёз меня обратно? Отнёс бы на тропу.

– На неё нельзя попасть откуда хочешь. Можно только вернуться в начало и пройти заново.

На кабинку чёртова колеса уселась ворона, закаркала, разминая крылья. Волк повернул треугольное ухо, наводясь на источник звука. Покопался зубами в подшёрстке, зевнул во всю ширину пасти, выкатив розовый язык.

– Слушай, чего спросить хотел... Мы в расчёте?

«Это он про что? – подумал Егор. – А-а-а, про съеденного Хосю...»

– За помощь благодарю, буду должен. А на уничтожение имущества пожилого человека глаза не закрою, даже не про-си. И не тяни с расчётом, а то проценты накапают.

– Проценты? – Хриплый возглас походил на лай. – Начи-нается... В какой валюте считать собрался, в свиноевро или свинорублях?

– В свинофунтах свиностерлингов, – буркнул Одинцов, чувствуя себя очень глупо.

– А я за тебя слово замолвил перед Ягой, правильным пар-нем назвал. А ты... Заноза в лапе, вот ты кто. Ну, бывай. С маршрута не сходи, второй раз не прибегу.

Волк потрусил по главной аллее, задрал пушистый хвост. А Егор вновь углубился в чащобу. И на этот раз твёрдо сле-довал тропе, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Прошёл мимо семейства боровиков с крепкими рыжими шляпками, разросшихся в каком-то метре от дорожки («Вот бы на жар-рёху!»). Не дрогнув, проигнорировал лежащий на обочине кошелек, откуда высовывалась пачка пятитысячных купюр («Развод на дурака»). Цыкнул на девчушку лет пяти, трогатель-но обнимавшую плюшевого зайца («Плавали, знаем»). С ухмылкой помахал мальчику в жёлтой футболке. Под гла-зом у последнего расплывался синяк. Мелкий оборотень вы-удил из кармана рогатку и пульнул в участкового шишкой.

Когда за плечами осталось не меньше километра, почувдился приторный аромат, напомнивший о сестрицах. Точно, в ушах послышался шёпот: «Мы зла не держим. Как соскучишься, приходи...». Но Егор заткнул уши пальцами и запел «Туман» «Сектора Газа». Фальшиво, зато громко.

Лес постепенно редел, расстояние между деревьями становилось всё больше. В просветах замелькала по-весеннему зелёная трава. Егор ускорился, предвкушая ходьбу по ровному полю, без валежника с коварными норами, и чуть не вляпался в прикинувшееся лужайкой болото. К счастью, тропа не исчезла, а превратилась в цепочку сросшихся кочек, кое-где соединённых мостками из брёвен. Вокруг, насколько хватало глаз, булькала и хлюпала удушливыми парами кислотно-салатовая ряска с вкраплениями камыша. Топорщили сучья мёртвые деревья, темнели криницы со стоячей водой. Иногда на поверхность поднимались пузыри. То ли газ выходил, то ли на глубине обитало что-то живое. В ботинках чавкало, рубашка пропиталась парящей в воздухе моросью и прилипла к спине. Хорошо хоть не было комаров. Пока.

Через сорок минут быстрого шага тропа привела к острову посреди болота. А может, полуострову – противоположный конец было не разглядеть, его закрывали стеной косматые ели. Хвоя на поникших ветвях казалась чёрной, с редким зеленоватым отливом, будто перья на крыльях сороки. Выбравшись на твёрдую поверхность, Егор почувствовал себя уверенней. Ровно до тех пор, пока не увидел присыпан-

ные палью кости – рёберную клетку с фрагментом позвонков. Чуть дальше, возле пня с истёртым срезом, валялся череп. Рогатый, от коровы или быка. По хребту участкового словно стекла ледяная струя, заставив поёжиться и передёрнуть плечами.

Костей становилось всё больше, будто на острове давным-давно находился скотомогильник, но какая-то неведомая сила принялась выдавливать трупы на поверхность. Человеческие останки тоже попадались, включая почти целый скелет в кольчуге и шлеме с наносником, как из сериала про викингов. Метров через триста обглоданные мосла увеличились в размере. Сначала их приходилось перешагивать, а потом и лавировать между ними, выискивая проход. До тех пор, пока кости не сомкнулись в частокол, над макабрическими зубцами которого высилась двускатная крыша. Выстланная соломой, со сложенной из камня печной трубой и деревянным коньком на треугольном стыке. В небо подымался дымок, чей запах напомнил Егору об отпуске, шашлыках и растопленной бане.

Участковый надул щёки, издав грустное «Пу-пу-пу-у»... Соваться на эту «дачу» категорически не хотелось.

Преодолев малодушный порыв вернуться в парк, Одинцов побрёл вдоль ограды в поисках ворот. А вот и они, частоколу под стать. Вместо петель створки удерживали трёхпалые лапы, словно оторванные от макета динозавра из Верхне-Волчанского краеведческого музея. В качестве зам-

ка скрепились в рукопожатии ещё две пары конечностей, на опорных столбах висели черепа. Стоило Егору подобраться поближе, пустые глазницы наполнились светом, а сами черепа развернулись, подобно дулам башенного КПВТ.

– Яга Ягинишна! – крикнул Егор и подпрыгнул, пытаясь заглянуть через забор. В землю у ног ударил изумрудный луч, прочертив узкую канавку. Участковый замер – первый предупредительный.

– Яга Ягинишна, откройте! Это я, Егор Одинцов!

Он наклонился, стараясь не совершать лишних движений, и поднял обломок кости. Навесом метнул во двор, надеясь привлечь внимание хозяйки. Ступню тут же сдавило. Егор посмотрел вниз и с ужасом обнаружил торчащую из земли руку мертвеца, сжимавшую ботинок. Попробовал стряхнуть, но та вцепилась крепко, как бульдог. На помощь руке лезли другие конечности: и вполне человеческие, и похожие на щупальца, и лишённые мяса клешни.

– Яга! Быстрее!

Страх усилился: а что, если бабка упёрлась куда-нибудь по делам? И дома никого нет, а он зовёт пустоту? Но из-за забора донёлся скрипучий голос, прозвучавший для участкового слаще музыки.

– Слышу, слышу. Орёшь, как оглашенный. Не дал фильму досмотреть.

Монструозные руки разжались. Ворота распахнулись сами собой, хотя электричеству на потустороннем острове

взяться было неоткуда. Интересно, от чего запитан телевизор? Неужто нашлись герои, согласные больше часа переть генератор на своём горбу через болото и лес?

– Я тебя давно почуяла, паря. Да очень уж серия хорошая, не серчай. Слышал про «Аббатство Даунтон»? Ой, что там творят! А ещё графья... Да ты проходи, проходи...

Одинцов с опаской проследовал во двор и, первым делом, взглядом поискал под избой куриные лапы. Но дом, не считая соломенной крыши, мало чем отличался от аналогичных построек в Знаменке. Те же потемневшие от времени брёвна, резные ставни, крыльцо в две ступени и вход с высоким покосившимся порожком. Поленицу прикрывал навес из шифера, на чурбанах дремал, свернувшись калачиком, рыжий кот.

Да и внутри всё показалось знакомым. Пол из ошкуренных досок застилала полосатые коврики, прямо как у бабушки на даче. И точно также в углу стояла застеленная кружевной салфеткой швейная машинка «Зингер» с ножной педалью. На чёрном лаке, покрытом сеткой царапин, подрагивал солнечный блик. На окнах висели занавески из ситца, цвели фиалки. Правда, на даче не было настоящей деревенской печи, выбеленной извёсткой, с заслонкой из чугуна. А в остальном, даже запахи были похожи – сушёной травы, сдобного теста, корвалола. Проход в соседнюю комнату отделяла штора из бамбуковых бус. Потревоженные движением висюльки тихо постукивали друг о друга.

С полочки в углу, прикрытой чистым вафельным полотенцем, гостей строгим взглядом встречала икона Иисуса Христа.

Егор, стесняясь смелости вопроса, поинтересовался:

– Яга Ягинишна, а вы разве не язычница? Ну там, Велес, Перун...

– Да как же без старшего, милай? Везде порядок нужён. О-о-о, да у тебя ноги мокрые. А ну разувайся! И рубаху сымай!

Не прошло и двух минут, как сомлевший в тепле участковый оказался на лавке, одетый в толстые шерстяные носки, чуни и пошитую из овчины безрукавку, с чашкой чая в одной руке и блином – в другой.

– Хорошо, что наведал бабушку. Сама хотела звонить.

Баба Яга перевела взгляд на печную лежанку, скрытую лоскутной занавеской. Только сейчас Одинцов заметил, что из-под шторки высовывалось крыло, светло-коричневое с крапинками, словно на перья брызнули растопленным шоколадом. Старый Филин. Благостное настроение пропало.

– Как он?

Старушка вздохнула.

– Помаленьку. Судорога его отпустила, лапы разжались, а в когтях вона чё лежало.

Она порылась за пазухой и извлекла обрывок тетрадного листа. Протянула участковому.

Егор разгладил бумажку и внимательно её изучил. Почерк у Старого Филина оказался мелким и аккуратным. Бисерные

буковки с затейливыми хвостиками складывались в слова на неизвестном языке: «Qui fabulas colligit, ipse relator fiet». Ниже по-русски было приписано «Метасказка! Кто-то хочет переписать реальность!». Слово «переписать» дважды подчёркивал карандаш.

– А это на каком языке?

– Ента речь латинянская: «Тот, кто соберёт сказки, сам станет сказочником».

Участковый недоумённо вскинул брови. Откусил и прожевал щедро обмазанный маслом блин, размышляя над смыслом послания. Выходит, убийца не зря опасался. Старый Филин успел раскопать какие-то данные о метасказке. Чтобы информация не разошлась по общине, Бабай напал первым и выкрал документы. Или книги, или свитки... Но Филин делал пометки на клочке бумаги, застрявшем после трансформации в птичьей лапе. Да и череп у него оказался крепче, чем рассчитывал злодей.

– А такое вообще возможно? Чтобы кто-то стал сказочником и переписал реальность?

– Что ты, – старушка перекрестилась, поплевала через плечо, а потом ещё и постучала по деревянной столешнице. – Глупости это, ты уж бабушке поверь. Тышшу лет небо копчу, а такой околесицы не слыхала!

Погружённый в раздумья Егор запил блин горячим чаем. На его взгляд, невозможным было само существование фольков. Что не мешало ему сидеть в гостях у Бабы Яги, слу-

шая, как на стене тикают ходики, а за чугунной заслонкой гудит и потрескивает пламя. А если это и есть причина резни, устроенной на Молодёжной? Неудачливый Бабай откуда-то узнал про метасказку и пожелал написать свою историю, где он – богат, красив и наделён безграничной властью. И не важно, на самом деле существует метасказка или это вымысел чистой воды. Главное, Бабай в неё верит. Легенда превратилась в навязчивую идею, псих придумал какую-то систему поиска и следует ей с упорством маньяка. Егор вспомнил слова мальчугана, дружившего с убитой Ксюшей: «Сказки рассказывала бабушка, он слушал, а потом просил ещё». А бабушка, между прочим, возглавляла кафедру устного народного творчества и историй знала много...

Ладно, пора заняться главной зацепкой.

– Свидетельница назвала имя – Бабай. Кот Баюн сказал, у вас есть артефакт, способный его отыскать.

– Бабай? – недоверчиво переспросила Яга, замерев возле открытых полок с посудой. Блюда и тарелки были расставлены по размеру, миски сложены в стопки, черпаки и котелки блестели начищенными боками. – Ты уверен?

– А что не так?

– Давно про него не слыхала. Знаю, что в клуб заходит, нечасто. Мужик он непутёвый, да и выпивает, чего греха таить. Но безобидный. Нутро у него хлипковато для ентих страстей. Ай-я-яй... Никогда бы не подумала...

Продолжая бормотать, старуха сняла с полки большое на-

рядное блюдо и водрузила его перед Егором. По фарфоровому ободку вилась надпись: «Да здравствует VIII Съезд Советов 1920», нарисованные в центре серп и молот оплетали васильки. Между стеблей виднелось полустёртое клеймо Ломоносовского завода.

– Ты на картинки не смотри. Старое оно, скучает по Советам. Ох, какие были времена... Мы с ним половину Союза объехали, и на БАМе побывали, и на Северах...

Пододвинув блюдо к Одинцову, Баба Яга вышла в сени и вскоре вернулась с эмалированной кастрюлей, доверху наполненной яблоками. Со своего огорода – магазинные так не пахнут.

– Наклони его немного, во-о-от... Яблоко сюды клади и крути, крути... Не рывками, ровней. Хорошо. А теперь говори: «Катись, яблочко, по тарелочке».

Егор, приноровившись катать недозревшую бугристую антоновку, повторил фразу. Середина блюда задрожала и подёрнулась кругами, словно камень бросили в молоко. А затем и вовсе растаяла, демонстрируя лежащую под ней скатерть с хлебными крошками. Яблоко продолжало вращаться вокруг пустоты, только зелёная шкурка слегка скукожилась и потемнела.

– Как сгниёт – новое клади. Называй имя.

Одинцов шмыгнул носом, уставясь в середину блюда. По яблоку поползли коричневые пятна, переспелый бочок лопнул, капнув на ободок прозрачным соком.

– Да не тяни ты! Долго она не проработает, устанет. А после будет до Сретения силы копить.

– Покажи мне Бабая.

Произнеся имя фолька, участковый приготовился увидеть любую картину, в том числе не самую приятную. Судя по рассказу на планёрке, подозреваемый был садистом и имел проблемы с психикой. Кто знает, чем он занимался прямо сейчас. Но того, что изобразило блюдо, Егор никак не ожидал...

– Господи Иисусе... – прошамкала старуха, подавшись вперёд.

В провале показалась распухшая чёрная морда с разъявленным безгубым ртом. Вместо глаз темнели две дыры, наполненные запёкшейся жижей чернильного цвета. Тёмную кожу тронули следы тлена. Длинную жидкую бороду перебирал ветерок. Возле головы Бабая сидела ворона, деловито ковырявшаяся у него во рту. Захлопав крыльями, птица потянула на себя зажатый в клюве фиолетовый жгут.

Главный подозреваемый в деле об убийстве и сам был давно и бесповоротно мёртв.

Глава 10. Идеальное алиби

23 августа 2012 г. Четверг, вечер, шесть часов тридцать две минуты.

Не обращая внимания на трапезу падальщицы, Баба Яга покачала головой и огорчённо произнесла:

– Ай-я-яй... Молодой совсем был, хоть и пропашшай...

А вот Егор к подобным картинам пока не привык. К горлу подкатила тошнота, недожёванный блин показался отвратительно мягким, словно шмат отслоившейся кожи. Конечно, трупы и раньше попадались ему по работе, но всегда свежие. Одинцов усилием воли заставил себя наблюдать за неаппетитным обедом. Вдруг удастся понять, где находится тело? В «объектив» тарелочки попадало немного: пожухлая трава, клочок бесцветного неба, жирно лоснящаяся шея, по которой карабкался муравей. Поляна за городом? Ветер растрепал волосы Бабая и протащил через кадр пакет из «Пятёрочки». Пустырь рядом со свалкой? Судя по влажной, раздувшейся морде, по размеру расплодившихся личинок, смерть наступила значительно раньше позапрошлой ночи, когда вырезали семью на Молодёжной...

От чего погиб Бабай, понять было сложно: над трупом потрудились птицы и насекомые. Да и большая часть тела осталась за кадром. Но в том, что смерть была насильственной, Егор не сомневался. Вряд ли главный подозреваемый в деле

об убийстве выбрался на прогулку, мечтая насладиться одиночеством, и тут-то его и прихватил инфаркт. Зато алиби у Бабая образовалось – не подкопаешься... Ниточка оборвалась.

Яблоко съёжилось вдвое и покрылось плесенью. Егор поймал кружащееся гнильё и зашвырнул в мусорное ведро.

– А вы не почувствовали, как его убивали?

– Моё дело Кромку сторожить, чтобы живые не проникли в Навь, а мёртвые не шалили в Яви. А за душами не слежу, на то у меня дозволения нет. – Старуха ткнула пальцем с жёлтым кривым ногтем куда-то в потолок.

– Можно других подозреваемых посмотреть?

– Давай, внучек, – разрешила Яга, тоже присаживаясь на лавку. – Пользуйся, пока не уснёт.

В другое время Егор не выдержал бы пугающего соседства. Но сейчас его слишком увлекли возможности артефакта. Он достал из кастрюли свежую антоновку, торопясь перебрать самые сомнительные имена.

– Покажи мне Тугарина Змея.

Остепенившийся разбойник сидел в офисе, откинувшись на спинку кресла. На горбатом носу примостились очки в квадратной оправе. Судя по мерцающим голубоватым бликам на стёклах, Тугарин Змей смотрел в монитор. Возле клавиатуры высилась стопка папок, правая рука покоилась на компьютерной мышке. Клацнув по кнопке, фольк отодвинулся вместе с креслом и наклонился куда-то под стол. Рас-

прямылся, удерживая на весу коробку. Поставил перед собой, снял крышку и бережно извлёк спрятанную внутри книгу. Хорошее издание, в твёрдом переплёте с тиснением и позолотой.

– Интере-е-есно... – одними губами протянул Егор. Серые глаза сощурились в попытке прочитать название на обложке. Что-то про Сибирь. Точно – «Сказки народов Сибири»! Подозрительно? Не то слово! Однако с Бабаем он уже попал впросак, уцепившись за одну версию. Следовало проверить и другие имена.

– Покажи-ка мне Светкиного кавалера, как его... Олега! Миг – и на блюде возникло новое изображение. Участковый нахмурил тёмно-русые брови и стиснул в кулаке яблоко, приготовленное для замены.

Москвич шёл пешком. Положим, это не удивительно, Лексус-то в ремонте. Но где он шёл! По неблагополучному району Головина, вот где! Ошибка исключена: шлакоблочные коробки домов, мало машин, много мусора. Приметная вывеска ларька с вырезанным из гипсокартона раком с пивной кружкой в клешне. Ну и что здесь понадобилось столичному мажору? Да и двигался он подозрительно: торопливо, косясь по сторонам, брезгливо кривя свежесвыбритую рожу...

Картинка растаяла. Егор прикинул, кого вызвать следующим.

– Миха Новосельцев.

Ну хоть тут без сюрпризов. Блюдо показало опорник и прикрепленный к стене информационный стенд, увешанный агитками и плакатами («Гражданин, помни! За коррупцию расплачивается каждый!»). Коллега-участковый записывал в прозрачный карман новый листок, с приказом провести инструктаж среди населения на тему опасности шагового напряжения («Что делать, если электрический провод упал на грунт? Покиньте опасную зону приставным шагом. Отсутствие расстояния между ногами – залог вашей безопасности»). Справившись с листком, Миха отступил назад и почесал облупленный нос, любуясь результатом. Затем достал из кителя смартфон, отвечая на неслышный звонок. Егор хотел произнести очередное имя, но передумал: Миха прижимал к оттопыренному уху не что-нибудь, а айфон последней модели. Зарплаты у них были одинаковые, богатой родни у Новосельцева не имелось. Откуда, спрашивается, дорогая игрушка?

Подозреваемые закончились. Но блюдо пока работало, и Егор принялся перечислять всех подряд.

– Покажи мне Тимура.

Друг обнаружился в любимой закусочной, где готовили очень недурные чебуреки. На заднем плане виднелась стойка, за ней – пожилая хозяйка с химической завивкой, крашеной рыжей хной. Рядом висело объявление: «Временно к оплате принимаются только наличные! Банковские карты не принимаем!». Это «временно» тянулось с тех самых пор, как

Одинцов впервые переступил порог заведения.

Тимур отдыхал за столиком в углу, потягивая пиво и таская из тарелки солёный арахис. В закусочную заглянула незнакомка в светлом брючном костюме, с высоким конским хвостом на голове. Судя по нервозности, с какой девушка прижимала сумочку к животу, к числу завсегдатаев она не принадлежала. Наверное, надеялась выпить кофе и теперь раздумывала, остаться или поискать заведение почище. Тимур оживился, напомним служебную овчарку в аэропорту, учуявшую в чемодане подозрительный запах. Пошевелил губами, произнося беззвучную фразу, отодвинул соседний стул. И девушка села! По-прежнему цепляясь за сумочку, опасливо сжимая колени, но всё-таки села!

От Тимура восхищённый мастерством друга Егор (вот жук!) перешёл к сказочному денежному мешку – царю Гороху. Старый сморчок, раздетый до просторных, провисших на тощих бёдрах трусов, валялся на кровати среди груды подушек. К нему на четвереньках, по-кошачьи выгнув спину, подкрадывалась обнажённая Василиса Прекрасная. Своё второе имя девица получила не зря, ой не зря... Она игриво переставила руку с нежной ямочкой возле локтя, подтянула колено, и обзор заслонила шикарная попка в форме перевёрнутого сердечка. Егор увлечённо засопел, за что заработал подзатыльник от Бабы Яги.

– Делом займись, стыдоба!

– Покажи мне Алёнушку! Ту, которая официантка, из

«Аленького цветочка».

За угодившую в переплёт дурочку он беспокоился все-рьёз. Легко сказать: спрячься. А как это сделать, если у тебя трое детей? Да, она наломала дров. Но этого бы не случилось, если бы бессовестные твари не подсунули отчаявшейся женщине грабительский договор.

Алёнушка оказалась ещё глупей, чем он предполагал... Не сидела в убежище, запершись на все замки, а шаталась по продуктовому магазину. Нижнюю половину её лица скрывал поднятый воротник куртки, верхнюю – солнечные очки и накиннутый на голову шифоновый платок. Алёнушка остановилась напротив отдела со сладостями и потянулась к шоколадным эклерам в прозрачной коробке. Нет, некоторых жизнь ничему не учит...

– А теперь покажи ту, которая танцовщица.

Судя по перекошенному лицу и вздувшимся на шее венам, другая Алёна орала как оглашенная, по-другому не назовёшь. Звук тарелочка не передавала, но отдельные непечатные слова без проблем читались по губам. Из-за границы обзора прилетело смятое в комок шмотье. Девушка не растерялась и швырнула в ответ хрустальную пепельницу с толстым дном. Ага, понятно. Проснулся сожитель, обсуждают семейные дела.

– Кощей.

Один из негласных лидеров общины читал газету, причём английскую. Кажется, биржевые сводки: в глаза бросилась

длинная колонка цифр. Перелистнул разворот, сделал неторопливый глоток из кофейной чашки. И вдруг вскинул голову, будто услышал посторонний звук. Опустив газету, Кощей взглянул прямо на Егора, глаза в глаза. Приподнял белёсую бровь и щёлкнул пальцами, разрывая связь. Ого, силён...

Так, кто там остался?

– Баюн.

Одинцова настораживало, что болтливый пижон слишком охотно набивался в помощники. Искреннее желание помочь встречалось в жизни слишком редко, чтобы всерьёз принимать его в расчет.

Баюн спал, уткнувшись носом в подушку. Даже так: дрых без задних ног, не раздевшись и не разувшись, закапав наволочку слюной. Рядом с кроватью темнел силуэт гитары, приклонённой грифом к стене. Было истинным чудом, что загулявший пижон добрался до постели, а не рухнул где-нибудь на подходе.

В голове крутилось ещё одно имя, но зачем ему знать, чем занимается этот фольк? Какими такими неотложными делами?.. И всё же он тихо произнёс:

– Василиса Премудрая.

В круглом провале начало формироваться изображение. Егор рывком отвернулся. Не стоит о ней вспоминать, незачем. Надо идти работать, выполнять общественный долг. Не выдержал, посмотрел.

Василиса собирала браслет из серебряной проволоки и

бутылочно-зелёных бусин. Рядом лежали инструменты – щипчики, плоскогубцы. Стекланный шарик соскользнул с основы, подпрыгнул, ударившись о столешницу, и исчез из кадра. Девушка даже не попыталась его поймать. Так и сидела, уставясь невидящим взглядом на недоделанную заготовку.

– Хватит! – крикнул Одинцов.

Высохшее до состояния сухофрукта яблоко остановило бег. На место всевидящего ока вернулось фарфоровое дно, отразившее растянутое лицо участкового. Рисунки и надписи пропали, единственным украшением блюда осталась голубая кайма по ободку.

– Что будешь делать, внучек? – Яга Ягинишна прервала затянувшуюся паузу, с кряхтением поднимаясь с лавки.

– Думать, – рассеянно ответил Егор. Собрался с мыслями, потёр лоб. – Первым делом надо узнать, где труп.

– Об ентом мы с Лешим покумекаем, не переживай. Возвращайся домой, отдохни. Утро вечера мудреней.

– Нет, домой рано...

Егор прикусил губу, покрывшуюся сухой коркой, – была у него такая дурная привычка. По-хорошему, допрос лучше начинать с Тугарина Змея. Складывалось впечатление, что бизнесмен-деревообработчик долго на одном месте не сидел, и в следующий раз подловить его в офисе будет затруднительно. А вот график Михи Новосельцева узнать не проблема. С другой стороны, участковый работает ногами.

Упрётся по заявке, ищи его потом по всем проблемным адресам. Но кое-что ещё не давало Егору покоя...

– Мне кажется, ваша девушка из клуба, Алёна, чего-то не договаривает. Я хочу снова её допросить.

– Будь по-твоему.

Баба Яга бухнула клюкой. В глазах потемнело. Но не успел Одинцов жалобно вякнуть «Что происходит?», как осознал, что стоит в тени киоска, где продавались билеты на чёртово колесо. И не в чунях и безрукавке, а совершенно сухих ботинках и чистых джинсах. Только правая ладонь жирно маслялась, напоминая о бабушкином угощенье.

– Дела-а-а... – прошептал Одинцов и с опаской высунулся из-за угла. Всё в порядке: музыка играет, дети носятся, обратной не видать.

К свидетельнице пришлось тащиться на общественном транспорте, к тому же с пересадкой, прождав на остановке не меньше четверти часа. Ещё через двадцать минут показалась конечная, но, немного не доехав, автобус как на зло застрял на повороте. Егор, перебравшийся на подножку и приготовившийся выходить, непонимающе уставился на зелёный светофор. Разгадкой стал сигнал скорой помощи – водители в Верхне-Волчанске врачей уважали. Белая газель с красным крестом промчалась по свободной полосе и свернула на улицу Семашко, куда нацелился и сам участковый. Сердце кольнуло нехорошее предчувствие, усилившееся, ко-

гда в тягостное завывание скорой влилось деловитое «Уи-уи-уи» полицейских машин.

– Выпусти, а? Очень надо!

Тревога явно проступила на лице Егора, потому что водитель нажал кнопку, распахнув переднюю дверь. Одинцов спрыгнул с подножки и припустил вслед за машинами, едва не угодив под колёса тронувшегося с места встречного потока.

У подъезда Алёниного дома было пусто. Участковый с облегчением выдохнул, коря себя за напрасную панику, и перешёл на шаг, не желая привлекать внимание коллег. Мало ли куда направляется скорая. Тут такой район, пенсионеров полно, да и редкий день обходится без драки. Но не успел он набрать номер на домофоне, как мимо промчалась ватага пацанят уличного вида. Вожак обернулся к друзьям, выпалив на ходу:

– Да быстрее, говорю, там настоящий трупешник! Тёлка выпала из окна!

На веснушчатой физиономии отразился неподдельный восторг. Лицо Егора же окаменело, мысли спутались, а ноги, словно чужие, развернули и понесли тело за угол брежневки, сложенной из квадратных железобетонных панелей.

К оцеплению на обратной стороне дома, куда выходили балконы большинства квартир, подтягивались зеваки. На чахлом газоне припарковалась скорая, пропахав в рыхлом грунте две колеи. Врачи с грохотом вытаскивали и расклады-

вали носилки. Сотрудники следственно-оперативной группы стояли чуть в стороне, задрав головы и придерживая фуражки на затылке, чтобы те не сползли. Егор проследил за их взглядом, но увидел только кроны высаженных перед домом деревьев, безмятежно шелестевшие листвою. Собравшиеся словно чего-то ожидали. Только фотограф в белом балахоне выискивал в траве следы, взяв на изготовку громоздкий фотоаппарат с кольцевой вспышкой.

Возле оградительной ленты, перед площадкой с мусорными контейнерами обнаружился участковый Головин – коренастый дядька за пятьдесят с воинственно топорщившейся щёткой усов. Он тоже пялился в небо и время от времени качал головой. Никакого «выпавшего из окна» тела видно не было. Врачи озадаченно замерли у носилок. Может, квартиру ограбили? Тогда зачем скорая и два патруля?

Головин скользнул по Егору рассеянным взглядом.

– Здравствуй, Пал Саныч.

– И тебе не хворать. А нам сказали, ты на курсах.

– Да там не полный день, много материала для самостоятельного изучения, – соврал Егор и поспешил переключиться на менее щекотливую тему. – Опять тебе покоя не дают?

– Итить их за ногу, – согласился Головин, трогая усы и крепче прижимая папку, с которой обыкновенно ходил по району. – Когда уже перепьются наконец, сделают облегчение...

От группы полицейских отделилась женщина в формен-

ной юбке. Кажется, дознаватель, Егор смутно помнил её в лицо. Она его тоже, потому что кивнула в знак приветствия и вытащила блокнот. Но Головин опередил её вопросом:

– Спускать-то как будем? Может, за лестницей в ЖЭК по-слать?

– Пожарных вызвали.

– А-а-а, ну хорошо.

«Спускать?» Егор трясущейся рукой нырнул в карман за мобильным. Камера навелась на пышный старый клён. Среди тёмно-зелёной листвы виднелось что-то яркое, похожее на скрученный в рулон и сложенный пополам ковёр. Стараясь унять предательскую дрожь, Егор приблизил изображение. Колени обмякли, он пошатнулся, из-за чего Головин, сочувственно крикнув, похлопал его по плечу. Среди ветвей застрял изломанный труп свидетельницы Алёны. Девушка повисла вверх ногами. Волосы болтались мокрой паклей. Цветастый халат задрался на животе, обнажив покрытое ссадинами тело. Под воздействием силы тяжести вся кровь стекла к голове, и теперь та выглядела как мятый красно-багровый шар. За исключением щеки, где кожа собралась складками, но при этом оставалась до странного белой. Егор увеличил кадр, насколько позволял телефон. Это прилип... как его... патч, кусок тряпки, пропитанный кремом. Светка накладывала похожие для красоты и жутко бесилась, если её заставляли за этим делом.

– Как это... – выдавил Егор чужим голосом, хриплым и

сухим.

– Самому интересно. Видать, чем-то закинулся и взбесился. А я предупреждал: гони его в шею, дура, добром не кончится... Эх...

– Давайте ещё раз, сожитель покойной и раньше проявлял агрессию, – дознаватель продолжила начатый до прихода Егора разговор, делая пометку в блокноте.

– Проявлял, сволочь такая. С работы его уволили, мать с отцом выперли из дома, чтобы братьев не портил. – Головин указал папкой на соседнюю пятиэтажку, в окнах которой маячили любопытные лица. Кто-то даже распахнул створки настежь и высунулся наружу, чтобы ничего не упустить. – У них с Алёной вечно драки были, мат-перемат. Она, дура, жаловалась, а заявление не подавала.

Дознаватель задавала уточняющие вопросы, коллега обстоятельно отвечал, а Егор то разевал, то захлопывал рот, не решаясь сказать, что в обед Алёне кто-то звонил и напрашивался на встречу. Как объяснить, откуда взялась информация? С чего Егору приходиться к покойной в гости? Ещё повезло, что не попался соседям на глаза. А то мигом угодил бы из коллег в подозреваемые... Утешала мысль, что входящие и исходящие звонки жертвы обязательно проверят. Хотя, судя по подслушанной в коридоре фразе «У тебя новый номер? А то не определился», убийца это тоже понимал и заранее подстраховался.

Или прав Головин, и Алёнин хахаль в приступе гнева убил

сожительницу? Сколько похожих дел покоится в архиве? Не перечать. Нет! Чтобы швырнуть человека с балкона на дерево, надо обладать нереальной силой. Жестокость убийства перекликалась с тем, что случилось на Молодёжной. Вот только новая кровь навсегда останется на совести Егора...

Единственный результат расследования – очередной труп. Егор подвёл и фольков, и коллег, и бестолковую Алёну, из которой так и не решился вытрясти правду. А ведь это наверняка спасло бы ей жизнь. А он... На душе стало погано, словами не передать. Вспомнилось утреннее желание напиться. Одинцов сунул руки в карманы и направился по известному маршруту в закусочную «Надежда». Увлечённые беседой коллеги не обратили внимания на его уход.

Вечером буднего дня в «Надежде» оказалось на удивление пусто. Была она чем-то средним между кафе, рюмочной и убогой бильярдной на пару столов. В углу сам с собой гонял шары один из постоянных посетителей, с которым Тимур частенько цапался по пьяни. Мужик бросил на участкового сердитый взгляд, рефлекторно потрогал челюсть и отхлебнул из кружки, пристроенной на вытертом зелёном сукне. Сам Тимур куда-то умотал. За стойкой несла бессменную вахту тётя Надя, полноватая, но не рыхлая, а плотно сбитая, с обветренными руками бывалого боцмана и мелкими химическими кудрями. Когда грузчики уходили в запой, она сама таскала ящики с продуктами и алкоголем. Пользуясь пе-

рерывом, тётъ Надя разгадывала кроссворд. На вошедшего Егора покосилась с неодобрением. Видать, Тимур опять чего-то натворил.

– Здравствуйте, а...

– Ушёл и сегодня не вернётся, – буркнула хозяйка, опустив глаза в журнал.

Егор взгромоздился на табурет и скрестил руки на столешнице, до блеска отполированной локтями завсегдатаев. Из него как будто выпустили воздух, тело сгорбилось и обмякло. Он уставился на стопку картонных подставок для бокалов, не в силах пошевелиться. Тётъ Надя принялась вполголоса ругать пропащую молодёжь, но разглядев угрюмое, непривычно осунувшееся лицо, осеклась. Полезла в шкаф, достала бутылку без этикетки, зубами выдернула пробковую затычку. Плеснула в рюмку жёлтую жидкость, от которой ощутимо несло яблочной брагой.

– Не надо, – с досадой отказался Одинцов. Если честно, он был не против. Но деньги на карте были отложены на обязательные расходы. А в кошельке осталась лишь мелочь, какую и пересчитывать на людях стыдно.

– Это домашний кальвадос, сама делала, – также хмуро обронила тётъ Надя, придвигая угощенье.

Егор хмыкнул, откинул голову и залпом опустошил рюмку. Стукнул доньшком о стойку, таращась в стену перед собой. Алкоголь пошёл легко, прокатив по пищеводу яблочное тепло.

Светка называла закусочную «рыгаловкой». В чём-то она была права. Всё меню заведения умещалось на половине листа а-четыре и не менялось со дня основания. Помещение было маленьким, интерьер – неказистым. Стены обклеивали дешёвые панели с рисунком «под кирпич», на полу лежала столовского вида коричневая плитка, а вместо скатертей использовалась более практичная клеёнка. Зато здесь имелась своя атмосфера. Всё потому, что тётка Надя, вопреки внешности прожжённой торговки из мясных рядов, любила блюз. Иногда в закусочную приходил её муж, сморщенный, рано постаревший дядька без половины зубов. Притаскивал гитару, такую же облезлую, как он сам, употреблял сто грамм и выдавал такое... Даже у Егора, любившего совсем другую музыку, в груди что-то перекатывалось и сжималось.

Вот и сейчас по убогому, пропитанному запахом нечищеного фритюра гадюшнику плыл хриплый голос Тома Уэйтса. Музыка царапала душу наждачной бумагой. Появились посетители, забравшие со стойки блюдо с чебуреками. Чья-то рука с толстыми пальцами прихватила вилку, ножик и пачку салфеток – тётка Надя клиентуру сервисом не баловала. Лишь рюмка с домашним пойлом пустела и вновь наполнялась, будто по волшебству. Голова участкового склонилась на грудь. Том Уэйтс затянул песню «Элис», будто специально созданную для того, чтобы грустным мужикам было подо что надираться в баре.

Закусочную заполнял народ, становилось тесно и ожив-

лённо. Кто делился новостями, кто чпокал крышкой пивной бутылки, кто терзал чебурек, стараясь не закапать одежду. Разговоры и звяканье посуды слились в монотонный гул. Егор пил, слушал музыку и пялился в стену, потеряв счет времени и рюмкам. Иногда тётя Надя отгоняла слишком общительных гостей, желавших растормошить угрюмого парня. Трудно сказать, переживала она за сохранность бара или прониклась сочувствием к его убитому виду, но за весь вечер Одинцова никто не побеспокоил.

На улице стемнело. Посетители расплачивались и уходили, стихли гомон и стук шаров. За дверью мелькнуло небо в россыпи звёзд. Стены и пол плавно покачивались, намекая, что Одинцов незаметно для себя убрался в совершеннейшее говно. Домой не хотелось. Там было пусто, там холодно и грязно, там опять нечего жрать. Но больше идти было некуда.

Кажется, он задремал. Окружающие звуки исчезли, остался лишь хриплый голос певца, просочившийся в душу и вывернувший её на изнанку.

– Просыпайся! Или мне до утра тебя сторожить? – Тётя Надя потрясла его за плечо. Егор вскинул голову, задев локтем пустую рюмку. Та упала и покатилась, размазывая по стойке мокрый отпечаток. Основной свет погас, горела только лампа у входа. Закусочная опустела. Стулья были перевёрнуты ножками кверху и закинута на столы, плитка на полу влажно поблескивала. Хозяйка успела не только выпрово-

дить последних забулдыг, но и прибраться перед закрытием. Вопреки грубому тону, в её взгляде читалось беспокойство. Егор разозлился. Не надо его жалеть, одна уже пожалела!

– Сам доберёшься? Или вызвать такси?

– Дойду, я в порядке, – процедил Одинцов, неуклюже скачиваясь с высокого табурета.

На счет «в порядке» он, конечно, загнул. В ушах шумело, перед глазами плыло, заплетающиеся ноги слушались плохо. Со второй попытки Егор вписался в дверной проём и вывалился в холодную ночь. Свежий воздух не принёс облегчения, из чего следовало, что кальвадос оказался оборотистым, но паршивым. Ссутулившись и вжав голову в плечи, Одинцов поплёлся домой.

Он прошёл по подземному переходу, где звук шагов отражался тусклым эхом от стен. Пересёк мост через Кеть, нахохлившись, когда его полоснуло ветром. Двинулся вдоль домов, чередующихся с промозглыми провалами переулков. Вдоль светящихся окон и витрин, мимо поздних прохожих, которым не было никакого дела до Егора. Болела голова. Жёлтые конусы фонарей сменялись длинными отрезками неосвещенной дороги, и его фигура в светло-бежевой рубашке то отчетливо выступала на фоне кирпичной кладки, то вновь исчезала в темноте.

На площадке первого этажа опять перегорела лампочка. Егор из последних сил добрёл до двери и полез в карман за ключами. Но те выскользнули из одеревенелых пальцев,

брякнув о бетон. Да что ж всё через жопу! Егор плюхнулся на колени и принялся шарить по грязному полу руками.

– Давай помогу.

Вспыхнул экран мобильного, поймав подлые ключи в прямоугольник света. Одинцов прихлопнул их ладонью, словно те могли ускакать, и с запоздалым любопытством поднял голову... Со ступенек лестницы, ведущей на второй этаж, поднялась Василиса.

– Я уже начала волноваться!

Девушка сунулась помогать. Пьяное удивление переросло в злость.

– Ты что здесь делаешь? – охрипшим голосом поинтересовался Егор, пресекая попытки поддержать себя за локоть.

– Тебя жду.

– Дождалась? – Он выпрямился, ухватившись за дверной косяк, и ткнул ключами мимо замочной скважины.

– Как видишь.

– Так уходи.

Как он устал от этих игр в кошки-мышки... Светка была такой же. То ластилась и сюсюкала, то смотрела как на побитого пса, свернувшегося на картонке у магазина. И вроде пора привыкнуть, а всё равно больно. Хватит с него. Он хочет раздеться, рухнуть на кровать и хотя бы на одну ночь забыть обо всём. Обо всех. Справившись с дверью, Егор наконец-то попал в квартиру и нащупал выключатель. Лампочка под пыльным плафоном показалась нестерпимо яркой. Он

стукнул по кнопке, промазал и ударил ещё. В темноте стало полегче.

– Прости! – Непрошенная гостья сунулась следом. Чертовски хотелось схватить девчонку в охапку и выставить за дверь, но Егор едва держался на ногах.

– Ну чего тебе от меня надо? – Он обернулся с обречённым видом.

Вместо ответа Василиса качнулась навстречу, закинула руки ему на шею и прижалась лицом к груди. Пружина, сжавшаяся внутри, ослабела и задвигалась, высвобождая какой-то заслон. Одинцов осторожно опустил ладони девушке на плечи. Помедлив, притронулся губами к пахнущей травами макушке. Василиса вздрогнула, но не отодвинулась, а прильнула тесней. Пушистые пряди, выбившиеся из косы, пощекотали подбородок. Девушка привстала на цыпочки, подставляя для поцелуев лоб, щёки, очаровательный носик... Приоткрытый рот... Только бы опять не наделать глупостей, не испортить момент, не спугнуть... Пальцы нежно гладили девичью спину, чувствуя сквозь одежду острые лопатки и хрупкие бусины позвонков.

– Тебе надо выспаться, – ласково прошептала Василиса, перехватывая руку, опустившуюся непозволительно низко. – Иди умойся, я всё приготовлю.

В ванной Егор ополоснул пылающее лицо. Почистил зубы, мучаясь от стыда за запах тётъ Надиного пойла. Насухо вытерся полотенцем. Глянул в зеркало: отражение перекосило

от дурацкой широченной улыбки. Внезапно она потускнела. А что, если он вернётся в комнату и обнаружит, что гости и след простыл? Как утром, без объяснений? Но Василиса, успевшая перестелить бельё, уютно свернулась под одеялом. Егор занырнул в тепло, с блаженным вздохом растянувшись во весь диван. Девушка придвинулась ближе, устроилась у него на плече и принялась водить пальчиком от груди к животу.

– Почему ты ушла? – спросил он, разглядывая полоску света на потолке, пробившуюся сквозь неплотно сдвинутые шторы.

– Не знаю... Когда я увидела тебя с твоей бывшей, мне показалось, что это правильно... А быть со мной – неправильно. Ведь мы...

Она не договорила, но Егор понял. Ведь мы из разных миров.

– А почему вернулась?

Василиса приподняла голову, уперев подбородок в ладонь. В полумраке глаза её отсвечивали колдовским изумрудом.

– Потому что слишком поздно.

Глава 11. Сладкие булочки и свежие сплетни

24 августа 2012 г. Пятница, десять утра.

Утром Егор проснулся первым и некоторое время лежал, любуясь посапывающей Василисой. Состояние было странное: телу паршиво с перепоя, а на душе поют соловьи. Ничего такого он себе не позволил и вообще сразу отрубился. Так откуда взялось ощущение чистейшего, всепоглощающего счастья? Он аккуратно, не желая разбудить девушку, освободился из объятий и переложил руку Василисы на подушку. Сел на краю дивана, свесив ноги. Откинул со лба мешающую чёлку, потёр лицо. От намертво приклеившейся улыбки ныли щёки.

В дверь постучали. Сперва деликатно, затем настойчиво, кулаком. Василиса распахнула удивительной красоты серо-зелёные глаза и прыснула в ванную. Стук не прекращался, вколачиваясь в голову дюбель-гвоздём. Егор, шёпотом выругавшись, принялся натягивать джинсы, сунув в брючину обе ноги. Разобравшись со штанами и застегнув ширинку, кинулся к двери, мечтая унять ненавистный грохот. Ну и выяснить, кого принесла нелёгкая с утра пораньше.

Нелёгкая принесла Баюна. Кот сменил рубашку на джемпер из тонкой шерсти и горчичного цвета шарф, обмотан-

ный вокруг шеи с небрежной элегантностью денди. На сгибе локтя болтался пахнущий сдобой пакет.

– Ты чего припёрся? – беззлобно поинтересовался участковый. Настроение было слишком хорошим, чтобы раздражаться по пустякам.

– В смысле? Собрал инфу про Бабая, расскажу – закачаешься!

– А телефон для чего? – Одинцов нехотя посторонился, пропуская гостя в квартиру.

– А ты мне его дал? Я булочки принёс! И чашки. – Баюн всучил хозяину пакет и сунул любопытную морду в комнату, заметив недвусмысленный беспорядок. На штаны девичьего размера посмотрел с одобрением, как и на скомканную рубашку, валявшуюся возле дивана.

– Только попробуй что-нибудь вякнуть! – крикнула из ванной Василиса.

Парень изобразил на роже восхищение, показал участковому большой палец и без спроса устремился на кухню.

– Кто хочет чайка?

– Я хочу! – Василиса высунулась из-за двери, придерживая обёрнутое вокруг груди полотенце.

– Начальник?

– Кофе, – обреченно ответил участковый и вернулся в комнату, искать последнюю чистую рубашку.

Табуреток в крохотной кухне на всех не хватило. Егор и Василиса устроились за столом, а переполненный энергией

Кот Баюн, с чашкой чая в одной руке и присыпанной пудрой булочкой в другой, забрался на подоконник.

– Выкладывай, – Егор принялся отхлёбывать кофе маленькими глотками. Всё-таки наблюдательности Коту не занимать. Баюн сопоставил перегарный дух с утренней манерой участкового морщиться от громких звуков и держать голову немного набок. И заварил кофе настолько горячий, густой и крепкий, что ещё чуть-чуть и напиток сгодился бы в качестве ракетного топлива.

Баюн выдержал мхатовскую паузу: прожевал и запил чаем булочку, скрестил длинные ноги в клетчатых штанах, позиящнее перебросил шарф. В общем, насладился моментом. И только когда участковый насупил брови, фальшиво прокашлялся и приступил к рассказу:

– Вчера вечером я провёл небольшое расследование...

Одинцов закатил глаза к потолку.

– Ладно-ладно, походил, поспрашивал про Бабая. И вышел на его кореша по имени Бука. Это единственный фольк, с каким наш друг общался на регулярной основе. То бишь закладывал за воротник. Бука этот продает бэушные запчасти. Снимают их сам понимаешь с каких машин, поэтому прижать его было несложно. Припугнул полицией, он и выложил всё как на духу. Начну с метасказки.

Егор покосился на жующую Василису. Уже и приятелю рассказала про метасказку. Когда успела? Наверное вчера, во время встречи у магазина. А уж из Баюна известно какой

конфидент: теперь, поди, весь город знает. Хоть, блин, сувенирные футболки продавай... Девушка в ответ на укоризненный взгляд перегнулась через стол и чмокнула участкового в кончик носа.

Вот как к этому привыкнуть? Красивая и неглупая девушка взяла и ворвалась в одинокую холостяцкую жизнь. И теперь целует его, когда захочет, на глазах у ухмыляющегося трепла. А Егор и сам может запустить ладонь под тонкую ткань футболки, погладить бархатистую кожу, наклониться и накрыть её тёплые губы своими... В памяти всплыло признание Василисы. Не сами слова, а некий абстрактный образ. В мозгу словно вспыхнул белый светящийся шар, растущий и вытесняющий прочие мысли. Но бодрый голос Баюна вовремя вернул его к реальности.

– Оказывается, с этой сраной метасказкой Бабай носится целый год! И Буке на уши приседает...

– Глаголы ставь в прошедшее время, – поправил рассказчика участковый. Баюн замер, обдумывая комментарий.

– Он чего, помер?

– Нет, блин, хочу тебя по грамматике погонять. Я видел труп Бабая через артефакт.

Егор пересказал содержание записки, найденной у архивариуса, и описал картину, продемонстрированную волшебной тарелкой. О том, как подсматривал за другими подозреваемыми, пока умолчал.

Известие явно огорошило собеседников. Баюн отшатнул-

ся, долбанувшись затылком о раму, и округлил глаза.

– Ладно, теперь моя очередь делиться информацией. Потом будем думать.

Приехали. «Будем», а не «будешь». Можно только диву даваться, как ловко эта парочка объявила себя участниками следствия. И даже не поинтересовалась его мнением по данному вопросу. Завтрак всё больше напоминал планёрку в отделении, но вместо нормальных полицейских в штате числились... Лучше эту тему не поднимать.

– ...на чём я остановился?

– Метасказка, – напомнила Василиса.

– Точно, метасказка. Алёна верно заметила, у Бабая с деньгами туго. Было...

Услышав имя убитой, участковый помрачнел. Но не решился прервать рассказ, чтобы объявить ещё одну трагическую новость.

– Постоянной работы он не имел. То грузчиком подхалтурит, то объявления расклеит, то дрова в Знаменке возьмётся колоть. Год назад устроился в ломбард, подменять хозяина по выходным. Вот после этого про метасказку и заговорил. Мол, нашёл в подсобке старинный дневник какого-то колдуна. И в нём написано, что в славянском фольклоре спрятаны фрагменты некой волшебной сказки. Эти куски надо собрать и расставить по порядку.

– Бука видел этот дневник?

– Нет, Бабай хотел его выкупить, да денег вечно не хва-

тало. На работе читал. Хозяин пригрозил: если имущество начнёт пропадать, он на Бабая заявит, потому как в лавке их всего двое.

– Предположим... – Сладкая булочка лишь раззадорила аппетит. Егор, развернувшись на табурете, дотянулся до холодильника. Из приоткрытой дверцы дохнуло кислятиной и морозом. Полки были пусты, не считая плоского тубика горчицы, одинокой луковицы и банки сметаны. Должно быть, последняя и являлась источником неприятного запаха. – Предположим, Бабай собрал бы фрагменты. А дальше что?

Пижон неопределённо покрутил белыми от пудры пальцами.

– Ничего конкретного Бабай не говорил. Мол, соберёт метасказку и станет ого-го кем. Ну и про старого друга не забудет. Бука слушал, кивал, а сам думал, что у мужика совсем крыша потекла. Бабай всегда был со странностями. В последнюю встречу хвастался, что собрал одиннадцать фрагментов из тринадцати.

– Почему из тринадцати? – уточнил Одинцов.

– Да чёрт его знает. Там и тринадцатая глава «Апокалипсиса», и тринадцать злых духов из «Каббалы», и ещё кого-то тринадцать...

– ...друзей Оушена, – подсказала Василиса.

– Вариант. Поди угадай, какой бред психу в душу западёт. Кстати, в ломбард я тоже заглянул. Бабай упрашивал

хозяина не продавать дневник, говорил, что отработает. Но этой макулатурой и так никто не интересовался. Когда Бабай перестал появляться на работе, хозяин решил избавиться от неликвида. Прочитал объявление в газете, собрал старые книжки-тетрадки и отнёс их...

– ...в архив администрации, – догадался Егор. Вот, что значила буква «Л» на коробке! – А когда Бабай перестал выходить на работу?

– Неделю назад, после зарплаты. Но мужик он ненадёжный, запойный. Хозяин и не подумал беспокоиться.

– А как тебе Бука? Мог хлопнуть дружка, а нам соврать, что не поверил в метасказку?

Баюн скорчил скептическую физиономию и почесал тыльную сторону шеи, нырнув ладонью под шарф.

– В принципе, мог. Но у него алиби, вчера вернулся из отпуска в Египте. Показал билеты и бронь.

Отставив чашку, участковый потёр щетину на подбородке. С виду безалаберный щёголь Баюн проделал отличную работу. Значит, Бабай собрал одиннадцать фрагментов. Это что, за год – одиннадцать вырезанных семей? Да ещё как вырезанных – ту квартиру сослуживцы без дрожи не вспоминают. И все в Верхне-Волчанске? Подобного всплеска мажоральности в городе не наблюдалось. Конечно, не все знатоки фольклора жили семьями, кто-то куковал в одиночку. Но в любом случае, убийство в тихой провинциальной дыре не осталось бы незамеченным. Может, раньше Бабай действо-

вал осторожней и прятал тела? Надо проверить список пропавших. Или он гастролировал по стране?

– Ты не в курсе, какими способностями обладал Бабай? Как фольк?

– Не уверен на сто процентов, но вроде он умеет... умел управлять снами и прятаться на виду, сливаясь с тенью. – Баюн покачал скрещенными ногами, отстукивая пятками по батарее неровный ритм. – Ещё, если верить Буке, у него недавно прорезалась новая способность. С древними фольками такое бывает, что-то вроде награды за выслугу лет. А Бабай зародился аж в тюркском фольклоре. Теперь он может... мог перемещаться в спальни в радиусе пары километров, если их хозяйева, обязательно дети, долго ночевали на одном месте.

– Он применял насилие ради сбора фрагментов?

– Если кого и шлёпнул, Буке не рассказал. А ты веришь в хрень про метасказку? Ерунда какая-то.

Участковый пожал плечами, давая понять, что придерживается схожих взглядов.

– Ну, что-то осмысленное собрать вполне реально, – заметила Василиса, подливая в чашку кипятков. – Я читала работы Майи Георгиевны. В фольклоре часто встречаются общие мотивы, у Проппа – функции. Герой покидает дом или обретает волшебный предмет, три брата решают трудную задачу. Таких солянок можно сколько угодно наклепать, но вряд ли одна из них позволит переписать реальность.

– Не важно, правда это или нет. Главное, что Бабай в это верил. И кто-то ещё...

Участковый погрузился в раздумья. Остальные притихли, не желая мешать мыслительному процессу. Интересно, что бы произошло, если бы Бабай завершил дело? Если верить Бабе Яге, рехнулся бы окончательно, убедившись, что мечта оказалась пустышкой. И тихо повесился на люстре, избавив полицию от многих проблем. Или придумал дополнительные условия, позволяющие продолжать великое дело. Например, что фрагментов должно быть пятнадцать, или что их надо прочесть задом наперёд при свете полной луны на изломе високосного года.

Согласно показаниям Буки, Бабай собрал одиннадцать фрагментов метасказки. При этом предположительно, пока только предположительно, обойдясь без крови. На двенадцатом что-то пошло не так... Нет, неправильно. К двенадцатому фрагменту Бабая уже кушали черви, но кто-то другой продолжил изыскания вместо него. Кто-то очень жестокий. Выходит, Бабай выболтал идею-фикс кому-то кроме Буки. И этот кто-то, в отличие от торговца запчастями, в историю поверил... А значит, искать надо среди знакомых Бабая. В той точке, где круг общения шизофреника пересечётся со Старым Филином и танцовщицей Алёной, найдутся ответы на многие вопросы.

Что, кстати, возвращало к мыслям о Тугарине Змее. Да и о Тимуре, хоть об этом думать и не хотелось. Чисто теорети-

чески, с Бабаем мог познакомиться любой из них. Конечно, где успешный делец Тугарин Змей, а где рехнувшийся алко-голик, работающий в ломбарде, но... Бизнесменам положено мыслить масштабно. Вдруг в полубезумным трёпе мелькнуло нечто интересное? В историю с Тимуром верилось хуже. Если бы шизик пристал к приятелю с подобной ахинеей, то мигом получил бы в табло. Зато у Тимура хватало дури на любую авантюру...

Нет, опять не так. На рисунке Ксюши определённо был Бабай! Это он прятался под кроватью, он пытался вытянуть из ребёнка сведения про метасказку. И в то же время его клевали вороны на пустыре... Бред. Егор пригладил волосы пятернёй, убрав лезущую в глаза чёлку. Ладно, надо просто копать дальше, пока ситуация не разъяснится.

– Ты выяснил, где жил Бабай?

Баюн расправился со второй булочкой и облизал липкие пальцы.

– Где он жил, никто не знает. Бабай был параноиком. Адрес никому не называл, шарахался от незнакомцев, часто менял работу. Только в ломбарде застрял, и то из-за дневника. Когда они с Букой виделись в последний раз, Бабай сказал, что за ним следят. Но тут надо учитывать: до этого он жаловался, что его прослушивают агенты Моссада.

– Почему Моссада?

– Ты меня спрашиваешь?

Участковый хмыкнул. Опорожнив чашку крепкого кофе,

он почувствовал себя значительно лучше. И даже смог безболезненно выпрямить шею.

– Что-нибудь ещё?

Баюн сложил коромыслом подвижный рот. Повернулся, приоткрыл запотевшую оконную створку, впуская на кухню свежий воздух. Вместе с ним ворвалось тарыхтение газели-буханки: в булочную напротив привезли товар. Тявкал соседский терьер, отпущенный побегать в сквере у дома, шумела потревоженная ветром листва. Кот вытащил вейп и задымил, разбавив тающую смесь из кофе и перегара запахом ментола.

– Да нет, вроде всё... Хотя... Не знаю, ерунда, наверное.

– Давай ерунду.

– Бука подозревал, что Бабай влюбился или вроде того.

– Влюбился? – Егор вскинул брови, собрав гармошкой высокий лоб. Эта новость как-то не сочеталась с образом Бабая, одинокого нездорового социопата. – Когда? В кого?

– Знал бы в кого – так бы и сказал. Когда... В середине лета. Прикупил одежды, хотя до этого десять лет в одном старье ходил. Начал за собой следить, бриться-мыться. Однажды Бука видел его с цветами.

– И как, страсть оказалась взаимной?

– Вряд ли. Бабай женщин боялся, с одними стриптизёршами говорил, да и то с трудом. Так, ходил, вздыхал.

«Интересно...» – мысленно протянул Егор. Перед смертью Алёна сказала, что последний раз Бабай приходил

в июне, а потом пропал. Что косвенно подтверждало информацию о появлении сердечной зазнобы. Зажужжал поставленный на виброрежим мобильный. Да уж, на редкость оживлённое утро...

– Одинцов. Слушаю.

В трубке проскрежетал знакомый голос, назвавший участкового «внучком» и «милком». Баба Яга сообщила, что сейчас прибудет посланец Лешего и бросила трубку.

Одновременно с этим на подоконник спикировал голубь, сизый с белым воротничком. Прокурлыкал, размял крылья и вдруг долбанул клювом в стекло. Баюн вздрогнул, поперхнувшись дымом от вейпа.

– Это от Лешего, – сообразил Егор. Кот распахнул створку пошире, впуская птицу.

– Быстро он справился, – обрадовалась Василиса. – Надо найти машину. Не на такси же за трупом ехать.

– А вы, ребята, не скучаете... – Баюн проследил за голубем, перепорхнувшим с подоконника на подвесной шкаф. Забившись под потолок, птица склонила голову набок и принялась рассматривать компанию круглым немигающим глазом.

– У тебя есть машина? – спросил Егор у Баюна.

– Дай мне двадцать минут и будет. Конкретные пожелания? Или главное, чтобы багажник большой?

Участковый торопливо отказался от предложения. Ехать чёрте куда за трупом – и без того сомнительная идея. А уж

делать это на угнанной тачке...

Может, выпросить служебный автомобиль у начальника технического обеспечения? Нет, гору бумаг придётся оформлять, да и не дадут. Кулмагамбетов УАЗиком тоже не поделится, у него сейчас работы невпроворот.

Сполоснув в раковине чашку, Егор вышел в коридор и набрал номер Тимура. Абонент недоступен или находится... Ладно, пойдём другим путём. Участковый нажал на иконку справочника, промотал список телефонов и нашёл закусочную «Надежда».

– Теть Надь? Это Егор Одинцов, здрасьте. Спасибо, что вчера... Мне тоже... Да, в порядке. Слушайте, а Тимур, случаем, не у вас? Не беспокойтесь, ничего я... Нет... Точно нет... Никаких старых дрожжей, больше не повторится. Передайте ему трубочку, пожалуйста.

Шорохи и потрескивания в трубке сменились голосом друга. К счастью, трезвым.

– Нужна помощь... Твоя машина... Какой криминал, сдурел? С полицейским разговариваешь... Эй, давай без оскорблений при исполнении... Короче, приедешь или нет?.. В смысле, как доберёшься? Опять забрали? Да твою же мать! Ладно, думаешь, я слепой и не знаю, что ты и без прав во всю катаешься?.. Эр-вэ-пэ?.. Расчётное время прибытия, бестолочь. Жду.

Егор сбросил вызов и улыбнулся. Мысль позвать Тимура в качестве владельца транспортного средства была неслучай-

ной. Друг обожал свою развалюху, собранную по кускам в гараже, и ни за что не отдал бы её в чужие руки. А значит, он поедет вместе со всеми и будет у участкового на виду, когда голубь укажет на труп Бабая. Сдержанностью приятель не отличался. Если убийство – его рук дело, Тимур выдаст себя ещё на подъезде, как только сообразит, где заканчивается маршрут. Или при виде того, во что превратилась жертва, провалявшаяся столько дней на пленэре. Выдаст как пить дать. А уж Егор будет очень внимательным...

Участковый вернулся на кухню. Баюн переманил голубя на стол, высыпав крошки из пакета, Василиса мыла посуду. Её тяжёлая, пшеничного цвета коса была уложена венком вокруг головы, открывая нежный изгиб шеи. У основания затылка пушились завитки. Егору захотелось коснуться их губами, а потом повернуть девушку лицом, покрыть поцелуями ключицы, спуститься ниже, пока она будет в шутку отбиваться руками в мыльной пене... Время до приезда Тимура есть... Если бы не чёртов Баюн! Егор бросил на парня недовольный взгляд. Хотя тот, в кои-то веки, был ни в чём не виноват.

– Чего?

– Ничего, – вздохнул участковый. – По дороге надо захватить в заведение Бабы Яги. Нет, не за этим, Баюн, не за этим...

Через полчаса с улицы донёсся гудок. Егор выглянул в окно: у тротуара стояла раздолбанная колымага Тимура. Сам

приятель облокотился о распахнутую дверцу и щурил на солнце вытянутые к вискам глаза. Заметив Егора, сделал приглашающий жест.

– Пошли. А как?.. – Егор заколебался, размышляя, надо ли делиться планами с голубем. Или птица являлась оболочкой для разума Лешего, который сам разберётся? Не придя ни к какому выводу, участковый обратился ко всем сразу:

– Так, едем в клуб, оттуда – за город, следуем за птицей, ищем труп. Всё ясно?

– Так точно! – Баюн с готовностью салютовал, коснувшись пальцами виска.

Егор помедлил.

– А тебе не надо... ну не знаю, на работу?

– Какую работу?

– Проехали. На выход.

Участковый пропустил товарищей вперёд, убедился, что голубь вылетел в окно, и захлопнул входную дверь.

На улице пришлось долго препираться с Тимуром. Несмотря на отсутствие прав, тот наотрез отказался пускать Егора на водительское сиденье. В разговор вмешался Баюн, быстро нарвавшийся на оскорбления. Кот не растерялся и прошёлся по помятому виду друга и его машины, едва не завязав драку. Соблазн отступить в сторону и посмотреть, кто кого, был велик. Но участковый всё же рявкнул на драчунов, рассадив базар-вокзал по местам и разрешив Тимуру рулить на свой страх и риск. Сам устроился спереди, клацнув за-

стёжкой ремня безопасности.

– У тебя сигнал утечки масла горит.

– Он всегда горит. Чего повезём? – буркнул Тимур, разворачиваясь и выезжая из двора на проспект.

– Кое-что по работе, – обтекаемо ответил участковый.

– Учти, я вчера машину помыл.

Сзади издевательски хохотнул Баюн. Тимур приуныл, чуя подвох. Голубь старался держаться в поле зрения, то планируя сбоку над головами прохожих, то обгоняя автомобиль и залетая вперёд. На перекрёстках, пока горел красный, он присаживался на провода, отдыхая и оправляя перья. Следуя намеченному плану, Тимурова развалюха пересекла центр и свернула в малоприметный переулок, кончавшийся тупиком. Остановилась возле небольшого особняка, в девятнадцатом веке принадлежавшего купеческому товариществу, о чём свидетельствовала памятная табличка. Здание привели в порядок, восстановили лепнину, оштукатурили фасад, а вот большие арочные окна варварски заклеили тонировочной плёнкой. Над крыльцом мигала ядовито-розовая светодиодная вывеска «Волшебный восторг». М-да...

– Тимур, Баюн, ждите здесь. Если что-то устроите, я вас лично укуеу на трое суток, ясно?

Дождавшись неохотных кивков, Егор с Василисой вышли из машины.

Почему-то от клуба Бабы Яги Егор ожидал того же разлюли-малинного вида, в каком фольки пытались оформить

отель «Лукоморье». Однако вестибюль оказался завешан зеркалами и портьерами, заставлен вазами, торшерами и пуфиками из красного плюша в стиле «дорого-богато». За стойкой администратора восседала неуместная для претенциозного интерьера персона: рябая, нечёсаная деваха с носом-картошкой и щербинкой на месте переднего зуба. Она щёлкала семечки, сплевывая шелуху в свернутый из газеты кулёк. Завидев гостей, пересыпала семечки в карман и вытерла руку о платье в крупный горох.

– Токма поглазеть али покобелиться? – не здороваясь, поинтересовалась деваха зычным голосом, прокуренным до хрипоты. Глянула на Василису. – В Тулу со своим самоваром не ездют, слышал?

– Марфуша, курвина дочь! Сколько раз те говорено, что с клиентами так не общаются! – Из бархатных, благоухавших парфюмом глубин приковыляла Баба Яга.

– А чё? Чё я сказала-то?

– Ничё! – Баба Яга махнула рукой, смирившись с бестолковостью ассистентки.

– Вот и я говорю ничё! А они чё...

Марфуша продолжала возмущаться, развивая монолог на тему «чё-ничё». Пока не уставилась за спину Одинцова долгим, немигающим взглядом. Егор обернулся: сквозь остекление входных дверей виднелся припаркованный автомобиль. А в нём – характерный для коренных народов Севера профиль Тимура, с приплюснутым носом, заметными скулами

и взъерошенными на затылке чёрными волосами.

– Бабуль, я выйду? – круглые глаза рябой девахи приобрели мечтательное выражение. Взгляд Тимура, обернувшегося к «Волшебному восторгу», напротив, наполнился заметной тревогой. Егору даже показалось, что приятель сейчас не выдержит и газанёт.

– Иди уже! – Баба Яга добралась до стойки и теперь отдыхала, опершись усеянными старческими пятнами ладонями о клюку. Марфушу как ветром сдуло. В машине развернулась беззвучная борьба: Тимур хватался то за руль, то за рычаг передач, а просунувшийся между сидений Баюн шлёпал его по рукам.

– Проблемы с персоналом? – посочувствовала Василиса, пропустив развернувшуюся на улице драму.

– Ой, не говори, деточка! – Заметив просыпавшуюся под стойку шелуху, Яга Ягинишна покачала головой. – Заботишься, деньгу хорошую платишь. А оне на работу не выходят и трубку не берут... А мне-то как? Где смену найти, а? Вы чего приехали-то?

– Алёну вчера убили. Ту, которая работала у вас танцовщицей.

– Слыхала, как же...

– Вас уже допрашивали?

Баба Яга посмотрела на участкового, как на блаженного. Точно. Следователи, поди, забыли, куда пришли.

– Мне необходимо поговорить с кем-нибудь из её коллег.

– Иди, коли надобно. На сцену токма не лезь, шоу не погань. Сами подойдут.

– Хорошо.

Егор отвёл в сторону тяжёлую, щедро надушенную портьеру, отделявшую зал от вестибюля. Василиса направилась за ним, но старуха ловким движением вскинула клюку, перегородив дорогу.

– А ты куда, егоза? Присядь, Расскажи бабушке, как дела.

Одинцов украдкой кивнул, благодаря Ягу за мысль придержать помощницу. Работницы развлекательной индустрии вряд ли захотят отвечать на вопросы чистенькой, энергичной и с виду очень уж правильной Василисы. Большой откровенности можно добиться в приватной беседе.

Однажды Егор уже посещал стрип-клуб, поддавшись на уговоры Тимура. Не проникся. Страсти в развязных красотах было не больше, чем в токаре, вытачивающем на станке стотысячную деталь. Но «Волшебный восторг» вновь его удивил.

В большом зале царили сумрак и тишина, поплёскивал обклеенный серебристыми пайетками шар, обозначавший луну. Вдоль подиума, почему-то лишённого неременного шеста, были расставлены полукруглые диваны с шёлковой обивкой. Зелёные и синие прожектора подсвечивали стелившийся по сцене туман. Но вонь дымо-генератора, знакомая Егору по концертам в верхне-волчанском рок-клубе, отсутствовала. Пахло кальяном и почему-то болотной низиной.

Пьянящий такой душок, какой появляется, когда в разгар цветения багульника долго стоит жара. Вместо бьющей по мозгам электронной музыки играла одинокая дудочка, выводя простой, но приятный мотив. Из-за кулис выплыла стайка девиц в длинных рубахах и венках из камыша на распущенных волосах. Шелестела ткань, в тумане мелькали босые ступни. Под потолком скрипнул механизм, осыпавший подиум дождевой пылью. Рубахи быстро намокли, скульптурно облепив тела. Зрители засопели, а Егор осуждающе поцокал языком и пристроился в уголке.

Стекавший со сцены дым волнами раскатывался по залу. Девицы покачивались и извивались, пока на бледных щеках не появилось подобие румянца. Некоторые подтягивали к коленям подол, подставляя дождю щиколотки и лодыжки, такие белые, что гладкая кожа сияла в полумраке. Откуда-то сверху с натужным скрежетом опустились бутафорские коряги. Не на сцену, а между столиками и диванами, поближе к замороженным клиентам. Слева от участкового кто-то испустил долгий вздох, справа – сглотнул и заёрзал на сиденье.

Танцовщицы спустились со сцены и разбежались по залу, взбираясь на пластиковые сучья с прочным каркасом внутри. Оказавшаяся неподалёку от Одинцова девушка уселась на ветку, достала гребешок и принялась расчёсывать мокрые волнистые пряди. При этом она вполголоса напевала, вторя свирели. От этой мелодии сердце замедляло стук, а по телу разливалась приятная истома. Участковый, твёрдо наме-

ренный заниматься делом, поймал себя на том, что растёкся по дивану как желе. Вокруг него словно смыкалась сладкая, тёплая, благословенная жижа, обещавшая покой и полное расслабление. Так много работы навалилось в последние дни. А он ведь не двужильный, он тоже устал... И имеет право на отдых... Да, отдых...

Слабый голос проямлил из темноты:

– Шампанского дайте... Холодненького...

Со всех сторон подхватили:

– И винца бы, да. Какое получше...

– А мне три шота «Белый русский».

От бара к столикам засновали официантки в топах и мини-юбках. Егор ощутил, что и сам измучен жаждой. Просто помирает, как хочет выпить бокал ледяного «Мохито». И плевать, что потом будет нечем платить за интернет. Он совсем уже собрался позвать девушку с подносом, но его отвлек прокатившийся по залу залиvistый смех.

Представление продолжалось. В метре над подиумом воспарила украшенная стразами метла. Прищуриw глаза, Егор разглядел, что её удерживают на весу два тонких каната. Сверкающую палку оседлала хохочущая ведьма в острокопечной шляпе. Обтянутые чулками бёдра стиснули древко. Ведьма оттолкнулась от сцены туфлями на высоченной шпильке и взмыла в воздух, описав круг над притихшими гостями. С полей головного убора свешивалась чёрная вуаль, развернувшаяся длинной трепещущей лентой. Между дра-

пированных стен заметался смех, от которого на коже вздыбливались волоски. Подражая молнии, вспыхивали и гасли прожектора, пытаясь поймать носящийся под потолком силуэт. На миг Одинцову почудилось, что это не канаты поддерживают метлу, а метла утягивает вперёд болтающуюся страховку. Зрители заволновались: заохали, замычали, кто-то даже поскуливал словно щенок. В зале стояла канонада от пробок шампанского, разносились крики «Ещё! Ещё!». Шипучие струи, минуя бокалы, орошали разинутые рты.

Сверкающая метла промчалась над головой. На соседа Егора, молодого качка с туповатой рожей, упала кружевная накидка. Он в голос застонал и закопался квадратной харей в невесомую ткань. На шее вспучились вены, мощные колени мелко тряслись. Кому-то досталась перчатка, вызвав пугающий пароксизм восторга. Егора зрелище отрезвило. Не хотелось бы превратиться в дурачка, пускающего слюни на обложку журнала с голыми бабами. А ведь никто из танцовщиц даже не обнажился...

Минут через пять номер закончился, сцена опустела. За барной стойкой парень в белой рубашке выдвинул ящик кассы и взялся утрамбовывать в него стопки мятых купюр. Из колонок полилась лёгкая музыка. Посетители вышли из ступора, задышали и задвигались, приходя в себя. Многие устремились в курилку.

Щёку участкового погладили холодные пальцы, томный голос прошелестел:

– Ты звал меня, милый?

Егор отпрянул, обнаружив рядом с собой давешнюю ведьму. Ту самую, что летала на метле, доводя до экстаза одуревших мужиков. Вблизи стало видно, какие необычные у неё глаза: чёрные до такой степени, что зрачок и радужка сливались между собой. Чисто два колодца, упадёшь – поминай как звали. От длинных ресниц на щёки падала тень.

– Не милый, а старший сержант полиции Егор Одинцов. Представьтесь, будьте добры, – сухо ответил участковый, отодвигаясь ближе к подлокотнику. Чёрт бы побрал этих фольков с их колдовской натурой.

– Мадлена, – жаркий шёпот пощекотал ухо.

– Давайте без этого. Я веду расследование для общины по поручению Бабы Яги.

– Тогда Панночка.

Ведьма грациозно поднялась с дивана.

– Пообщаемся в более удобной обстановке, товарищ сержант.

Под удобной обстановкой понималась гримёрка с длинной столешницей вдоль стены и рядом зеркал в рамах с подсветкой. Напротив выстроились одинаковые тумбочки, заваленные ворохом одежды, шляпами, накидками, перьевыми боа. Красотка восточной наружности, облачённая в шёлковый халат, наводила марафет, сидя на вращающемся табурете. Она разглядывала хорошенькое личико в отражении, время от времени прикасаясь к щекам розовой пуховкой. На

столе перед ней громоздились завалы из тюбиков, флаконов, бутылочек и раскрытых палеток с тенями. От всего этого девичьего богатства исходил аромат под стать целому парфюмерному магазину.

– Кумихо, будь добра, дай нам пять минут.

Красавица улыбнулась, взяла расшитую бисером косметичку и упорхнула за дверь. Панночка же с довольным стоном скинула туфли и присела на табурет, поджав ногу в сетчатом чулке.

Егор вытащил блокнот, зашелестел страницами в поисках нужных пометок.

– Вы слышали о вчерашнем убийстве?

– Алёны? Конечно. – На красивом лице отразилась печаль, но только на миг. Панночка вновь стала собранной и деловитой. – Мы давно вместе работаем. Дурочкой была, дурочкой и померла. А всё равно жаль.

– Она встречалась с кем-то, кроме сожителя? Может, к ней проявлял интерес кто-то из посетителей?

Ведьма усмехнулась. Подцепила со столика помаду и принялась вертеть тюбик в руках.

– Вы же не слепой, видите, где мы работаем. К нам постоянно подкатывают клиенты. Но у нас строгие правила: никаких интрижек на работе.

Дальнейший допрос показал, что Алёна, насколько было известно коллегам, хранила верность своему недостойному кавалеру. В последнюю смену жаловалась на грубость и при-

ступы ревности с его стороны. Но девочки слушали вполуха, устав от нытья. О преследовании или угрозах не вспоминала, на самоубийство не намекала. Наоборот, мечтала скопить первоначальный взнос на ипотеку, по примеру кого-то из знакомых. Да, приятельниц у неё было много, Алёна любила поболтать. Но близкими друзьями не обзавелась. Мало кому понравятся пьяные звонки в три часа ночи с криками «Он меня убьёт! Пожалуйста, приезжай, я больше так не могу!».

– Вы знакомы с фольком по имени Бабай? Он приходил к Алёне раз в месяц, заказывал приватный танец. – Исписав убористым почерком два листа, Егор добрался до самого важного вопроса.

– Знакома, но шапочно. Старалась его избегать. По-моему, он того. – Панночка покрутила у виска, намотав на палец чернильный локон.

– Он общался с кем-то, кроме Алёны?

Ведьма поджала губы и презрительно повела плечами.

– Да кому он сдался? Община маленькая, мы уже до смерти друг другу надоели. Я про фольков. А люди... Бабай был замкнутым, пугливым. Вечно по сорок минут в вестибюле мялся, прежде чем войти.

– Когда вы видели его в последний раз?

Егор ожидал услышать «В начале лета» или «В июне», но ответ оказался неожиданным.

– Недели две назад. Он у дверей крутился, но так и не

вошёл. Говорю, трусливый был.

Егор примолк, пройдясь вдоль шеренги заваленных сценическими нарядами тумбочек. Прикусил губу, вспоминая показания Буки. Если верить единственному другу Бабая, в начале августа тот уже встретил свою большую любовь. Вполне возможно, его тянуло в стрип-клуб, но мучило чувство вины. Или просто не было денег, чего усложнять?

Панночка ожидала продолжения разговора, катая тюбик помады по столешнице из полированного пластика. В ней, словно в чёрном озере, отражались точки светодиодов на зеркалах и её собственный неясный силуэт.

– А есть фотография Бабая? В человеческой ипостаси?

Хорошо бы узнать, как подозреваемый выглядел в миру. Одинцов видел его недолго, в обличии фолька, к тому же изуродованного разложением. Шансов раздобыть человеческий портрет маловато. Параноики не делают селфи для социальных сетей, да и вообще фотографироваться не любят.

Но Панночка с готовностью выдвинула ящик гримёрного столика и достала планшет.

– Вам повезло. У нас в начале лета была вечеринка для постоянных клиентов. Вход по купонам, мы их раздавали весной. Я немного поснимала, для себя. Нам запрещено выкладывать снимки в сеть, бабуля за такое шею свернёт. Фигурально выражаясь. Бабай вроде приходил. Мог и в кадр попасть, хотя специально я за ним не следила.

Егор примостился рядом с Панночкой, оперевшись задом

в жёсткое ребро столешницы. Палец с заострённым ногтем, покрытым фиолетовым лаком, неспеша пролистывал фотографии в альбоме. На экране мельтешили блёстки, перья, брызги шампанского. Чокались с камерой какие-то весёлые мужики. Танцевали красотки в нарядах, похожих на костюмы с бразильского карнавала. За стойкой бармен разливал по бокалам мартини, его помощник тряс шейкером, смешивая коктейль. Снова клиенты, один приобнял за талию официантку, другой уставился в объектив осоловелым взглядом. Попадались и знакомые лица: Алёна в кожаном лифчике и португее, изящная маленькая Кумихо. Сама Панночка в готическом наряде из рваной органзы, щёлкнувшая себя в отражении зеркала. За её спиной забила в угол долговязая фигура.

– Вот он, – ведьма раздвинула пальцы, приближая изображения. Дальний план получился мутным, распадающимся на пиксельное зерно. Но Бабая разглядеть можно. Рожа как рожа, неприметная, с залысинами на лбу, длинным носом и скошенным, слабохарактерным подбородком. Одет в серый свитер с двумя пуговицами у воротника.

– Может, найдётся снимок поближе, – пробормотала девушка, продолжив листать альбом. И вновь понеслись смеющиеся красотки, блуждающие по сцене прожектора, пятнышки света от диска-шара...

– Подожди!

Егор ткнул в экран, остановив поток. В кадре одетый в

штатское Миха Новосельцев что-то рассказывал Светкиному жениху. Москвич слушал с рассеянным видом, прихлёбывая из стакана, украшенного долькой апельсина.

– Вот этих двоих знаешь?

– Да. Этот, – острый ноготок ткнул в Михину морду, – мелкая сошка из полиции. Ходит нечасто. Как-то ко мне приставал, но бабуля шикнула, чуть в штаны не наложил. А этого, – пальчик переместился вправо, – зовут Олег, приехал весной из Москвы. Вроде у него какой-то строительный бизнес. Девчонки обрадовались, думали, чаевые будут хорошие. А он им полтинников накидал. Алёне жаловался, что платит алименты на двоих детей, она сама рассказывала.

«О как, – подумал Егор. – Интересно, а Светка в курсе?»

Ну Миха, двуличный мерзавец... Доверие к сослуживцу стремительно таяло. Особенно, когда на следующей фотографии к собеседникам присоединилась третья участница разговора, в сдвинутом на ухо берете и белой блузе с бантом. Пиковая Дама! Егор едва удержался, чтобы не позвонить Новосельцеву и не разорваться в трубку, требуя объяснений. Но Миха наверняка уйдёт в глухую оборону, да ещё предупредит подельников о повышенном интересе со стороны одного надоедливого участкового... Нет, выкладывать карты на стол пока рановато.

Егор достал мобильный и отыскал фотографию, заранее скачанную с официального сайта «Верхе-Волчанского деревообрабатывающего концерна».

– О, как не знать – Тугарин Змей. Роскошный экземпляр. Бывает редко. Зато каждый раз как праздник. – Ресницы Панночки затрепетали, томный, с ленивой поволокой взгляд обратился к потолку.

А Егор перелистнул на следующую фотографию, вспомнив странную реакцию рябой Марфуши с ресепшена в вестибюле.

– Пф-ф-ф, Шолмос, в миру Тимур Санжиин. Этот вообще на рожу не смотрит. Мы ему однажды для смеха подсунили одну кулёму, которая полы моет. Та потом ещё долго спрашивала, куда подевался антиресный кавалер... Правда, он тогда нажрался до потери памяти.

Одинцов хмыкнул, убирая телефон обратно в карман. Итог допроса получился не слишком радужным, число подозреваемых сузить не удалось.

– Если что-то вспомнишь, позвони. И скинь мне фото Бабая.

Он продиктовал номер, покинул гримёрку и быстрым шагом пересёк зал, стараясь не смотреть на сцену, где разворачивался очередной театрализованный номер: наряженная крестьянкой танцовщица делала вид, что гуляла по полю и сомлела от жары. Новые показания не отсекали ошибочные ветви расследования, а только запутывали клубок. И Тугарин Змей, и Тимур, и Светкин ненаглядный Олежик знали убитую танцовщицу и, в теории, могли познакомиться с её клиентом Бабаем. Единственное, Олег не был фольком.

Но кто знает, как работает метасказка? Вдруг превратиться в сказочника и переписать реальность может и человек? Или... Олег тоже фольк, но скрывается? Василиса говорила, что человеческую оболочку не расколоть. Показать бы его Бабе Яге, чтобы та разрушила маскировку. Может, пригласить его в клуб? Мол, так и так, захотелось узнать соперника поближе, провести мужской разговор, расставив точки над «Ё». Нет, если Олег и есть загадочный убийца, он не захочет лишний раз демонстрировать связь с «Волшебным восторгом».

Что касается парадокса с живым Бабаем под детской кроватю и мёртвым Бабаем на пустыре... Существовал один способ его разрешить. Дорогостоящий способ, но вполне посильный для владельца «Верхе-Волчанского деревообрабатывающего концерна». Непонятно, правда, чем Тугарину Змею реальность не угодила? В ней у него вроде бы всё хорошо. Ладно, это философия, а философию к делу не пришьешь.

Егор задержался в вестибюле, прощаясь с Бабой Ягой.

– До свидания! Если девушки что-нибудь расскажут, или Филин очнётся, дайте знать.

– Конечно, милоч, не сумлевайся, сразу позвоню. А коли убивца найдешь, так и скидочку на посещение сделаю. У нас на втором этаже и банька, и массаж.

– Спасибо, не стоит. – Одинцов, скрывая смущение, покосился на Василису. Девушка хихикнула в ответ.

– Бабушка, а у тебя, случайно, не найдётся больших мусорных пакетов? Плотных, литров на сто?

Егор с восхищением покачал головой. Женщины! Как у них получается помнить обо всех мелочах?

Пакеты у бабушки нашлись. И не только они: из «Восторга» оба вышли, нагруженные под завязку полезным инвентарём. Участковый нёс подмышкой рулон мешков для строительного мусора, верёвку, резиновые перчатки и скотч. Василиса тащила сложенный в несколько раз кусок полиэтилена и фартуки из клеёнки, в каких обычно работают мясники. Щедрая Яга попыталась всучить вдогонку ещё и топор, а также лобзик с зубчатой пилой («Бери, внучок, страсть какой острый – косточки будто масло режет!»). Но участковый вежливо отказался, стараясь не думать, для каких целей в клубе хранился подобный инструмент. А пользовались им регулярно – рукояти были затёрты до такой степени, что на месте хвата с древесины облез лак. На обухе топора стояло сгладившееся до нечитабельности клеймо, подтверждавшее его почтенный возраст.

В дверях они разминулись с розовой Марфушей, смущённой и довольной одновременно. Сгорбившийся на сиденье Тимур, напротив, выглядел жалко, словно измучился животом. На просьбу открыть багажник затравленно оглянулся и заметался в поисках нужной кнопки. Как только Егор сложил инвентарь и устроился на переднем сиденье, машина с визгом сорвалась с места, оставляя на асфальте росчерки от

ШИН.

Глава 12. Поездка за мертвецом

24 августа 2012 г. Пятница, полдень.

Тимурова развалюха за десять минут преодолела центр Верхне-Волчанска, пронеслась через окраины и сбавила обороты, только вырвавшись на простор дачного пригорода. По обеим сторонам шоссе замелькали заборы, обшитые сайдингом коттеджи, бани и теплицы. Заросли малины прорывались через штакетник и кустились на «ничейной» земле. Яблони и груши клонили к земле отяжелевшие ветви. Следом за огородами потянулись поля, а за ними – подступившие вплотную к дороге сосны с рыжей морщинистой корой. Солнце, поднявшееся к зениту, било в глаза, пришлось опустить козырёк. Впереди без усталости махал крыльями голубь, удерживая крейсерскую скорость около семидесяти километров в час.

Сигнал мобильного вырвал пригревшегося в кресле, разморённого Егора из полудрёмы.

– Одинцов. Слушаю, – недовольно бросил он в трубку, спросонья не разглядев, чей номер высветился на экране.

– Здравствуй. Я не вовремя?

– Что ты, пап! Я тебе всегда рад!

Ему и правда было приятно услышать батин голос, громкий и зычный, как тромбон. Мобильный пришлось отвести подальше от уха – батя привык перекрикивать шум станков

у себя в цеху.

– Как дела-то твои? А то пропал, не звонишь.

– Прости, замотался по работе. Столько всего навалилось.

– Ничего, дорогу осилит идущий. Заходи завтра на обед, мать утку с картошкой запечёт. Посидим, поговорим.

– Пока не могу обещать. Как получится.

Они немного поболтали, обменявшись маловажными новостями, Егор попросил передать матери привет. На душе стало теплей. События последних трёх дней перенесли его в другой мир. Заставили забыть, что он – всё тот же Егор Одинцов двадцати четырёх лет отроду. У него есть любящая семья, друзья, коллеги, нескучная работа, свои цели и интересы. Что в свободное время он не против поваляться с книжкой Азимова или Гаррисона, съездить искупаться на реку, выпить пива с Тимуром. Что его руководитель Алексей Юрьевич Морозов несколько раз его отличал. И говорил, что однажды из него выйдет хороший специалист. А слова Алексея Юрьевича многого стоили. А значит, он обязательно справится и распутает этот клубок.

За окном мелькнула роща, за ней растеклось до горизонта поле с сеном, увязанном в круглые тюки. Стриженная трава примялась широкими полосами там, где взад-вперёд прокатился трактор. Поле сменили ряды кукурузы, вымахавшей высотой в человеческий рост. Та уступила гречихе, охристо-рыжей, сухо пощёлкивающей на ветру. И снова жёлто-зелёный ковёр, на этот раз из подсолнухов, дружно повернув-

ших головы к висящему в зените светилу.

На заправке притормозили. Пока Тимур возился со шлангом и рассчитывался за бензин, Егор сбегал в магазин, купил воды. Баюн тоже воспользовался моментом и набрал чипсов, хот-догов, лимонада и прочей ерунды, будто настоящей целью поездки являлись не поиски трупа, а весёлый пикник. Голубь поклевал булку, попил из лужи, радужной из-за примеси горючего, и продолжил путь, следуя изгибам загородной магистрали.

Через час птица свернула с шоссе на просёлочный тракт, ухотивший вдаль под прямым углом. Тимур матюгнулся, прощаясь с потраченными на автомойке деньгами, и крутанул руль, съезжая с асфальта на размокший из-за дождей ухабистый грунт. Машина углубилась в поля, раскачиваясь и трясясь, словно лодка во время урагана. Из-под днища летели брызги слякоти, стучали мелкие камушки, мотор натужно ревел. Подвеска у колымаги была высокой и выдерживала превратности бездорожья. Но при этом была такой жёсткой, что рослый Егор не раз и не два приложился макушкой о потолок.

Вильнув зигзагом, колея спустилась в овраг, спрятавшийся за густым подлеском, и оборвалась. Путеводный голубь сбросил скорость и описал в небе широкий показательный круг. После чего встрепенулся, спланировал вниз и принялся что-то клевать в траве.

Заглушив мотор, Тимур выбрался из машины, потянул

спину и развязно почесал между ног. За всё время маршрута приятель так и не выказал ни малейших признаков беспокойства.

– Это, что ли, твой груз? – Он ткнул большим пальцем на склон оврага, покрытый расплзающейся мусорной кучей. Наверное, натаскали дачники. Судя по карте, где-то неподалёку находилась станция пригородной электрички. – Я слышал, в полиции мало платят. Но чтоб настолько...

Егор на провокацию не поддался. Размял затёкшие ноги, поморщил нос: свалка, нагретая полуденным солнцем, смердела на всю округу. Поиски трупа обещали стать ещё неприятнее, чем предполагалось.

– Ну, чего сиськи мнём? – поторопил его Тимур.

– Расходимся! – скомандовал Одинцов и первым перебрался через завал из ржавых обломков неясного происхождения. Взбежал по стволу поваленного дерева, спрыгнул с другого конца, приземлившись на раскисшую почву. Перемахнул засыпанные землёй бетонные блоки с торчащей арматурой, некогда служившие фундаментом разрушенной постройки. И, наконец, увидел Бабая...

После смерти фольк сохранил истинную ипостась. На пожухлой траве лежало чёрное антропоморфное существо с бугристой головой и длинными уродливыми конечностями. Вместо одежды фигуру укутывало чёрное же рваньё, от которого ветер отхватывал туманные клочья. Тело упало навзничь, раскинув руки и обратив к небу жуткие провалы глаз-

ниц. Из-под объединенных губ торчали неровные желтоватые зубы. Жуть. Подрагивала и колыхалась борода, по гниющей коже ползали личинки. Сладковатый дух мертвечины ударил в нос с такой силой, что заслезились глаза. Тело Бабая раздулось и местами походило на вылезшее из кадки дрожжевое тесто, отчего-то окрашенное в угольный цвет. Вот теперь участковый в полной мере оценил предусмотрительность Василисы...

– Сюда!

– Обалдеть... Подожди, мне надо настроиться.

Взобравшийся на мусорный гребень Баюн задымил вейпом, надеясь перебить омерзительный запах. Не помогло.

Егор присел рядом с трупом, натянул перчатку и помахал рукой, разгоняя сердито жужжащих мух. Долго гадать о причине смерти не пришлось: в животе у фолька зияла рана, отличавшаяся от посмертных повреждений, оставленных падальщиками. Очень похоже, что покойного пырнули ножом. Месяц назад Егор видел точно такую же рану на выезде в Знаменку, где спьяну подрались рабочие с лесоповала. Специалист мог бы провести вскрытие и извлечь из останков больше информации. Но что-то Одинцов не припоминал сказок про то, как была у патологоанатома избушка ледяная, а у судмедэксперта – лубяная.

Подошёл вразвалочку Тимур, уставился на труп с недовольно-брезгливым выражением на круглой скуластой роже. Егор окончательно убедился: ничего приятель об этом деле

не знал. Мысль эта принесла неожиданное облегчение. Хоть Тимур и был дебоширом и говнюком, но своим, проверенным говнюком.

– Э нет, я на такую ботву не подписывался. Даже не думай.

За Тимуром через полосу препятствий продрались Василиса и Кот Баюн, с мешками и фартуками в руках. Не дойдя до тела нескольких шагов, пижон выпучил глаза, надул щёки, сунул девушке свою половину инвентаря и сиганул в кусты, откуда донеслись надсадные харкающие звуки. Да уж, Бабай пребывал не в лучшей форме...

Егор поднялся с корточек и отогнал лезущих в лицо надоедливых насекомых.

– Видел его раньше? – поинтересовался он у Тимура, демонстрируя смартфон с фотографией человеческой ипоста-си мёртвого фолька.

Пожав плечами, приятель выгнул рот недовольной дугой.

– Хрен знает.

– Его звали Бабай. Вы с ним оба ходили в «Восторг».

Тимур тоскливо поморщился. Наверное, вспомнил встречу с Марфушей возле клуба.

– Может, и видел. Я ж туда не на мужиков пялиться хожу.

– Видали мы, на кого ты там пялишься... – из кустов вылез пошатывающийся Баюн, вытирая губы носовым платком.

Егор понимающе хмыкнул.

– Эй! Я уже говорил! Было темно, я был пьян!

– Вы о чём? – удивилась Василиса.

– Ни о чём! – Тимур выразительно погрозил кулаком расплывшемуся в ухмылке Коту. Тот поднял кверху раскрытые ладони. Мол, всё понимаю и молчу.

– Хорош, мужики, – скомандовал участковый, натягивая вторую перчатку и принимая от Василисы клеенчатый фартук. – За работу...

Дольше всего пришлось провозиться не с бесплодным поиском улик, и даже не с упаковыванием разбухшего тела в мешок, а с убеждением приятеля не быть засранцем и помочь следствию. Пришлось прибегнуть к шантажу. Была у Егора одна догадка на счёт машины Кулмагамбетова, которого оба знали, и загадочной надписи «Гондон», однажды вечером возникшей на багажнике и оставшейся тайной в глазах сослуживца. Друг сдался, но компенсировал поражение утроенной порцией ворчания. Превратившегося в маты, когда они пихали чёрный, обмотанный скотчем свёрток в багажник, а тот упирался в стенки и не желал помещаться в отведённый объём. Наконец, Егор догадался согнуть труп в пояснице и коленях, и уложил его, свернув наподобие рогалика.

На обратном пути больше не было нужды ехать со скоростью птичьего полета. Тимур вдавил педаль в пол, мечтая скорее избавиться от груза, напоминавшего о себе тошнотворным запахом мертвечины. Включив радио, он принялся перебирать станции, ища музыку пободрей. Наткнувшись на подходящую песню, накинул к скорости десяток километров

и фальшиво запел, покачивая в такт головой. На заднем сиденье захрустел чипсами оклемавшийся Баюн.

– Кто хочет хот-дог?

– Айм э лонли бой... Айм э лонли бой... Давай...

Несмотря на неаппетитную обстановку, участковый тоже протянул руку назад, получив шуршащий бумагой свёрток. Пользуясь моментом, Василиса погладила тыльную сторону его ладони. Счастливый Егор встретился с девушкой взглядом в зеркале заднего вида. Господи, в какой дикой обстановке разворачивался их роман... Хорошо бы куда-нибудь сдать труп и принять душ, желательно не в одиночку... Полюбоваться стройной фигурой Василисы и тем, как по коже стекает вода. Потемневшие от влаги волосы, мягкий живот, изящно очерченная шея... Нет, не время для подобных мыслей. Только не в машине, провонявшей Бабаем.

Откусив хот-дог, Егор глянул в окно. Обочина дороги превратилась в размытую ленту бурого цвета.

– Сбавь обороты.

Тимур к совету не прислушался. И даже из вредности поддал газу и выкрутил ручку громкости на магнитоле.

Зря. Очень скоро их нагнал автомобиль дорожно-патрульной службы. Обдал красно-синим светом мигалок, скомандовал по громкой связи прижаться вправо. Струхнувший водитель заглушил мотор, участковый вырубил радио. В машине повисла напряженная тишина, только Тимур шумно сопел и барабанил пальцем по ручке передач. Полицейская маши-

на припарковалась сзади, напоследок крикнув сиреной.

– Вы ведь с ним коллеги... Договоришься? – шёпотом спросила Василиса, испуганно поглядывая назад.

Открылась дверца с голубой полосой и крупными буквами «ДПС г. Верхне-Волчанск». Полицейский в тёмно-синем кителе со светоотражающими полосками на рукавах выбрался из машины и неторопливо направился к нарушителям, помахивая полосатой палкой.

– Я простой участковый. Вряд ли.

Ситуация складывалась препаршивая. Во-первых, машиной управлял водитель без прав. В принципе, на этом можно и закончить, но было и во-вторых: Егор до сих пор щеголял следами от побоев, а в салоне отчаянно воняло мертвецом. В общем, не надо обладать интеллектом Шерлока Холмса, чтобы заподозрить неладное.

Тимур выпрямил спину и сложил беспокойные руки на руле. Дёрнулся кадык – приятель сглотнул слюну. Он тоже был в курсе, что удостоверение сержанта могло помочь в случае мелкого правонарушения, вроде не застёгнутого ремня или парковки на месте для инвалидов. А чтобы полицейский закрыл глаза на... на вот это вот всё, надо быть полковником, награждённым орденом мужества и ставшим донором почки для матери многодетного семейства. И то не факт.

– Так. Все заткнулись, говорю только я, – скомандовал Баян.

Сразу после этих неожиданных слов полицейский подо-

шёл к машине, наклонился, опершись рукой о крышу, и принялся разглядывать сидящих внутри людей. Тимур опустил стекло, вымученно улыбаясь. Да уж, прав был Егор, актёр из друга никакой...

– Инспектор дэ-пэ-эс Барбышев Игорь Викторович. Документы на машину и водительское удостоверение.

Ноздри инспектора дрогнули, лицо приняло суровое выражение. Обстановка в салоне насторожила его ещё на подходе, и перекошенная физиономия водителя вместе с хлынувшим из окна смрадом подтвердили догадку, что дело нечисто. Тимур открыл было рот, чтобы выдать обычную бездарную ложь, в каком именно кармане остались права, когда у жены отошли воды, но тут заговорил Баюн. Голос Кота звучал мягко и вкрадчиво, успокаивая слушателей и заставляя мысленно кивать на каждое сказанное слово.

– Ты видишь в машине дружную законопослушную семью. За рулём – отец, рядом его жена, на заднем сиденье – двое славных малышей-погодков, мальчик и девочка. Ты чувствуешь аромат свежих домашних пирожков с капустой.

Инспектор полной грудью втянул трупную вонь и облизнулся. Баюн продолжал:

– Внушающий доверие мужчина достаёт необходимые документы...

На этих словах Баюн пихнул застывшего Тимура в плечо. Тот вздрогнул, нырнул в задний карман и выудил оттуда рекламную листовку из тех, что раздают перед супермарке-

том. Сидящей по соседству Егор разглядел надписи «Ремонт бытовой техники» и «Скидка десять процентов предъявителю флаера». Выдавив «Здрасьте», Тимур трясущейся рукой протянул листовку через окно. Полицейский принялся изучать «документы», сравнивая с водителем фото стиральной машинки.

Баюн не смолкал:

– С документами полный порядок. Ты по-прежнему видишь образцовую семью, которая не нарушила ни одного закона. Водитель ехал с разрешённой скоростью. Ты и сам не понимаешь, зачем его остановил. Рутинная проверка.

Каменное лицо инспектора смягчилось, но что-то по-прежнему не давало ему вернуть «права» и уйти, пожелав счастливого пути.

– В салоне всё хорошо, страховка не просрочена, ремни безопасности пристегнуты, мальчик и девочка едут в детских креслах и выглядят счастливыми...

Полицейский добродушно улыбнулся и поправил козырёк фуражки, подмигивая «малышам». Но Баюн не был бы Баюном, если бы остановился на описанной картине и не добавил:

– А мамаша ничего такая, грудастеньякая, в твоём вкусе. Уж ты бы её после смены, ух...

Егор, которому из-за положения в салоне досталась роль матроны, напряг желваки, удерживая ругательства в адрес Кота. Взгляд полицейского замаслился и упёрся в широкую

грудную клетку, обозревая воображаемые аппетитные формы.

– Славные у вас детки! Едете в город?

– Да, в службу опеки, – хмуро ответил участковый. – Хотим отказаться от прав на сына.

Челюсть полицейского съехала на бок, улыбка потускнела. На заднем сиденье Василиса зажала рот ладонями, борясь с подступающим смехом.

– Не шути так, дорогая, – к представлению подключился Тимур, потрепав участкового за коленку. – Хоть ты и нагуляла пацана от соседа, пока я был в командировке, но я люблю его как родного!

– Руку убрал! – рывкнула «дорогая». – Да он весь в тебя уродился, такое же го...

– Ты по-прежнему видишь мирную и благополучную семью, – выкрикнул Баюн, пиная ногой кресло Одинцова. В голосе гипнотизёра начали проскальзывать панические нотки, – которая переживает временные трудности, но старается с ними справиться и спасти брак. В этой машине нет ничего, что могло бы вызвать подозрения!

Но что-то подозрения всё-таки вызывало, поскольку отцу семейства было велено отпереть багажник и выйти из машины. Тимур нажал кнопку и обречённо полез наружу. Следом за ним, не прерывая усыпляющего монолога, двинулся Баюн:

– В багажнике лежит запасное колесо, автомобильная аптечка, огнетушитель и детский велосипед.

– У меня такой же был в детстве, – полицейский радостно ткнул в голову Бабая, туда, где объединенный нос натянул чёрный полиэтилен и скотч. – Не думал, что их ещё продают!

Тимур снова сглотнул и промямлил:

– Этот нам бесплатно достался.

– Повезло! Да, парень? – полицейский взлохматил макушку вовремя пригнувшегося Баюна, нарушив симметрию причёски. – А кататься умеешь?

– Умею, – застенчиво ответил Баюн, приглаживая вылезшие из пучка пряди.

– Покажи дяде, как ты умеешь! – предложил Егор, высунувшись из приоткрытой дверцы. Он знал, что подвергает всех ненужному риску, но желание отомстить пересилило голос разума. Красноречивый взгляд пижона определённо того стоил. Баюну очень не хотелось вытаскивать Бабая из багажника и кататься на его раздутых, поеденных падальщиками останках...

– Ма-а-ам, я устала, я кушать хочу! – заныла Василиса, приходя другу на помощь.

– Езжайте, всё в порядке. Вот ваши документы. Пока, малыш, слушайся маму с папой.

Приложив руку к фуражке, полицейский вернул сложенную пополам листовку. Тимур почтительно убрал её в штаны и попрощался. Едва инспектор отошёл достаточно далеко, чтобы ничего не услышать, по салону прокатился общий вздох облегчения.

– Я вас, придурки, убить готов, – прорычал Тимур, заводя машину и яростно дёргая рычаг передач. Ответом был общий смех, чересчур громкий из-за пережитого напряжения. До самого Верхне-Волчанска приятель ехал со скоростью шестьдесят километров в час, позволяя другим водителям себя обгонять, что в обычное время считал едва ли не оскорблением.

Глава 13. Вакансия от некроманта

24 августа 2012 г. Пятница, три часа дня.

Пользуясь свободным временем, Егор настроил Кулмагамбетову длинное сообщение, в котором по-дружески просил выполнить три просьбы. Во-первых, узнать через знакомых из-за чего произошёл взрыв на Молодёжной. Во-вторых, пробить номера серебристого Лексуса и данные по его владельцу, в том числе страницы в социальных сетях. Вдруг Светкин кавалер всё-таки фолк и не озаботился созданием качественной ширмы? И в-третьих, прогнать через базу данных человеческое фото Бабая на предмет штрафов и задержаний. Покойный вёл безалаберный образ жизни, мог и прежде попадаться сотрудникам правоохранительных органов.

– Куда теперь? – поинтересовался Тимур, когда на горизонте вместо деревьев выросли серые многоэтажки.

Егор не нашёлся, что сказать. В морг Бабая не повезёшь, дома не спрячешь... Может, отправить его на дачу, сунуть в холодный погреб к закатанным на зиму огурцам? Но придётся обманывать родную бабушку, нехорошо. Задачу решила Василиса, продиктовав незнакомый адрес.

– Это крематорий Кощея, там же находится офис, – пояснила девушка в ответ на вопросительный взгляд. – Кощея не зря называют повелителем смерти, он – некромант. Возмож-

но, ему удастся заставить Бабая ответить на вопросы.

– Он что, из трупа делает зомби? – удивился Егор.

– Не совсем, просто прочтёт записанную в мозге информацию. Вроде как ненадолго починит сломанный жёсткий диск.

– Не знал, что он настолько силён, – хмыкнул Тимур, вбивая название улицы в навигатор. А по приезду, радуясь возможности избавиться от груза, даже помог перекинуть тело из багажника на каталку. После чего газанул к автомойке, ни с кем не попрощавшись.

Кощей встретил гостей в своём кабинете. Если он и удивился необычной просьбе двоюродной племянницы, то вида не подал. Человеческая ипостась одного из столпов сказочной общины произвела на участкового двойное впечатление. За столом сидел высокий, сухопарый, гладковыбритый мужчина лет сорока-сорока пяти в строгом костюме и траурном галстуке в тонкую диагональную полоску. Внешность его казалась заурядной, если бы не бледные до прозрачности, внимательные глаза с булавочными головками зрачков.

Выслушав рассказ, Кощей кивнул, пригласил в кабинет молчаливого ассистента и отдал распоряжения.

На Василису Егор старался лишний раз не смотреть и нарочно сел так, чтобы их отделял друг от друга развалившийся на стуле Баюн. Не факт, что девушка захочет афишировать отношения перед родственником. С другой стороны, скрыть такое шило, учитывая осведомлённость Баюна, будет

проблематично... И все же лучше сделать вид, что помощница Бабы Яги и простой сержант связаны исключительно рабочими интересами.

Но Василиса подыгрывать отказалась. Когда Кощей предложил племяннице воспользоваться его апартаментами, чтобы отдохнуть с дороги, поблагодарила, а затем подошла к Егору, склонилась и поцеловала прямо в губы. После чего вышла из комнаты, на пороге сказав:

– Приходи, как освободишься. Я буду ждать.

– Хорошо, – Егор с некоторой опаской покосился на Кощея, но выражение лица последнего ничуть не изменилось.

– Разумеется, моё приглашение относится и к вам, товарищ сержант. Но прежде мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

Баюн понятливо удалился, одними губами произнеся «красава» и «не ссы».

– Желаете кофе? Чай?

Настороженный Егор помотал головой. Кощей немного помолчал, глядя на собеседника.

– Раз уж вы всё равно здесь, мне бы хотелось обсудить одну тему. Которая, как я надеюсь, вас заинтересует.

– Дайте угадаю, – Одинцов подобрался и скрестил руки на груди. – Лапы прочь от моей племянницы?

– Не угадали. Вам с Василисой не по пятнадцать лет. Она взрослая и умная девушка, и способна нести ответственность за свою жизнь. Более того, я и сам хочу предложить

вам в некотором роде союз.

Заинтригованный и, чего греха таить, польщённый Одинцов вскинул широкие тёмно-русые брови. А Кощей продолжил неторопливую речь:

– Верхне-Волчанск стал для меня вторым домом. Наша община растёт, чему я, безусловно, рад. Но фольки рождаются из мифов, сказок, былин разных культур. Они приходят к нам и приносят с собой опыт и мировоззрение. Всё это порождает некоторую... напряжённость. Взять хотя бы Злую Мачеху и её подручную, Пиковую Даму. То, что они портят жизнь законопослушным фолькам, неправильно. Я хочу вымести лишний мусор из своего дома.

– Каким образом? – осторожно поинтересовался Егор. – Выдача кредитов законом не запрещена.

– Человеческие законы не всегда совпадают с порядками нашего мира. В Верхне-Волчанске встретились две реальности. Где-то они пересекаются, а где-то – остаются чуждыми друг другу. Но в обоих мирах разумные... существа ценят порядок. Я хочу, чтобы Верхне-Волчанск стал безопасным и законопослушным городом.

– Зачем это вам?

– Затем, что я – делец, товарищ сержант. Бизнес процветает, когда граждане спокойны и уверены в завтрашнем дне. Сейчас на всю общину работает один исполнительный, но не хватающий звёзд с неба Андрей-солдат. Я говорил и с советом, и с князем Ярославом. Все согласны, что нам нужна не

дежурная часть, а полноценное отделение. Но всё упирается в финансы.

Егор занервничал, начиная догадываться, к чему клонит Кощей.

– Так вот. Я и несколько других... заинтересованных лиц готовы спонсировать подобный отдел. Мы не станем диктовать правила работы в обмен на поддержку, закон одинаков для всех. Мы предоставим средства, вы – наберёте штат и наладите процесс. Подчиняться будете непосредственно великому князю. Что вы об этом думаете?

Поборов глупую гордость, Одинцов спросил:

– Почему я? Расследование еле движется. Среди моих сослуживцев есть спецы и покруче.

– Мы бы не хотели расширять круг посвящённых. – Узкие губы Кощей тронула улыбка. – К тому же, я доверяю своему чутью.

Только сейчас Егор обратил внимание на стопку картонных папок, сложенных в центре стола. Хозяин кабинета вытащил одну из середины, потянув за уголок и придерживая те, что лежали сверху. На обложке красовался напечатанный казёнными чернилами двуглавый орёл, ниже значилось «Министерство внутренних дел Российской Федерации. Личное дело №273-614. Фамилия: Одинцов. Имя, отчество: Егор Константинович». Егор протянул руку и недоверчиво потрогал шероховатый корешок. Откуда оно здесь? Личные дела сотрудников хранились в архиве канцелярии.

Вот бы посмотреть, что там про него понаписали.

Кощей открыл папку, пролистал несколько страниц.

– У вас хорошие задатки, Егор Константинович. Занятия спортом, служба в армии. Была объявлена благодарность. В связи с чем?

– Да был случай во время учений... Ничего особого.

– Отслужив, вернулись в родной город и устроились на работу в полицию, на должность участкового. Доросли до старшего сержанта. Я правильно понимаю, что эта работа – не предел ваших мечтаний?

– Нет, – с некоторым смущением признался Егор. – Хочу быть следователем. Но туда без высшего юридического не берут.

– Так-так. Учитесь?

– Да. Второй курс на заочном в Томском государственном университете. Ну и так, по профилю литературу читаю...

– Похвально. Вы целеустремлённый молодой человек.

– А что за лица собираются спонсировать новый отдел? – спросил Егор, желая потянуть время. Предложение казалось слишком масштабным, чтобы сразу осмыслить идущие в одном комплекте проблемы и перспективы.

– Марья Моревна, царь Горох, Тугарин Змей, представительница хакасской общины Абахай Пахта, представитель сибирских татар Зилант, а также ваш покорный слуга. Со временем, я уверен, список пополнится.

– Тугарин Змей? Мне надо подумать.

– Разумеется, такие решения не принимаются сиюминутно. Тем более, когда вы сосредоточены на деле. Кстати, процедуру допроса... покойного мы сможем провести не раньше, чем через сутки. Давайте ориентироваться на завтра, на восемь часов вечера.

Вспомнив о грядущем обряде, Кощей нахмурил бледный высокий лоб. Между бровей легла продольная складка.

– Вам не нравится эта идея? – поинтересовался Егор.

– Не нравится, – честно ответил Кощей. – Но не потому, что я считаю её излишней или неразумной. Просто возвращение к некромантии... это... Впрочем, не важно.

Кощей невыразительно улыбнулся и привстал из-за стола, намекая, что беседа подошла к концу.

Пообещав не торопиться с ответом и всё обдумать, Егор Одинцов покинул кабинет. За порогом ожидал безмолвный ассистент, жестом пригласивший следовать за собой. Коридоры и подсобные помещения крематория были выложены белоснежной плиткой, лампы дневного света безжалостно изгоняли малейший намёк на тень. В апартаменты, занимавшие отдельную пристройку, вела крытая галерея с окнами во всю стену. Туда не добирался запах какой-то специфической химии, а ещё мокрого пола, протёртого с хлоркой. Проводив участкового до дверей, ассистент поклонился и направился в обратную сторону.

Жилище Кощей неуловимо напоминало своего владельца. Повсюду – камень и стекло, приглушенные цвета, лаконич-

ные линии. Идеальный порядок и какая-то неживая чистота. На письменном столе – шахматы с вырезанными из кости фигурами в виде воинов, магов и драконов. Возле окна – направленный в небо телескоп. На подоконнике – книга с закладкой по середине, «Американские боги» Нила Геймана. Распластавшийся на диване Баюн принёс в помещение чужеродные хаос и сумбур. Он разлёгся, запрокинув длинные ноги на подлокотник и скучливо щёлкая пультом от полуторамеретровой плазмы. Рядом валялись фантики от конфет, яблочный огрызок и зарядка от вейпа.

– А где...

Не успел Одинцов договорить, из ванной комнаты вышла Василиса, вытирая полотенцем перекинутые через плечо длинные волосы. Лёгкий халат, перехваченный в талии пояском, красивыми складками опускался к босым ступням с маленькими розовыми пальчиками. В стерильную комнату ворвался аромат луговых трав, шампуня и влажной после душа кожи. Это запах мгновенно разогнал кровь и заставил сердце стучать быстрее. Что-то такое промелькнуло в глазах участкового, отчего Баюн выключил телек и спрыгнул с дивана.

– Понял, отдохну в другом месте.

Щёлкнул замок на двери. Егор не обернулся. Он смотрел на Василису, идущую ему навстречу. Кровь перестала блуждать по телу и устремилась в одну точку, отчего бросило в жар. Мокрое полотенце полетело на журнальный столик. Де-

вушка подошла совсем близко, заглянула ему в глаза и потянула за воротник рубашки, заставляя наклониться вперёд. Егор охотно подчинился. Их губы соприкоснулись: сначала легко, мимолётно. Затем жадно, с силой вжимаясь друг в друга. Какая же она сладкая... Плохо владея собой, Егор нашарил пояс, дёрнул за конец, распуская небрежный узел, раздвинул полы халата...

Василиса зарылась в его волосы руками. Когда ладони Егора скользнули под ткань, прокладывая путь вдоль позвоночника к гладким и горячим полушариям бёдер, девушка застонала. Поцеловала в шею, играючи прикусила ухо. Внизу полыхнул огонь. Поцелуи-укусы становились всё требовательнее, и вот Василиса уже сражалась с застёжкой на его джинсах, а он стаскивал мешающийся и цепляющийся за плечи халат. Поцелуи прерывались только для того, чтобы оба глотнули воздуха. Как жаль, что даже фолькам приходилось дышать! Двигаясь то боком, то задом наперёд, путаясь в сбрасываемой одежде, добрались до дивана.

На какое-то время целый мир сузился до их переплетённых тел, до учащённого дыхания, до сладкой судороги, пробежавшей от живота к пальцам ног. А потом Егору было хорошо. Просто не передать, как хорошо. Он был готов провести так целую вечность: лёжа на диване, обнимая обессиленную девушку, уткнувшись макушкой ему в подбородок, чувствуя, как капли пота стекают по коже.

– Я... Мне... – в горле запершило, он не договорил. Не

смог обратить в слова то, что творилось внутри.

Неужели они знакомы всего три дня? Время – странная штука. Повернувшись, Егор приподнялся на согнутом локте. Вгляделся в безмятежное лицо, в отливающие зеленью глаза, прикрытые ресницами. Неужели это правда? И посреди творившегося безумия он урвал кусочек счастья?

– Кощей предупредил, что обряд проведут только завтра?

– Ага, – рассеянно откликнулся Егор. Думать о работе не хотелось.

– Хорошо. Тогда я отлучусь на этот вечер. Тугарин Змей построил детский тематический лагерь, сегодня открытие.

– Может, чёрт с ним? Поехали лучше ко мне.

Василиса ласково погладила пальчиком его подбородок.

– Не могу, на работе обещала. Да и самой любопытно. Это значимый для города проект, посвящённый сказкам народов Сибири. На открытие соберутся работники музеев и культурных центров со всего региона.

Две минуты спустя злой Егор пулей вылетел из крематория, на бегу вызванивая Тимура. Ох, как он себя костерил! За то, что держал все выкладки в голове и ни разу не обмолвился при Василисе на счёт сомнительной роли Тугарина Змея. Не сказал прямо: знаешь, а ведь очень может быть он и есть тот самый колдун, что сбросил с балкона Алёну, вырезал семью на Молодёжной и едва не убил Старого Филина. Только выпивший обратное зелье, о котором расска-

зывал Баюн. То самое, дорогое, позволяющее копировать не только внешность, но и особые умения фольков. Василиса, не поспевавшая за рысью участкового, подтвердила, что зелье действует недолго, и первыми пропадают именно магические способности. Вот почему лже-Бабай телепортировался в квартиру, а на обратном пути был вынужден прыгать с четвёртого этажа.

Пазл сошёлся. Тугарин сидел на веранде «У Вано» и слышал их с Василисой разговор про обыск в квартире. И в администрации ожидал приёма тоже он, когда Старый Филин обещал поискать информацию про метасказку. Бизнесмен слыл любимцем танцовщиц из «Волшебного восторга», где и познакомился с Бабаем. Конечно, Алёна с удовольствием согласилась на встречу! И у него имелись деньги на покупку оборотного зелья в неограниченном количестве, в отличии от нищего Тимура. А когда Егор катал яблочко по тарелочке и следил за подозреваемыми через артефакт, что делал Тугарин? Изучал «Сказки народов Сибири» в поисках последнего, тринадцатого фрагмента. В книге ответов не нашлось, вот и пришлось выдумывать убедительный повод, чтобы собрать специалистов в одном месте. А если бы Василиса не обмолвилась об открытии? Кто знает, что задумал устроить в детском лагере маньяк ради обретения безграничной власти?

Подъехал раздосадованный Тимур. От машины за версту разило моющими средствами, но сквозь запах шампуня про-

бивался всё тот же сладковатый душок. Егор влез на переднее сиденье и потянулся к ремню. Обивка кресел была ещё влажной, чистые стёкла непривычно блестели. Едва водитель разинул рот, чтобы высказать всё, что думает об эксплуатации дружбы, Егор шлёпнул ладонью по бардачку:

– Гони, твою мать! Там детей полный лагерь!

Проглотив заготовленную речь, Тимур в два захода развернул колымагу. Если уж спокойный, доброжелательный Одинцов сорвался на крик, значит дело нешуточное.

Территорию крематория окружал забор с автоматически-ми воротами. Пока створка ползла с монотонным гудением, освобождая проезд, машину догнали Василиса и Кот Баюн. Последний дёрнул дверцу, выпалив:

– Куда это вы намылились без меня?

Пропустил девушку вперёд и юркнул в салон, где сразу принялся наводить марафет: поправил задравшийся джемпер, уложил складки шарфа и заправил под резинку выбившуюся из пучка прядь, поймав отражение в зеркале заднего вида.

Егор выдавил воздух сквозь зубы. Можно, конечно, вышвырнуть наглого пижона обратно на улицу, но да чёрт с ним. Лишняя потеря времени, которого и так осталось в обрез. Жаль, не удалось отговорить Василису от совместного рейда. Кто знает, как поведёт себя разоблачённый Тугарин Змей? Захочет ли убийца, растерзавший целую семью, спокойно сдать в руки властей? Тугарин, конечно, простой го-

ловорез, а не чудо-юдо о семи головах. Но раз уж народная память о разбойнике просуществовала столько лет, значит противник он серьёзный, недооценивать его не стоит. Наверняка сильнее и опаснее обычного человека. А ехать в лагерь пришлось безоружным, табельный пистолет был сдан.

Пока машина, подвывая трансмиссией, неслась по шоссе, Егор весь извёлся, не находя себе места. Барабанил пальцами по коленке, дважды пытался подрегулировать до упора отодвинутое сиденье, измучил водителя вопросами «Далеко?» и «Сколько осталось?», хотя взвинченный Тимур и без того огрызался на любой чих. Атмосфера в салоне наэлектризовалась до предела. Один Баюн успел вздремнуть, стянув модные кожаные кеды и забившись в уголок. Может, зря Егор не попросил содействия у Кощея или не позвонил Бабе Яге? Но что он за специалист, если при каждом удобном случае будет бросаться за помощью к старшим? Разве такому работнику доверят целый отдел? Нет, не надо никого звать. Справятся сами. Тимура вон хлебом не корми, дай ввязаться в драку. Да и Баюн со своим гипнотическим даром успел себя проявить.

Хитрый разбойник организовал детский лагерь подальше от города – ехали без малого полтора часа, как следует углубившись в тайгу, захватившую большую часть области. С середины пути ландшафт начал меняться. Поднялись заросшие лесом холмы и сопки, в прорехах между стволов заиграла бликами озёрная гладь. Но Егор был не в состоянии

любоваться пейзажем. Разве что отметил качество дороги: асфальт по всему маршруту оставался ровным и гладким, словно чертёжный ватман. Обычно, стоило отъехать от стелы «г. Верхне-Волчанск. Основан в 1708» на десяток километров, как начинались колдобина на колдобине. Колдун-деревообработчик раскошелился, не иначе.

Солнце припекало сквозь лобовое стекло, к концу поездки в салоне стало душно. Тимур покрутил ручку, опуская окно. В щель задул ветерок, принося с собой запах сосновой смолы. Мелькнул указатель «Оздоровительно-туристический лагерь Аймак 1 км». Егор выпрямил спину и подобрался на сиденье. Нервы натянулись, словно трос ручного тормоза, ладони сами собой сжались в кулаки.

Вот и съезд с шоссе. Дорога сузилась и превратилась в пыльную двухполоску, запетлявшую среди деревьев. На асфальте чередовались пятна света и тени от крон, от птичьего щебета звенело в ушах. Незнакомая Егору кроха, с хохолком и белыми полосками на крыльях, перепорхнула с асфальта на обочину, испугавшись шума. В запах нагретой на солнце хвои влился медовый аромат каких-то цветов. Показались ворота, подвешенные на резных столбах вроде индейских тотемов, с мордами диких зверей. Над ними блестела свежей краской вывеска с буквами, стилизованными под древнюю вязь: «Добро пожаловать в лагерь Аймак!». Вопреки приветствию, ворота были закрыты. Из похожей на перевёрнутый стакан будки при КПП выглянули двое охранников в корич-

невых брюках и светло-зелёных рубашках с короткими рукавами. Тот, что помоложе, спросил:

– Вы на открытие? Придётся подождать. Начало в шесть, пока ведутся подготовительные работы.

Василиса высунула золотистую головку в открытое окно и помахала прихваченными из крематория бумагами:

– Мы из администрации, документы привезли. От Ярослава, – добавила она, на всякий случай обойдясь без «Великого князя».

– Тугоркай Сутоевич не отдавал никаких распоряжений. Документы можете оставить у нас, мы передадим.

– Баюн, твой выход, – шепнул Одинцов.

Но тот ответил, с досадой дёрнув уголком рта:

– Не получится, их двое. А я могу воздействовать только на одного.

– Чего раньше не сказал, чёрт тебя задери?

Василиса продолжила громко препираться с охраной, настаивая на личной передаче документов. Мужики оставались вежливы, но непреклонны. Одинцов прикусил губу, лихорадочно соображая. Если устроить скандал, охранники позвонят кому-нибудь из начальства или самому Тугоркаю Сутоевичу, как, должно быть, звали Тугарина Змея в миру. Злодей насторожится, нехорошо. Ворота на въезде не раздвижные, как в крематории, а распашные, запертые на простой навесной замок. А если...

Егор наклонился к плечу водителя:

– Вышибай.

Кровь отхлынула от лица Тимура, но друг решительно выпятил нижнюю челюсть. Его развалюха хоть и выглядела кучей хлама на колёсах, зато собрана была на совесть и не единожды держала удар. Да и бампер на ней стоял не пластиковый, как на рабочем УАЗе, а металлический, сварной. Колымага чуть сдала назад, якобы для разворота. Дважды щёлкнул рычаг передач. Тимур собрался с духом, буркнул «Держитесь!» и вдавил педаль в пол.

Ворота неожиданно резво скакнули навстречу. Заорала охрана, но было поздно: бампер с железным лязгом врезался в створки ворот. Что-то проскрежетало у самого уха, дужка замка не выдержала, и машина, не сбавляя хода, вырвалась на территорию лагеря. В боковом зеркале махали руками взбешённые мужики, но Тимурова развалюха с победным рыком и дребезжанием мчалась дальше. Туда, где за деревьями виднелись аккуратные домики с черепичными крышами. Ещё минута стремительных манёвров, и на окружённой бетонными блоками стоянке водитель вдарил по тормозам. После чего выпрыгнул наружу, не отставая от пассажиров.

Егор огляделся. Зелень, клумбы, кусты можжевельника. Среди сосен и берёз – одинаковые корпуса, наверняка предназначенные для детей. Ближе к стоянке располагалось двухэтажное здание из красного кирпича, перед ним – площадка со скамейками и фонтаном, декорированным под руче-

ёк, струящийся среди камней. Повсюду разбросаны деревянные скульптуры бородатых шаманов и покрытые мхом валуны. На не ошкуренном бревне растопырились веером стрелки указателей. Бассейн, столовая, спортивная площадка, администрация. Последняя стрелка указывала на чисто выметенную дорожку, ведущую на восток.

– Туда!

Но время было упущено: незваных гостей обступили сотрудники лагеря, облачённые в одинаковую зелёную форму с бейджиками на груди. Замер, прищулив восточного разреза глаза, старик с механической газонокосилкой. Две женщины, катившие тележку с вёдрами, остановились и вопросительно оглянулись на третью, с седым каре. К ним спешили недовольные работяги в строительных комбинезонах.

– Твою дивизию... – обречённо выдохнул Одинцов.

Подспели и запыхавшиеся олухи с КПП.

– Это частная территория. – От собравшейся толпы отделился мужчина, судя по рации и нашивке на рукаве – кто-то старший в охране. – Вы обязаны её покинуть, возместив нанесённый ущерб.

– Где Тугарин Змей?

– Кто? – очень натурально удивился охранник. Ростом он уступал участковому на полголовы, зато по ширине корпуса, пожалуй, превосходил. – Театрализованное представление запланировано на вечер, после церемонии открытия. Однако вас на него не пригласят.

– Тугоркай, чёрт тебя дери... – крикнул Егор, забыв вторую часть сложного имени. Он едва удерживался от желания схватить собеседника за грудки – Хозяин где?

– Покиньте территорию немедленно. Иначе я задержу вас до...

До чего именно, осталось неясным – Тимур выскочил вперёд и заехал охраннику в челюсть кулаком. От души, с многообещающим хрустом.

– Беги, мы их задержим!

Перепрыгнув поверженного противника, Тимур метнулся к следующему. На Баюна набросились сразу трое. Первый отпрянул с расцарапанной щекой, второй, коротко вскрикнув, согнулся пополам, с третьим завязалась драка. Егор стряхнул чью-то мозолистую граблю, не глядя, вломил локтем под дых и на полной скорости влетел в толпу, надеясь пробить в оцеплении брешь.

Сперва ему удалось распахать вставших плечом к плечу работяг. Тренировки не прошли даром, да и силой его природа не обделила. Но в следующий миг сотрудники лагеря, и мужчины, и женщины, и даже молоденькие девушки-вожатые, сменили ипостась. Егор не понял, как это произошло. Соткались туманные коконы, замерцали голубоватые искры. И вот уже на врагах не зелёная униформа с бейджиками на прищепках, а доспехи из кожи с нашитыми поверху железными бляхами. Секунду назад перед ним стояла деловая мадам с седым каре и ниткой жемчуга под воротом водолазки.

А теперь она же целилась в Баюна из лука, хищно оскалив зубы. На пепельных косах брэнчали кольца, с меховой шапки свисали, позвякивая на ветру, серебряные цепочки. Давешний старик сжимал в руках совсем не газонокосилку, а длинное копьё с треугольным наконечником. Оглушённый охранник поднялся, на голове его матово поблёскивал шлем из потемневшей стали с острым навершием, украшенным волчьим хвостом. В глазах Егора зарябило от надетых под доспехи цветных кафтанов, узоров на шароварах и богатых поясов с ножнами, подвешенными на боку.

Слишком поздно он вспомнил: «Тугарин Змей был не простым разбойником, а главарём!»

Лезвия сабель вспыхнули при свете дня.

Егор напружинился, готовясь выбить копьё из рук ближайшего противника. Его товарищи тоже сбросили человеческий облик. Баюн не стал оборачиваться котом, прервал трансформацию на чём-то среднем. Челюсти раздались и вытянулись, вмещая обновлённый комплект клыков. Модные кеды порвались на носгах, глаза загорелись, словно фары заднего вида. Он угрожающе зашипел и выпустил когти на удлинившихся мосластых руках.

Василиса подпрыгнула подобно боевому монаху из фильмов про Шаолинь. Едва её ноги коснулись земли, их обернул подол изумрудного сарафана. Только теперь к нему прибавились наручи с травлёным узором, чеканный нагрудник и расшитые бисером поножи над голенищем сапога.

Но больше всех удивил Тимур. Низкорослый бурят превратился в дородного краснокожего демона с рогами, торчащими из-под замысловатой шапки. На ногах его болтались широкие штаны, плечи скрывала разноцветная хламида с повязанными тут и там пёстрыми лентами, громадный кулак стискивал дубину.

– Мы дали вам шанс разойтись миром. – Охранник в пластинчатом доспехе довольно ослабился и положил ладонь на рукоять сабли, наполовину извлечённой из чехла. – Вы сами выбрали свою судьбу.

В голове Одинцова пронеслась высокопарная мысль: «И грянул бой». Куда там до драки футбольных фанатов, в какую он однажды угодил вместе с Томским ОМОНОм... Это была настоящая былинная схватка, с грохотом щитов, свистом стрел и лязгом булата.

Баюн намотал на кулак цепь, материализовавшуюся вместо шарфа. Дзын-н-нь! Над толпой прокатился звон, словно черпаком ударили по котелку. Это звенья цепи столкнулись с железной накладкой на чьём-то щите. Разбойник в шлеме с волчьим хвостом издал горловой клич. Войны навалились со всех сторон, но Тимур-Шолмос махнул пудовой дубиной, одним ударом разбросав их по кустам. Краем глаза Егор заметил изумрудное сияние, испускаемое магическим луком. Точно – из-за спины вылетела призрачная стрела. Но не достигла цели, а растворилась, перерубленная пополам. Ещё одна угодила в круглый щит, исписанный палочками и

закорючками. И тоже бесславно погасла, не сумев преодолеть защиту. Зато третья вышибла нацеленную на Егора саблю, и тот, наконец опомнившись, принялся расчищать себе дорогу.

Жилистый степняк в боевой маске-личине едва не оставил его без головы. Вовремя присев, Одинцов двинул врагу в кадык, а затем перехватил занесённую руку, выкрутив запястье так, что сабля выпала из кулака. Тут же сделал подсечку визжащей женщине, кинувшейся с ножом. Рванул дальше, отбиваясь от града ударов, сшибая разбойников с ног. И слишком поздно различил в шуме схватки опасный свист. Успел лишь обернуться и увидеть, как брошенное копьё на лету обмотало цепью. Баюн сделал рывок, и древко отскочило назад, тюкнув по черепу кого-то из врагов. Василиса вскрикнула:

– Берегись!

Егор отпрянул, пропустив ещё одно копьё, метившее под ребра. Прыжком настиг разбойника, провёл захват и швырнул через себя, в кучу малу из дерущихся фольков. Тимур-Шолмос, словно вилочный погрузчик, поддел его загнутыми рогами и перекинул на лучника, мечущего стрелы в Баюна. Оба разбойника повалились на клумбу, сминая пышные заросли георгин.

Призрачные снаряды Василисы падали изумрудным дождём. Вместе с ними сыпались материальные, втыкавшиеся в землю чуть ли не на половину длины. Баюн закрепился на

детской площадке, где ловко сновал по верёвочным лестницам и турникам. Разбойники ярились вокруг, силясь достать изворотливого фолька. А тот в ответ хлестал цепью, с громким бряцаньем попадая по доспехам. Внезапно Баюн схватился за канат, раскачался и перемахнул окруживший его строй, очутившись у врагов за спиной. Пнул одного, полоснул когтями другого.

Пользуясь тем, что разбойникам стало не до него, Одинцов бросился к администрации.

– Егор! Лови!

Василиса навесом метнула что-то маленькое, золотистое, оказавшееся волшебным кулоном. Сжав артефакт в кулаке, участковый припустил по дорожке не хуже спринтера, рвущегося к финишной черте.

Главный корпус стоял открытым. Егор поднажал и в последний момент спрятался внутри – по хлопнувшей двери дробно проколотили стрелы. Одна пробила преграду, едва не распоров щёку острым наконечником. Подперев створку спиной, Егор нащупал замок, закрылся и только тогда позволил себе перевести дух.

В холле было пусто. На офисном столе, передвинutom ближе ко входу, лежали разложенные веером брошюры с фотографиями улыбчивых вожатых и подписью «Аймак. Живая история нашего края». Рядом валялась россыпь сувенирных значков и брелочков, выстроились в ряд бутылки с минеральной водой. Похоже, Тугарин Змей планировал разыг-

рать настоящее открытие лагеря, хотя бы на первых порах. Само помещение было украшено какими-то корягами, бубнами и шкурами из искусственного меха. Окна простирались от пола до потолка, на верхний этаж вела деревянная лестница в два пролёта. Ноздри щекотал слабый запах шпаклёвки и свежей краски, выветрившийся не до конца.

Крадучись, Одинцов преодолел первый пролёт и вслушался в тишину. В здании установили хорошие стеклопакеты – снаружи не доносилось ни грохота, ни криков. С еле заметным гудением работал кондиционер. Второй пролёт, перила из покрытых лаком сосновых брусьев кажутся гладкими и немного липкими на ощупь. Прямоугольная площадка, выход в коридор. Слева и справа – тёмно-коричневые двери с медными табличками. Егор приоткрыл ту, на которой значилось «Конференц-зал». Надпись не обманула, внутри и вправду обнаружился длинный стол из полированного камня, красно-бурого с прожилками. Вокруг были расставлены кресла, середину украшал букет из флажков на позолоченных подставках: с российским триколором, гербом города и логотипом «Верхе-Волчанского деревообрабатывающего концерна». На дальней стене белел экран для проектора, рядом побулькивал кулер с водой. Участковый вернулся в коридор. В комнате напротив располагался пункт первой помощи. Это подтверждал запах лекарств и медицинского спирта, ощущавшийся даже сквозь запертую дверь. Послышались голоса, взрослый и два детских. Точно не с улицы.

Егор устремился на звук, стараясь не шуметь и больше не отвлекаясь на прочие помещения.

Кабинет с табличкой «Дирекция». Участковый прикинул ухом к двери и аж скрипнул зубами: хрипловатый мужской голос уговаривал кого-то не капризничать и вести себя хорошо. Отвечавшие ему девочки не соглашались и были готовы, судя по тону, немедленно расплакаться.

– Я не помню!

– Я тоже! Не буду! Не скажу!

– Вы всё помните, у вас получится. Давайте, вместе со мной: «В диком поле кони мчатся...»

Одинцов повертел зажатый в руке кулон. Твою дивизию, как его включать? Может, надо произнести заклинание? Нет, раз Василиса его отдала, волшебный лук должен работать без дополнительных условий. Но как?!

– Не хочу-у-у!

Детский крик стал последней каплей. Егор ворвался в кабинет, хлопнув дверью о стену и выставив вперёд наконечник стрелы. Глядишь, разбойник узнает магическое оружие и поостережётся делать глупости.

– Отпусти их!

Тугарин Змей, без очков, в тёмно-сером джемпере поверх рубашки, сидел на корточках перед двумя близняшками лет пяти-шести. Девочки были наряжены в национальные костюмы – платья с оборчатými юбками и бархатными жилетками. Длинные рукава с разрезами от локтя украшала меховая

опушка, маленькие черноволосые головки увенчивали плоские шапочки, к которым крепились полупрозрачные платки.

Увидев перекошенное от злости лицо участкового, одна малявка распахнула миндалевидные, обрамлённые пушистыми ресницами глаза, а другая очень серьёзно спросила:

– Папа, кто это?

Папа?! Егор так и остолбенел с протянутой рукой.

– А это дядя-артист. Будет играть дурачка на нашем празднике. Нам с ним надо поговорить, а вы пока идите, порепетируйте сценку, – мягким, подсюсюкивающим тоном ответил Тугарин Змей. Бросил взгляд в коридор, затем на окно. Там как раз повалился на лужайку кто-то из разбойников, широко раскинув ноги в остроконечных сапогах. Следом, поигрывая дубиной, протопал Тимур. – Только на улицу пока не выходите, оставайтесь у себя в комнате.

– Хорошо! – хором пискнули девочки и, весело хихикая, шмыгнули мимо Егора.

Мужчины в полной тишине проводили близняшек взглядами. Когда топот башмачков затих вдали, Тугарин Змей холодно поинтересовался:

– Как это всё понимать?

Голос бизнесмена звучал спокойно, но на бритой щеке дёрнулся мускул.

– Старший сержант полиции Егор Одинцов, – представился Егор, желая потянуть время. – Я уполномочен Ягой Ягнишной вести расследование для общины.

– Какое расследование? Причём здесь я? – Тугарин начал заводиться, но вовремя взял себя в руки и предложил: – Присаживайтесь, поговорим.

Хозяин кабинета опустился в массивное кожаное кресло. Егор устроился напротив. Теперь собеседников разделял письменный стол, совершенно пустой, не считая чашки с чаем и закрытого ноутбука с «яблочной» эмблемой. Участковый сунул кулон в карман джинсов, откинулся на спинку и положил руки на подлокотники, желая произвести впечатление уверенного в своей правоте профессионала. Однако, бывая убеждённости таяла на глазах.

– Вы подозреваетесь в убийстве пяти человек, а также в нанесении тяжёлых травм архивариусу администрации.

– Старому Филину? – вытаращился на участкового Тугарин Змей. – Пяти человек? Да я никого и пальцем не тронул за последние шестьдесят лет! А до этого, знаете ли, была война.

Бизнесмен скривил рот и скрестил руки на груди. Шерстяная ткань натянулась, очерчивая внушительные бицепсы, ноздри горбатого носа гневно подрагивали. На бритую макушку упал солнечный блик. Через стекло за его спиной было видно, как толпа разбойников догоняет улепётывающего Тимура. Давешняя дамочка с седыми косами метала стрелы. Оперённое древко вонзилось краснокожему демону под лопатку, что никак не повлияло на его скорость. Былинное сражение начало приобретать оттенки фарса.

– Где вы находились двадцать второго августа, между половиной третьего и четырьмя часами ночи? – Егор постарался придать тону твёрдости. Вопрос был ключевым – именно в это время вырезали семью на Молодёжной.

– Дома.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Дети, у меня ещё есть старший сын, ему одиннадцать. Няня и гувернантка, обе работают с постоянным проживанием. С женой я в разводе, но мы разговаривали по скайпу около часа. Персонал и бывшая жена – люди, они ничего не знают о моей природе. Прошу это учитывать, если вы собираетесь проводить допрос.

Упавшим голосом Одинцов задал следующий вопрос:

– А что на счёт ночи со среды на четверг? Во сколько вы ушли с богатырских боёв?

Убийца напал на Старого Филина именно ночью, пока тот оставался в здании один. Утром на дежурство заступила старуха с проходной. А она дремала чутко, Егор не раз имел возможность в этом убедиться. Никто бы незаметно в архив не прошмыгнул, и уж тем более не вышел неопознанным после устроенного беспорядка. Не мог Филин упасть вместе со стулом и не нашуметь. Или преступник телепортировался, пользуясь особыми умениями Бабая? Нет, тот наводился только на спальни, а не на рабочие помещения.

Тугарин Змей замялся. Недовольно поджал губы, покопался на открытую полку стеллажа, где стояла фотография в

рамке. На ней были запечатлены сам бизнесмен, трое детей и миловидная женщина с округлым добродушным лицом.

– Этой ночью я тоже был не один.

– С семьёй?

– Нет. Между нами, понятно? – Тугарин безо всякой цели передвинул ноутбук. Затем сцепил руки в замок и подался вперёд, навалившись на край стола. – Царю Гороху стало плохо. В его возрасте нельзя злоупотреблять алкоголем. Ни в каком нельзя. В общем, я помог Василисе Прекрасной довести его до дома и уложить спать. А сам... остался. У нас с женой... бывшей женой сейчас сложный период...

Бизнесмен-деревообработчик завёл длинную речь, что брак – это постоянный поиск компромиссов и что он, несмотря на прожитые столетия, всё еще не научился понимать женщин. Удручённый Одинцов слушал откровения вполуха. Построенная им аналитическая конструкция рассыпалась на бесполезные куски. Конечно, Тугарин мог наврать про алиби, и необходимо будет проверить информацию, побеседовав и с няней, и с неверной спутницей Царя Гороха. Но в душе участкового зрела убеждённость, что он снова ошибся и взял неверный след.

– Шайтан! – внезапно выругался бизнесмен и выскочил из кабинета.

В окне, на видневшейся за сквером парковке, желтело что-то большое. Приглядевшись, Егор понял, что это школьный автобус. Через секунду на лужайку перед зданием ди-

рекции хлынула ватага первоклашек. Разбойники, завалившие-таки демона-Тимура и взявшиеся скрутить его верёвками, застыли, не зная, как поступить.

– Твою дивизию! – Одинцов кинулся следом, сам не зная для чего.

Когда он выбежал на улицу, малышня вовсю буйствовала на лужайке, разом укротив и разбойников, и былинных героев. Визг поднялся такой, что с дерева, не выдержав, упорхнула стая птиц. Трое мальчишек вскарабкались на поверженного Тимура и принялись скатываться с алеющего пуза, словно с горки. Ещё трое обступили степняка в шлеме с волчьим хвостом и хватались за доспех шустрыми ручонками. Девочки больше интересовались роскошным нарядом Василисы. Кто играл в догонялки, кто пулялся камешками в щиты, кто с радостным криком пинал чей-то круглый шлем, замечательно заменивший футбольный мяч. Баюн обнаружился в кроне развесистого клёна. Встретившись с Одинцовым взглядом, Кот умоляюще поднёс палец к губам.

– Простите, что раньше срока. Так получилось. А ворота были открыты. – Невысокая пухленькая воспитательница, извиняясь, развела руками.

– Ничего-ничего, – вымученно улыбнулся Тугарин Змей. – Мы рады вас видеть в любое время.

– Репетируете, да? Великолепные костюмы! Я так рада, что в нашей области появился подобный культурно-просветительский проект. В вашем буклете совершенно верно на-

писано – наша земля славится не только материальными богатствами, но и духовными. Сколько интереснейших легенд...

– Дамегуль, будь добра, позаботься о гостях.

Дама с седыми косами перехватила воспитательницу под локоток и увела подальше от бизнесмена. Та продолжала восторгаться окружающим ландшафтом и актёрской игрой. При этом успевала приглядывать за детьми, время от времени бросая:

– Катенька, не бегай! Костик, так нехорошо! Верни дяде саблю, это дорогой реквизит!

Одинцов, натянувший на физиономию такую же вежливую улыбку, шёпотом поинтересовался у Тугарина:

– А книга «Сказки народов Сибири» для чего?

– Памятный подарок в честь открытия. У нас интереснейший край с по-настоящему самобытной культурой. Хочу, чтобы дети знали историю своей земли. Лагерь доступен для всех желающих, отдельная программа разработана для воспитанников детских домов и детей из малообеспеченных семей. Путёвками будут награждаться победители конкурсов и соревнований, отличники учёбы. Почему это вас так интересует?

– Хороший проект, – ушёл от ответа Егор. И почувствовал себя полным болваном, едва не испортившим детям праздник.

Он скромно извинился за вторжение и выслушал натяну-

тые уверения, что всё в порядке, и община ценит рвение молодых специалистов. Затем махнул рукой, подзывая друзей. Территорию лагеря все четверо покидали как в воду опущенные. Охранник на въезде, в испачканной рубахе и с подбитым глазом, плюнул вслед автомобилю, показав неприличный жест.

– Что теперь? – робко уточнила Василиса, когда машина выехала на шоссе и помчалась обратно в город. Из троицы фольков девушка пострадала меньше всего. Тимур, страдальчески морщась, щупал себя под лопаткой, Кот Баюн с кислым видом разглядывал угробленную обувь. Сквозь дыры в кедах высовывались ярко-оранжевые носки, тоже рваные.

– А можешь позвонить сестре, Василисе Прекрасной? Спроси, с кем она провела ночь после боёв.

– Двоюродной сестре... – поправила Василиса Премудрая. Но мобильный достала и номер набрала. Судя по односторонним репликам, изменница долго отнекивалась и не желала говорить правду. Но Василиса дождала-таки тёзку, пообещав, что показания будут считаться следственной тайной.

– Всё правда, – со вздохом подтвердила девушка, закончив звонок. – Сестрица наставила Царю Гороху большущие рога. Утверждает, что первый раз в жизни и очень об этом жалеет.

– Ага-ага, а мы прям верим, – хохотнул Баюн.

Одинцова моральный облик неверной красавицы мало интересовал.

– Во сколько Тугарин Змей от неё уехал?

– Не раньше одиннадцати утра. Они даже позавтракали, пока Горох валялся в отключке.

– Что ж... Значит, наш бизнесмен точно не при чём.

Егор с досадой побарабанил пальцами по коленке. Поцарапанный бампер, рваные кеды и возможность исключить одного подозреваемого из списка – вот и весь итог бесславного рейда.

– Слушай... – обратился он к Василисе. – А почему ты так выглядишь в истинной ипостаси? Разрез на сарафане, наручи, доспех... Разве в русских сказках персонажи не по-другому одевались?

Вопрос был неважным, но давно его волновал.

– Это всё влияние фэнтези, – влез в разговор болтливый Баюн. – Нынешним детям зрелищности подавай. Здоровенные мечи, бронелифчики...

– А мне нравятся бронелифчики, – заметил Тимур, правую руку положив на руль, а левой обследуя заметно распухшее ухо.

Егор хотел заверить приятелей, что ему тоже, но в кармане завибрировал телефон. Он ткнул пальцем в иконку с конвертом – пришло сообщение от Кулмагамбетова. Ответственный коллега выполнил просьбу и настроил подробный доклад, ответив по порядку на три вопроса.

На Молодёжной взорвался газовый баллон. Большой, на пятьдесят литров. Зачем семья хранила его в квартире, учитывая, что дом подключён к магистральному газопроводу, никто объяснить не сумел. Следователи предположили, что баллон предназначался для отправки на дачу. Хотя девять соток, записанных на погибшую семью, тоже были соединены с главными коммуникациями.

Документы на серебристый Лексус оказались в полном порядке. Фамилия Олежика звучала претенциозно: Старовойтов-Базилевич. Отчество: Станиславович. Олег Станиславович действительно приехал из Москвы, где работал на малоизвестную контору в должности заместителя начальника отдела капитального строительства. Женат, супруга недавно родила сына, ещё двое детей было нажито в предыдущем браке. В связи с рождением третьего ребёнка успешный столичный бизнесмен подал иск на уменьшение алиментов. Суд прошение удовлетворил. Похоже, кавалер Светке достался незавидный, с гнильцой. И паковать чемоданы для переезда в Москву Егор пока бы ей не рекомендовал... Но супружеская измена – не преступление. А в остальном прицепиться было не к чему: не замечен, не имел, не привлекался. На Олежике числилось два штрафа за превышение скорости и один за запуск фейерверка с балкона офисного здания. Компания, отправившая Олежика в командировку, тоже богатой историей не отличалась. Возникла чуть больше года назад, вела дела в нескольких городах Сибири, но ни

одну стройку пока не завершила.

А вот когда Егор добрался до третьего пункта, губы его сжались в полоску, а челюсти напряглись так, что скулы светело.

В базе Верхне-Волчанского МВД нашлась фотография человеческой ипостаси Бабая вместе с коротким досье. Официальное имя покойного Егору ни о чём не говорило – какой-то Геннадий Кузнецов, семьдесят девятого года рождения. Прописан в Томске, значит по месту регистрации не живёт. В поле зрения полиции попадал всего раз, за распитие спиртных напитков в общественном месте. Для этого самого распития Бабай Кузнецов выбрал крайне неудачное место – лавку в сквере напротив отделения. А задержал его... младший лейтенант Михаил Георгиевич Новосельцев. Муха, продажная мразь!

Глава 14. Слежка

24 августа 2012 г. Пятница, семь часов вечера.

Очень хотелось начистить Михе рыло, но Одинцов отказался от очередного кавалерийского наскока. В памяти пока не изгладилось ощущение унижительного провала в детском лагере «Аймак». Нет, действовать надо осторожно, чтобы не выставить себя дураком и никого не спугнуть. Вчера Миха дежурил. Егор был в этом уверен, поскольку графики у них совпадали. Да и волшебная тарелочка показала, как сослуживец вешал инструкцию на стенд в опорном пункте. Получается, сегодня у гадёныша выходной. Егор бросил взгляд на часы – две минуты восьмого. Миха отпахал суточную смену. Днём, скорее всего, спал. А к вечеру как раз должен набраться сил и отправиться на поиски приключений. Парень он холостой, непоседливый, да ещё живёт с родителями и младшей сестрой – куковать перед телевизором не останется.

– Тимур, едем на Героев Полярников, знаешь семиэтажный дом в самом конце?

– Я тебе чё, такси? Спасибо скажи, что до города довёз.

– Ну будь человеком, последний раз о чём-то прошу!

Друг промолчал, но Егор знал его достаточно хорошо, чтобы понять: ни просьбы, ни угрозы, ни прочувственные речи об общественном долге не помогут.

Так и есть. На первом же светофоре развалюха притормо-

зила, вибрируя, тарахтя и отчаянно дымя. Тимур включил левый поворотник, игнорируя просьбу отправляться на улицу Героев Полярников.

– Мы тебе заплатим! – нашлась Василиса. – У нас есть деньги на расследование!

– Сколько?

Зажёгся зелёный свет. Машина, стоявшая первой в ряду, тронулась с места.

– Десять тысяч.

– Двадцать.

– Пятнадцать.

Сзади надавили на клаксон, подгоняя застрявший у перекрёстка автомобиль.

– Восемнадцать.

– Договорились, восемнадцать, – сдалась Василиса.

– И бензин с автомойкой оплатите! И еду!

Нетерпеливые сигналы раздавались уже со всех сторон.

– Хорошо! Езжай давай, ради всего святого!

Тимур, наплевав на щёлкающий поворотник, рванул вперёд, едва не притеревшись бортом к Хонде из соседнего потока. Вильнул, огибая встречу, и проскочил между двумя маршрутками, оставив на перекрёстке неразбериху и затор. Вслед наглецу понеслась какофония автомобильных гудков, но тот даже не оглянулся. «А ведь у него права отобрали, – некстати вспомнил Егор. – Сдаётся, община переплатила за сделку».

Мобильный Василисы пиликнул, подтвердив перевод со счёта на счёт.

– Фонд почти исчерпан, – печально констатировала девушка. – И бабушка вряд ли его раньше времени пополнит, у неё все деньги в обороте.

– А куда мы так бодро рванули? – любопытствовал Баюн, когда машина, следуя указаниям навигатора, через триста метров повернула направо.

В этот раз Одинцов решил ничего не утаивать. Поделись он своими подозрениями в адрес Тугарина Змея заранее, на холодную голову, и Василиса с Баюном наверняка нашли бы способ незаметно проверить алиби бизнесмена. Тогда обошлось бы без позорной драки с разбойниками, на деле оказавшимися образцовой охраной. Не хотелось бы наступать на те же грабли.

– Один коллега, Миха... Михаил Новосельцев, тоже участковый, ведёт какие-то непонятные дела с парнем моей бывшей девушки. Я понимаю, как это звучит. Но этот хахаль приехал из Москвы якобы руководить строительством нового квартала. А сам вместе с Михой что-то мутит. И Пиковая Дама с ними заодно. Я видел всех троих на фото, сделанном на вечеринке в «Волшебном восторге».

Василиса поразилась:

– Прямо в клубе? У Бабы Яги под носом?

– Эта может, наглая, – с неприязнью заметил Баюн. – Ей подобные выходки только в кайф.

Тимур просто присвистнул.

– А сейчас мне сообщили, что Миха Новосельцев в июне забирал Бабая в участок за распитие спиртного на улице. Мог он тогда услышать о метасказке? Мог. Бабай спьяну похвастался или захотел откупиться, да мало ли. А с танцовщицей Алёной точно знаком его подельник Олег, жаловался ей на алименты.

Егор, не останавливаясь, выложил накопленные соображения. И про убийство свидетельницы, собиравшейся встретиться с кем-то из приятелей. И про памятный ужин в ресторане «У Ваню», и про скандал в здании администрации фольков, после которого Олежик пропал с выключенным мобильным неизвестно где аж до середины следующего дня.

Тимур, принимавший в скандале непосредственное участие, вспомнил, что ведьма Наиночка действительно очень рассердилась. Прошипела заклинание, трижды топнула ногой и отправила москвича вместе с Храбрым Бараном к чёрту на кулички. Тимуру бы тоже не поздоровилось, но он сумел отбрехаться, осыпав ведьму комплиментами и уверениями в безграничной покорности и любви. Егор не удивился. Изворотливый бурят всегда умел ладить с женщинами.

Завершив рассказ, Одинцов поинтересовался:

– А какие у Пиковой Дамы особые умения?

Ответил Баюн. Как участковый успел заметить, Кот охотно собирал слухи и вообще был кладезем информации о жителях города Верхне-Волчанска.

– Она превращает зеркала в порталы. Если те достаточно большие, чтобы пролезть. Перемещаться может только сама. Взять приятеля за компанию или отправить какой-то предмет, например, кинуть гранату, не способна. Но с фольками фокус не пройдёт: у нас в общине на зеркала наносят защитные чары.

– В квартире на Молодёжной наверняка были обычные зеркала, безо всяких заклинаний, – участковый потёр щеку, с удивлением нащупав многодневную щетину. Когда он брился в последний раз?

Василиса возразила:

– Но зачем тогда прикидываться Бабаем?

– Чтобы его подставить? – предположил Тимур. – И отвести от себя подозрения?

Егор покачал головой.

– Нет, убийца взорвал квартиру, лишь бы уничтожить улики. Чтобы мы ни в коем случае не узнали, что он обернулся Бабаем. А значит, от Бабая тянется ниточка, по которой можно на него выйти.

– Согласен, – Кот Баюн вытянул руки между сидений и похрустел суставами пальцев. – Если бы Бабая хотели подставить, действовали бы демонстративно. Якобы случайно оставили зацепки на месте преступления и позволили нам их найти. Зачем настолько всё усложнять?

Одинцов принялся размышлять вслух:

– Хорошо, предположим, это не Пиковая Дама, а её со-

общник. На террасе «У Вано» рядом с нами сидел Олег. Он подслушал разговор про обыск квартиры... Точно! – Егор шлёпнул ладонью по лбу, удивляясь, и как только раньше не догадался соединить два известных факта. – В этом ресторане незаконно пользуются газовыми баллонами! Олег стянул один с кухни, когда весь персонал выбежал на улицу поглазеть, как мы гоняем по парковке Барана. А Вано Хуцишвили подавать заявление не стал, ведь тогда ему пришлось бы признаться в нарушении и иметь дело с инспекцией.

Опустив окно, Тимур выставил наружу локоть, расслабленно руля одной рукой.

– Складно чешешь, братюнь. Но москвич-то откуда узнал про баллон?

– Ну мало ли... Да, ещё про Пиковую Даму. В той стычке она угрожала игральными картами, с которых капала какая-то дрянь. Чёрная...

– Про такое не слышал, – признался Баюн. – Сильные фольки способны приобретать новые умения. А Пиковая Дама – сволочь матёрая, живёт не одну сотню лет. Что будем делать?

– Проследим за Михой, – принял решение Егор.

За всеми этими разговорами машина незаметно добралась до Героев Полярников. Догадливый Тимур остановился не перед самым подъездом, а чуть в стороне, на парковке небольшого торгового центра. Заглушил двигатель, отстегнул ремень и уткнулся в телефон, намекая, что община

оплатила только водительские услуги. Пока они ехали, успели сгуститься сумерки. Рыжее с желтизной небо расчертили вытянувшиеся полосками облака, оранжевые снизу и густо-фиолетовые сверху. Над крышей панельки повис сияющий шар. Закатное солнце словно плавилось о бетон, истекшая прощальным жаром. Через полчаса от него остался лишь красный отблеск, дотлевавший в просвете между серых прямоугольников городской застройки.

Егор нервничал, не уверенный, что поступил верно. Может, позвонить Михе и спросить, где тот находится прямо сейчас? Но они не были друзьями. Егор не помнил, чтобы звонил продажному участковому не по делу. А если тот уже упёрся гулять? Или наоборот, остался валяться на диване под забористый боевичок? К счастью, пока Одинцов перебирал предлоги для звонка, отворилась балконная дверь. Миха, в одних трениках и с голым торсом, выбрался на свежий воздух подымить. Чиркнул зажигалкой, облокотился о решетчатые перила, без интереса вглядываясь в темноту. Крошечный огонёк поднимался к губам и опускался обратно, вычерчивая на фоне сумерек оранжевую дугу. Миха докурил, выкинул бычок и вернулся в квартиру.

На забрызганную грязью колымагу он ни разу не посмотрел, да и вообще уличной панорамой не заинтересовался. Наблюдение продолжалось. Тимур потянулся включить радио, но Одинцов запретил. Обиженный водитель скукожился на сиденье, привалившись к стенке салона, и вскоре за-

храпел. Баюн смотрел какие-то ролики на смартфоне, глупо хихикая и периодически дёргая Василису, чтобы девушка тоже оценила. И только Егор не сводил с подъезда глаз. И потому не упустил момент, когда в начале десятого на улице показалась знакомая фигура.

– Я за ним, а вы будьте на связи.

Куда это ты намылился, шкура, на ночь глядя? Эх, рации нет. Одинцов бесшумно прикрыл дверцу и мягкой рысью поспешил за Михой, неторопливо вышагивающим по тротуару к автобусной остановке. Продажный участковый сменил треники на джинсы и ветровку с капюшоном, сверху нацепил кепку цвета хаки, прикрыв белобрысую макушку. На плече болтался рюкзак. Дойдя до остановки, Миха опять закурил. Но не успел сделать и двух затяжек, как подъехал автобус. Четырнадцатый маршрут, чья конечная находилась на границе с трущобами Головина. Ага, что-то вырисовывается... Егор хотел набрать Тимура, но друг и сам не зевал. Притормозил у остановки, подбирая товарища, без лишней спешки нагнал автобус. И поехал следом. Не впритык, оставляя между собой и целью три-четыре машины.

В полупустом салоне горел тускло-жёлтый свет. Миха стоял у заднего окна, придерживаясь за поручень. Автобус с прицепившимся к нему «хвостом» протащился через всю улицу Героев Полярников, Ленинградский проспект и Двадцать лет ВЛКСМ. Как Егор и предполагал, Миха направлялся в тот самый неблагополучный район, где жила покой-

ная танцовщица Алёна. Зачем? Вряд ли и её квартиру собирался взорвать. Этак можно на всю Россию город прославить, а банда точно не захочет, чтобы к расследованию присоединились федеральные службы.

На конечной Новосельцев вместе с последними пассажирами выбрался из автобуса. Народ рассосался кто куда, участковый же устремился в глубину панельных трущоб. Продолжать наблюдение на колёсах было опасно. Машины здесь ездили редко, тем более поздним вечером, когда немногочисленные работающие граждане давно вернулись домой. Шум мотора будет замечен издалека и привлечёт ненужное внимание.

– Баюн, идёшь со мной. А ты остаёшься в машине. Василиса, сторожи его, чтобы не уснул.

– Да я свеж, как огурчик, – проворчал Тимур и широко зевнул, не прикрывая рта.

Следить за беспечным Михой оказалось несложно. Он шёл, не оглядываясь, в ушах белели наушники от айфона. Потом он и вовсе сузил себе обзор, натянув на голову капюшон. Только раз, проходя мимо Алёниного дома, объект наблюдения замедлил шаг и покосился на клён со спиленными ветвями. Перевёл взгляд выше, туда, где к стене прилепились балконы, у кого застеклённые, у кого заваленные разным хламом. На шестом этаже свет не горел в трёх окнах подряд. Ага, значит Миха был в курсе произошедшего. Остатки газона под окнами разворотила техника, всё было

изрыто колёсами, ветер гонял обрывки сигнальных лент.

Вопреки ожиданиям, Миха не остановился, а двинул дальше. Прошёл мимо ларька с разливным пивом и магазина «Продукты 24», у площадки с мусорными баками повернул направо. Оставил позади череду одинаковых пятиэтажек. Слежка переместилась на пустырь. Ветер, усилившийся на открытой местности, приносил чуждые для города запахи: полыни, луговых трав, влажной земли. К ним примешивалась неприятная нотка, будто неподалёку ремонтировали дорогу. Одинцов крался позади, каждую минуту переживая, что вот сейчас Миха обернётся, спросит: «Егорыч, это ты?». А прятаться на пустыре негде, разве что рыбкой нырять в высокий бурьян... Но у Егора прыжок вряд ли получится незаметным, в отличие от грациозного Баюна. Тот плыл по полю бесшумной тенью, только изредка вспыхивали зелёными искрами глаза.

Через некоторое время из темноты вырос бетонный забор. Над ним торчали вагончики бытовок, составленные в два этажа. В маленьких квадратных окнах горел свет, где-то играла музыка, слышались голоса. Запах битума окончательно вытеснил аромат летнего поля. Стройка. Что здесь понадобилось Михе?

Продажный участковый направился к воротам и что-то тихо произнёс. В этом месте горел единственный на всю территорию фонарь. Не слишком яркий, но позволивший прочитать надписи на створках: «Проход запрещён», «Машины

не ставить». Рядом висел треугольный знак с контейнером, подвешенным на крюке – «Опасная зона». Открылась и снова захлопнулась калитка, отрезав Миху от наблюдения.

– Здесь подождём? – шёпотом спросил Баюн.

– Нет. Надо бы узнать, нафига он сюда припёрся. Давай посажу.

Егор подставил сложенные ковшиком ладони. Но пижон в драных кедах презрительно фыркнул и в следующий миг прыжком оседлал бетонную плиту. Развернулся, даже не покачнувшись, наклонился и вытянул руку, хватая напарника. После чего невероятно сильным для тощего телосложения рывком втащил Егора наверх. Оба замерли на краю забора, словно два голубя-переростка.

Слева выстроились бытовки, справа – синие кабинки биотуалетов, откуда смердело нечищеным сортиром. Дальше виднелась какая-то спецтехника, в темноте не разберёшь, бочки, кучи песка, рулоны рубероида. Сложенные в штабеля сваи походили на четырёхгранные карандаши с тупым, исписанным грифелем. Ещё дальше вроде бы темнел котлован, возле которого замер экскаватор с опущенным ковшом.

Баюн беззвучно сиганул вниз. Егор последовал за ним, с громким шлепком приземлившись в грязь и испуганно замерев. Ничего. Со стороны вагончиков по-прежнему доносились звуки радио, диктор читал прогноз погоды. Два тёмных силуэта, пригнувшись, скользнули вперёд. Добежали до котлована, на дне которого лежала решётка с торчащими шты-

рями. Оттуда поднимался запах цемента. Наверное, накануне заливали фундамент. Егор с Баюном присели, выглянули из-за колеса экскаватора, перебежали ближе к бытовкам. Снова затихли, спрятавшись за составленными друг на друга бетонными кольцами. От жилой части стройки тянуло специфическим душком тесноты и антисанитарии: заскорузлыми от пота спецовками, запаренным «Роллтоном», спреем от клопов. Даже битумная вонь терялась в этом крепком букете.

Хотя, некоторые попытки наладить быт всё же предпринимались. На насыпь из песка взгромоздили белый пластиковый куб в металлической решётке, в основании которого имелся вентиль. Внизу, в растёкшейся луже, были набросаны деревянные поддоны. Рядом стояла прислонённая к насыпи дверца от шкафа с зеркалом в полный рост, а напротив – заляпанная краской табуретка. Похоже на импровизированную помывочную.

Баюн тронул Егора за плечо и указал на оранжевый огонёк. Кто-то курил. Подобравшись ближе, Егор изо всех сил наострил уши. Двое мужчин негромко беседовали по-русски, тогда как в вагончиках, судя по обрывкам разговоров, проживали граждане бывших советских республик. Единственный фонарь остался далеко, небо заволкли тучи. Но Егор всё же сумел разглядеть сутулую фигуру Новосельцева в кепке с козырьком и с рюкзаком на плечах. Порыв ветра принёс знакомую сигаретную вонь – Миха всю жизнь покупал одну и ту же марку, «Мальборо» в красной пачке.

– ...всё под контролем, не суетись, – сказал Светкин парень Олежик, он же столичный бизнесмен, неверный муж и завсегдай «Волшебного восторга».

Егор совершил ещё одну короткую перебежку и согнулся в три погибели за сваленными грудой мешками. Судя по жёсткому и бугристому краю – с гранитной крошкой или керамзитом. Кот Баюн слился с темнотой.

– Сколько времени вам нужно?

– Месяц. Ну максимум до конца сентября.

– До конца сентября? – возмутился Миха. – Ты же говорил, уложите в две недели? Грядут проверки, и долго я вас отмазывать не смогу. В лучшем случае, предупрежу за пару часов. Мороз на меня уже косо смотрит. Слухи скоро пойдут.

– На, держи. За беспокойство.

Олег протянул Новосельцеву белый прямоугольник, оказавшийся конвертом. Сослуживец его раскрыл, вытащил пачку купюр, наскоро пересчитал и сунул вместе с конвертом во внутренний карман ветровки.

– Что тебе слухи, Миша? Поднимешь денюжат и укаатишь. Посмотришь хоть, как люди живут. В вашей дыре даже суши нормальные не купить.

– На хрен мне твои суши, – кисло проворчал Миха. Но по физиономии было видно: слова москвича задели его за живое.

Боковым зрением Егор заметил движение. Обернулся, но сообразил, что это шевелилось его собственное отражение

в зеркале у помывочной. Туда как раз дотягивался прямоугольник света от ближайшей бытовки. Зеркало было старым, с щербатыми краями и серыми пятнами там, где со стекла облезло напыление амальгамы.

– Никто не ждёт от тебя подвигов. Держи ухо в остро и звони, если кто зачесется. В накладе не останешься, обещаю. – Москвич потёр указательным пальцем о большой, намекая на шелест купюр.

– Уж постарайся, у вас и так сплошные дивиденды. А кучу дерьма кто после вас разгребать будет? Знаешь, что тут начнётся, когда эти – Миха небрежно кивнул на вагончики, – узнают, что их прокатили с баблом?

– Ты, что ли, встанешь грудью на защиту города? Говорю же, ноги в руки и вали, без тебя разберутся.

– Кто? Та стерва в берете? Странная она. У меня от неё мороз по коже.

– У меня тоже, – признался Олег. – Но без неё никак. Доверенное лицо инвестора.

Затаившийся Одинцов жадно ловил каждое слово. Получается, Новосельцев являлся «кротом» и продавал на сторону какую-то информацию. Но какую? Уж не о ходе ли расследования двух последних убийств? Тогда при чём здесь рабочие? И как вообще эта стройка связана с метасказкой? Баюн осторожно высунул из-за укрытия руку с телефоном. На его лицо упал блёкло-голубоватый блик: самозванный помощник догадался включить съёмку.

В любом случае, речь шла о чём-то незаконном. Иначе к чему эти тайны мадридского двора и подкуп должностного лица? Показать бы Светкиного жениха Бабе Яге. Та бы его живо расколола до самой задницы, как выражались некоторые коллеги.

В воздухе закружились карты. Мелькнула мысль, что это ветром сдуло колоду, забытую на улице кем-то из рабочих. Но в следующий миг карт стало слишком много, и все они оказались пиковой масти. Твою дивизию, как он мог забыть! Зеркало! Егор попытался отпрыгнуть, но ноги увязли в вязкой жиже, похожей на смолу. С карт полетели брызги, облепили клейкими нитями, не давая пошевелить ни рукой, ни ногой. Ещё секунда, и Одинцов превратился в глянцево-чёрный кокон, снаружи остались одни глаза. Отвратительная горечь просочилась в рот, намертво запечатав губы. Егор протестующе замычал, но добился лишь грубого тычка в спину. Удержать равновесие не было никакой возможности. Он повалился вниз, беспомощный, словно завернутый в пелёнку младенец. Хорошо хоть упал на землю, а не на какие-нибудь кирпичи.

Рядом извивался, выпучив глаза, такой же жалкий Баюн. Самое удивительное, что заговорщики до последнего не замечали, какая чертовщина происходит у них под носом. И только когда Егор замычал и плюхнулся в грязь, оба обернулись на звук. Москвич разинул рот, продажный участковый прищурился.

– Кто здесь?

– Что за...

– Идиоты! За вами следят!

Пиковая Дама, облачённая в бархатную накидку с меховым воротником, в антураже стройки смотрелась особенно анахронично. Руки, обтянутые перчатками, изящно скрестились на рукояти сложенного зонта, уткнувшегося в землю острым концом. Неизменный берет украшало перо, приколотое брошью.

– Откуда... Как... Чем это вы их? – проблеял Олег.

– Не твоё дело, болван.

Миха Новосельцев включил фонарик на телефоне и направил луч вниз, разглядывая валявшийся перед ним двухметровый кокон. Пятно света наползло на слипшиеся в паклю волосы, прямой лоб и прищуренные серые глаза. Побагровев от кончиков ушей до кадыкастой шеи, Миха кинулся на коллегу-участкового и принялся его пинать, в голос истеря:

– Падла! Скотина! Он следил за мной! Следил за мной, гад!

Нет худа без добра – кокон амортизировал удары, Егор ощущал лишь вибрацию и несильные толчки. Зато Михе после каждого пинка приходилось выдирать ботинок из цепкой массы. Облупленная рожа блестела от пота, ругательства вылетали с брызгами слюны и звучали всё невнятней:

– ...тина...дохни...ненави...

Егор понадеялся, что на крики сбегутся рабочие из бытовок. Но те, видать, побоялись вмешиваться в конфликт. Только радио зазвучало громче, заглушая визгливую брань, да в некоторых окнах погас свет.

– Достаточно, – скомандовала Пиковая Дама. Еле слышно, но Миха отпрянул в сторону, тяжело дыша и бросая на жертву ненавидящие взгляды.

Лицо Светкиного кавалера выражало схожую гамму чувств – у него к Егору накопились личные счёты. Но даже он оторопел, когда Пиковая Дама произнесла, обращаясь к Михе:

– Ты взял с собой оружие?

– Да.

– Пристрели их.

– Что? – растерялся сослуживец. – Прямо здесь?

– Да.

– Но свидетели...

– Они здесь все нелегально, никто в полицию не пойдёт.

– Я не могу. Мне за каждый патрон объяснительную писать. – К такому повороту Миха был очевидно не готов. Одно дело – выместить злость, наставив врагу синяков. И совсем другое – взять и прикончить живого человека. Не в бою, не в качестве самозащиты, а вот так...

Олег растерял всю свою самоуверенность и выглядел жалко – взгляд затравленно метался, губы подрагивали, пальцы терзали пуговицу на пиджаке.

А Егор внезапно ощутил покалывание в районе бедра, рядом с прижатой коконом ладонью. Что-то маленькое тыкалось в ногу острым концом. Василисин лук! Точнее, волшебный кулон в виде наконечника стрелы. Он так и остался лежать в кармане после позорной драки в лагере «Аймак». Но как его достать, если обе руки плотно примотаны к телу?

– Тогда перережь им горло, если боишься стрелять. – Пиковая Дама, не скрываясь, издевалась над трусостью подельников. Было очевидно, что от своей идеи она не откажется. Вопрос лишь в том, уступит ли давлению слабовольный Миха, или злобная тварь всё сделает сама. Впрочем, для Егора с Баюном результат будет один.

– У меня нож не очень. Китайский, в поход покупал. Консервы открывать, ну и так...

Одинцов попытался растянуть кокон, елозя по земле. Но вязкая масса держала крепко. Так и не сумев пошевелить рукой, Егор про себя взмолился, обращаясь к амулету: «Да включись ты, зараза! Не видишь, нам кранты!». И «зараза» откликнулась – бедру стало тепло. Радость быстро сменилась страхом: а что, если кулон обернётся луком прямо в кармане? И выстрелит в ногу? Но магический артефакт оказался умнее своего временного владельца: тепло приятно согрело, не обжигая кожу. Чёрная плёнка постепенно поддавалась, размягчаясь и расплзаясь на волокна.

Тем временем Олег и Миха захлёб обсуждали, можно ли купить патроны нужной марки, чтобы подложить их вместо

использованных. На нервной почве поделеньниками овладела болтливость. Пиковая Дама смотрела на обоих с презрением, кривя пухлогубый рот. Игра начинала ей надоедать.

– А трупы куда девать?

– Мы же на стройке, – хихикнул Миха. – Зальём цементом.

– Сами? А ты умеешь разводить цемент?

«Давай! Ну быстрее, пожалуйста!» – Егор мысленно поторопил амулет, чувствуя, как спеленавшая его масса утрачивает упругость.

– Заткнитесь, – сухо обронила Пиковая Дама.

По выражению её лица стало понятно: сейчас пленников будут убивать. Взгляд застыл, став совершенно безумным, но при этом сосредоточенным. Уголки маленьких губ насмешливо приподнялись.

Женщина приблизилась к кокону, постукивая зонтиком по сапогу на невысоком каблуке. Склонилась над Егором, заглядывая ему в глаза. Кокетливая мушка в уголке рта почернела, тогда как само лицо словно обметало слоём белоснежной пудры. Пиковая Дама подняла зонтик и провела концом по лбу намеченной жертвы. Прикосновение было лёгким, почти невесомым. Но Егор ощутил жжение, после которого по виску побежал тёплый ручеёк. «Кровь» – подумал он. Пиковая Дама склонилась ниже. Точёные ноздри затрепетали, словно она принюхивалась.

Согнувшись рывком, Егор ударил ведьму лбом в переносицу.

сицу. Любая женщина на её месте потеряла бы сознание или хотя бы упала. Но Пиковая Дама лишь покачнулась, округлив глаза, отчего её физиономия приобрела до странного кукольное выражение. Преодолев сопротивление кокона, Егор освободил руку. Лишившаяся монолитности масса распалась на клочья, обернувшись хлопьями сажи. Одинцов метнул амулет Баюну. И кинулся на Даму, хватая психопатку за руку и выкручивая сустав. Зонт упал на землю, рассеявшись пеплом.

Боковым зрением Егор увидел, как амулет расплавил кокон Баюна. Фольк выпустил когти, разрывая истончившуюся преграду. Огляделся, кинулся на выручку другу. Вовремя: Егор из последних сил отбивался от психопатки. Проще было сражаться с тигрицей голыми руками, чем с разъярённой Пиковой Дамой. Баюн прыжком сшиб женщину в грязь. Оба, шипя и вереща, клубком покатались по земле.

Не успел Одинцов перевести дух, как со спины налетел Миха Новосельцев. Но, в отличие от фолька, гадёныш был ему не соперник. Егор перебросил Миху через себя, впечатав в штабель из свай. К этому времени обитатели вагончиков поняли, что дело пахнет керосином и пересидеть конфликт не удастся. Заволновались, загомонили на своём языке. В драку вмешался Олег, схвативший витой железный прут и кинувшийся на участкового с воинственным кличем. В последний миг москвич не выдержал и зажмурил глаза. И тут же получил левый боковой, отправивший его в глубокий

нокаут.

Из бытовок посыпали испуганные рабочие. Егор подумал, что они, как в лагере «Аймак», сейчас начнут менять ипостась. Но те, не оглядываясь, дёрнули к воротам.

Драка с Пиковой Дамой продолжалась. Баюн исполосовал её спину, разорвав накидку на лоскуты. Бархат пропитался жидкостью, больше похожей на чернила, чем на кровь. Психопатка ожесточённо отбивалась коленями и локтями. И даже умудрилась прокусить Баюну предплечье, отчего тот покошачьи взвыл. В воздухе снова зашелестели карты. Пока их было мало, но Егор не собирался ждать. Поднял прут, намереваясь оглушить ведьму. Но помешал Новосельцев, успевший прийти в себя и вооружиться длинной доской с торчащими гвоздями.

Егор уклонился, пропуская доску над плечом. Громоздкое оружие по инерции потащило Миху за собой. Обе его руки оказались заняты, а живот – открыт. Крутанув прут, как заправский ниндзя, Егор двинул концом в солнечное сплетенье, заставив предателя охнуть и сложиться пополам. Второй удар пришёлся в основание шеи. Несильный удар, чтобы не покалечить, а только вывести из игры.

Мельтешащая над ухом карта плюнула смолой. Попала на рубашку, давно утратившую прежний цвет. Пикового туза Одинцов сшиб в полёте, но вслед за ним спикировали десятки и короли. Дикое барахтанье Баюна и Дамы меньше всего походило на рыцарский поединок. Потому Егор подгадал

момент и обрушил прут прямо на берет. Сдерживаться не стал, вlepил со всей дури: головы у фольков крепкие. Пиковая Дама обмякла, но сознания не потеряла. Баюн извернулся, оказавшись сверху, схватил психопатку за волосы и несколько раз впечатал в грязь лицом. А потом и вовсе вырвал прут из рук Одинцова и с размаху всадил его в поясницу, с сочным хрустом пригвоздив женщину к земле.

Твою мать! Егор схватился за голову. Из страшной раны вытекала чёрная кровь. Конвульсивно подрагивала рука, с которой чудом не слетела перчатка. С неба с сухим шелестом посыпались карты, превратившиеся в обычную колоду. Тузы, десятки, восьмёрки падали на изувеченное тело, словно стараясь прикрыть его от нескромных взглядов. Одинцов до боли прикусил губу. На его глазах убили человека! Фолька! Да без разницы, случившееся бесспорно превышало допустимую самооборону!

– Это её надолго задержит.

– Задержит? – переспросил Егор. – Да ты её прикончил! Василиса говорила, вы тоже смертные!

– Ага, держи карман шире. Такую тварь так просто не пришибёшь. Но зализывать раны будет долго. Айда отсюда.

– Но Василиса...

– Василиса о ком говорила?

– О Храбром Баране.

– Вот и не сравнивай. – Баюн хлопнул оцепеневшего Одинцова по плечу. – Фольки – разные по силе. Думаешь,

Бабу Ягу достаточно проткнуть ржавой палкой? Да она её вытащит и засунет тебе в жопу по самые гланды. Нам повезло, что Пиковая Дама не настолько сильна. А где второй?

Егор не сразу сообразил, к чему относится последний вопрос. Оглянулся и тут же выругался с досадой: Михи и след простыл. Стройка опустела. В поле зрения оставался один Олег, до сих пор валявшийся без сознания.

– Нам бы тоже не задерживаться, – развил очевидную мысль Баюн. – Звонить Тимуру, чтобы тачку подогнал?

– Не надо. Может, сюда уже едет наряд? Мы, если что, переждём по-тихому на пустыре. А машину в траве не спрячешь. Но этого ублюдка надо забрать с собой.

– Как скажешь.

Баюн взял москвича за щиколотки, Егор – под мышки. Подняли, понесли. Москвич оказался относительно лёгким. Вблизи от него сильно пахло лосьоном «Олд Спайс», Светка дарила такой же Егору на двадцать третье февраля. Полы расстёгнутого пиджака волочились по земле. Левая брючина задралась, открыв сбившийся гармошкой носок и поросшую бледным пухом лодыжку. Ничего, как-нибудь дотащат.

На пустыре остановились передохнуть. Пока Егор разминал уставшие руки, Баюн вертел головой, чутко прислушиваясь к ночной тишине. Но сирены полицейских так и не завывали. В зарослях полыни и репейника стрекотали сверчки, издали доносились чьи-то пьяные крики.

– Взяли, – скомандовал Одинцов.

Следующий отрезок маршрута преодолели без проблем. Крадучись, вышли к пятиэтажкам. Повезло, что со стороны пустыря отсутствовали фонари. Было темно и тихо, только шуршала под подошвами наметённая ветром сухая листва, да изредка постанывал начавший приходить в себя москвич. Тимурова колымага поджидала на соседней улице, оставалось только обогнуть дом. А в багажнике очень кстати валялся рулон скотча, оставшийся после поездки за мертвецом...

– О-па! Вот это номер!

Откуда-то из темноты выплыла размалёванная тётка в очень короткой юбке и футболке с вышитым стразами розовым сердцем. На плечи для тепла была накинута дутая куртка леопардовой расцветки. Олег некстати завертелся, пытаюсь вырваться из хватки тащивших его людей. Слабо промямлил:

– Помогите... Пожалуйста...

Опережая дальнейшие события, Баюн затянул медовым голосом гипнотизёра:

– Ты видишь двух дворников, что несут на помойку старый диван.

– Погодь, мужики! – Тётка, хорошо поддатая, судя по неровной походке, нагнала «дворников» и положила руку москвичу на живот. Надавила, отпустила, погладила надетую под пиджак рубашку. – Мягкий какой. Вы ж его выбрасывать собрались? Оставьте тут, я заберу.

– Не, это мне на дачу. Иди куда шла, – нашёлся Баюн.

Но тётка не отстала, а с неожиданной ловкостью взгромоздилась на Олега задом. Нагрузка резко возросла. Егор с Баюном, крикнув, удержали двойную ношу.

– Слезай давай, тут тебе не качели! – выдавил Одинцов сквозь стиснутые от напряжения зубы.

Та лишь хихикнула в ответ и игриво покачала обтянутой капроном ногой. Из-под юбки к пухлой лодыжке тянулась стрелка.

– Диван выглядит старым и потёртым. От обивки воняет кошачьей мочой.

Баюн расписал все возможные недостатки, на какие хватило фантазии. Но то ли тётка была слишком пьяна и плохо соображала, то ли прочая мебель в её квартире пребывала в похожем состоянии, а потому диван отлично вписывался в интерьер.

– Помогите... – из последних сил пискнул Олег.

– Скрипучий какой. Да чего вы мнётесь, я по сотке дам. И тащить никуда не надо. Ко мне ща подойдут. Колян! Ты где застрял?

– Да иду, иду!

Прежде, чем Одинцов с Баюном успели отреагировать, показались ещё двое.

– Ты чё делаешь? – удивился невзрачный, рано облысевший мужик, в локоть которого вцепилась подружка.

– Вот, забрать хочу, а эти упёрлись. А чё упёрлись, всё равно на помойку несут. – Тётка наконец-то перенесла вес

на ноги и убрала с Олега зад, позволив тому вздохнуть.

– Кого забрать?

– Да его! – Рука с облупленными ногтями, под которыми проступала траурная кайма, по-хозяйски потрепала москвича между ног. – Не рваный, не ломаный. Ну потёртый чуток, подумаешь. Зато мягкий какой!

– Слышь, а твой-то против не будет? – пьяно растягивая гласные, поинтересовалась подруга.

– Ну ты скажешь! Я его чё, типа, уговаривать должна? Выкину и всё. А то как ни сяду, эта рухлядь аж шатается подо мной... Надоело. Не пойму, чем набит...

– Мясом! – рыкнул, потеряв терпение Егор. – А ну забрали свою психичку и свалили!

Лысеющий мужик и его подружка сноровисто подхватили тётку с обеих сторон и потащили к подъезду. Всё же за годы службы Одинцов научился командному голосу, необходимому в общении с подобным контингентом.

Перепуганный, несчастный Олег в грязном пиджаке тихо скулил и больше не пытался протестовать. Одинцов даже почувствовал москвичу и подумал, не посадить ли его на заднее сиденье. Но потом вспомнил, как тот обсуждал с Михайой, где прятать потенциальный труп, и жалеть пленника расхотелось. Нет уж. Скотч, клеёнка, багажник.

– Куда теперь? – поинтересовался Тимур, когда усталые товарищи забились в салон и, обессилев, растянулись на сиденьях. – В клуб? Или в парк?

– Сегодня пятница? Значит, в парк. – Василиса сверилась с календарём.

...Погоня увязалась за ними на выезде из неблагополучного района, не доезжая улицы Семашко. Позади, врубив дальний свет, нарисовался тёмно-серый Мицубиси Паджеро. Было уже поздно, дороги опустели. Тимур защёлкал рычагом передач и поддал газу, на полной скорости входя в поворот. Вильнул задом, выровнялся. Мицубиси, как приклеенный, повторил манёвр. В боковом зеркале быстро приближались два слепящих белых пятна. Редкие автомобили жались к обочине, пропуская лихачей. На миг Егору показалось, что за рулём преследователей сидел тот самый тип с ножом, с каким он дрался в переулке, защищая официантку Алёнушку. Выходит, это бандиты Злой Мачехи. Ядрёны пассатижи...

Глава 15. Полуночная гонка

25 августа 2012 г. Суббота, полночь.

За окном всё быстрее мелькали дома, деревья и фонари. Стрелка на спидометре приблизилась к отметке «Сто пятьдесят». Это была максимальная скорость, какую тянула их колымага. Мицубиси отставал только потому, что узкие, изгибистые улицы Верхне-Волчанска плохо подходили для гонок. Преимущество оставалось за более опытным водителем, а им оказался Тимур. Отчаянный бурят не полагался на навигатор, и вёл машину каким-то хитрым маршрутом, то сворачивая на объездную, то ныряя во дворы.

На Ленинградском проспекте, широком и прямом, как стрела, удача им изменила. Это был единственный путь к мосту через Кеть, парк раскинулся на противоположном берегу. Свет фар неумолимо приближался. Восемьдесят метров, шестьдесят... Свирепый рык Мицубиси заглушил тарактание собранного на коленке движка. Рывок вперёд, напряжённый профиль Тимура с плотно сжатыми губами... Пальцы стиснули кожаную оплётку руля...

– Главное добраться до парка. А там я попробую открыть проход в Навь. Меня бабушка учила.

Василисе Тимур ничего не ответил, но утопил педаль газа в пол. Проскочил на красный, чудом избежав столкновения с грузовиком. На лежачем полицейском машина сайга-

ком взлетела над дорогой. Одинцов чиркнул макушкой потолок, а непристёгнутый Баюн ушиб нос о подголовник переднего кресла. С шумом брякнулись на асфальт, погнали дальше.

Показалось чёртово колесо, ярко подсвеченное по кругу. Огни аттракционов и фонарей отражались в тёмной реке. Золотистые пятна на воде иссекла поднятая ветром рябь, на волнах покачивался силуэт какой-то птицы.

Мицубиси нагнал их на середине моста. Зашёл слева и принялся теснить к ограждению, норовя поддать бампером в бок. Тимур как мог уворачивался, пока не скрежетнул об отбойник. Окна автомобиля-преследователя оказались совсем близко. Ба, знакомые все лица! Егор разглядел сморщенную от злобы физиономию Михи Новосельцева. На соседнем сиденье вертел баранку тот самый бандит с ножом, сзади теснились два амбала-близнеца.

Тряхнуло, раздался звон, боковое зеркало исчезло под колёсами Мицубиси. Бандит крутанул руль и вновь ударил, да так, что в дверце образовалась вмятина. Но Тимур выровнял автомобиль, пройдя впритирку с отбойником, даже искры полетели.

– Мамочки! – не выдержав, крикнула Василиса.

Копавшийся в рюкзаке Миха внезапно распрямился, сжимая в руке табельный пистолет.

– Осторожно!

Продажного коллегу понесло – в опустившееся окно вы-

сунулось дуло.

Низкорослый Тимур съехал с кресла, только руки по-прежнему цеплялись за руль, и вдарил по тормозам. Более крупный Одинцов вжался в спинку сиденья, мечтая стать плоским.

Бах! Звук выстрела ударил по ушам и застрял внутри, обернувшись звоном. На стекле возле водителя образовалась воронка из трещин с дырой посередине. Егор повернул голову и увидел точно такую же картину со своей стороны. Сама пуля ушла куда-то в воду.

– Сдурел?! – заорал он Михе, не веря до конца, что тот действительно решился на выстрел. Оглушённый Новосельцев тряс головой. Не рассчитал, гадёныш, насколько громким получится звук в небольшом пространстве автомобиля.

А Тимур воспользовался тем, что Мицубиси проскочил вперёд. Продырявленная колымага ломанулась на встречную полосу, разогналась и первой съехала с моста, плюнув в преследователей клубами дыма. Крутой поворот, пассажиров мотнуло на ремнях, жёсткая ткань впиалась в шею.

Дорогу в парк на ночь перекрыли шлагбаумом. Но после тарана в лагере «Аймак» это препятствие уже никого не испугало. Полосатый брус с хрустом разломился пополам. Под колёсами зашелестел гравий, мелкие камни со стуком отскакивали от днища. На выющейся зигзагом аллее Мицубиси снова отстал – фонари в этой части парка не горели, маршрут Тимур прокладывал, полагаясь на память.

Выехали на площадь перед чёртовым колесом. Втроём выпрыгнули из машины, пока водитель сражался с заклинившей из-за удара дверцей. Выдернули из багажника пленника, привели в вертикальное положение. Москвич был бледным как смерть, волосы склеились в сосульки и прилипли ко лбу. Издав непонятный сдавленный звук, Олег поднёс связанные руки к шее.

– М-м-м...

Мицубиси ревел совсем рядом, метрах в двухстах. Но Егор, сжалившись, отодрал со рта москвича полоску серебристого скотча. Тот вскрикнул и согнулся пополам. Тряска и не выведенный до конца трупный запах сделали своё дело: Олега вырвало в открытый багажник. На Тимура было больно смотреть. Опорожнив желудок, москвич хотел усесться на тротуар, но ему не дали. Дёрнули за ворот, потащили за собой. Испачканный рвотой, помятый, испуганный, он и не думал сопротивляться. Только шумно дышал, из последних сил переставляя заплетающиеся ноги.

Отряд продрался сквозь кусты акации и вывалился на тропу. Убравшись с открытой местности, Тимур сменил ипостась: раздался вширь и ввысь, став в полтора раза крупнее рослого Одинцова. Пленника он попросту взвалил на плечо, как мешок крупы, позволив остальным ускорить темп. На узкой тропе пришлось растянуться в цепочку. Первой бежала Василиса, размахивая руками, вычерчивая в воздухе спирали и бормоча какие-то заклинания. Замыкавший отряд Егор

слышал лишь невнятные обрывки. Что-то про мать-землю, потом про остров в океане, чёрт его разберёт. Но сработало: деревья и кусты неуловимо изменились. Вроде и темно, звёзды светят еле-еле, а понимаешь – ты уже на той стороне. Где и запахи другие, и звуки, и даже земля под ногами.

– Ушли! – радостно провозгласил Баюн.

А Егор подумал, что Олег – точно фольк. Ни один человек не сумел бы молча наблюдать за происходящим, особенно оказавшись закинутым на плечо краснокожего демона. Но потом он заметил, как беспомощно мотаются руки москвича, как свесилась его голова, и понял, что тот попросту потерял сознание.

Внезапно раздался крик, а за ним выстрел, и ещё один. Громкие звуки быстро угасли, растворившись в обволакивающей тишине. Ни долгого эха, ни шороха крыльев встревоженных птиц. Лишь перекачивается волнами туман да поблескивают листья папоротника, серебристого от ночной росы.

– Идите дальше, я вас нагоню.

– Будь осторожен! – попросила Василиса.

Одинцов кивнул и помчался в обратную сторону. Любопытный факт: и Баюн, и Тимур любили поспорить и покачать права. Тимур вообще был балбес-балбесом. Но в критической ситуации оба забыли про неуёмный гонор и признали лидерство Одинцова. Не такая уж и бестолковая команда из них собралась.

Ноздри и глотку забило приторным ароматом. На языке появился привкус клубники, перемешанной с тухлым луком. Ещё не добежав до места, Егор понял, что произошло.

Так и есть: преследователи сошли с тропы. Совсем недалеко, буквально на пару метров. Но этого хватило, чтобы их окружил хоровод сестриц в платьях из паутины. Одинаково смазливые лица начали изменяться, превращаясь в хищные морды. Двое амбалов с тупыми улыбками пялились на то, как самая нетерпеливая пожирала бандита с ножом. На лице мертвеца застыло выражение абсолютного счастья. Тело покрывала розовая слизь, по которой бегали пауки. Опустившийся на четвереньки монстр жадно чавкал, тряся плечами и задом.

Как ни странно, самым стойким оказался Миха Новосельцев. Он по-прежнему сжимал в руке пистолет, только ствол клонился всё ниже, словно с каждой секундой становился тяжелей. Миху трясло, по облупленной морде стекали крупные капли пота. Заметив Егора, он крикнул:

– Где я? Куда ты меня затащил?!

Егор прикусил губу и сдавил лоб похолодевшими ладонями. Что же делать... Ему нечего опасаться, пока он стоит на тропе. Но и помочь, не сходя с места, он не сможет. А надо помогать? Надо, как по-другому. Неужели он повернётся и уйдёт, зная, что Миху Новосельцева, пусть и предателя, пусть и крысу, ждёт настолько чудовищная смерть? Нет... Нет такого наказания в УК РФ – поедание заживо

омерзительным монстром с уплатой штрафа в размере десяти МРОТ...

– Держись! Не давай им себя касаться!

– Милый, сладкий, любимый... Ты вернулся... Мы ждали тебя...

Егор по-собачьи мотнул головой, избавляясь от шёпота, струящегося в голове. Нагнулся, выискивая на земле подходящую палку, но тут его чуть не повалило сильнейшим порывом ветра. Качнулись деревья, глаза забило песком, в лицо швырнуло ворох листвы и колких еловых иголок. Одинцов присел, кашляя и прикрываясь рукой, а потом догадался ухватиться за ствол. Налетевший ураган бушевал недолго – сдул с мертвеца пауков и закрутил туман спиралью, образовав подобие торнадо. В центр, взметнув облако пыли, расходящейся спиралью над тропой, приземлилась ступа Бабы Яги.

– Пшть отседова, профурсетки!

Сёстры прыснули в лес, затерявшись среди деревьев. Последняя уволокла за собой тело бандита, оставляя след из крови и мутно-розовой слизи. Амбалы-близнецы проводили монстров горестным взглядом. Тот, которому Егор в драке расплющил нос, сделал несколько заплетающихся шагов, но споткнулся и упал коленями в испачканный слизью мох. А Миха вдруг вскинул руку, приставив ствол пистолета себе под челюсть. Глаза его раскрылись так широко, что радужки стали видны целиком, два жёлто-карих круга с расширен-

ными зрачками. Рука с оружием тряслась. Миха обхватил её второй ладонью, но дрожь усилилась. Теперь и подбородок прыгал, словно Новосельцов торопливо жевал.

– Стой! – крикнул Егор.

Баба Яга забормотала под нос: «Уйди, глаз дурной, с ясных очей, с кровавых печеней, из блажной головы. Тьфу!». На последнем слове древко помела с чавканьем вонзилось в подстилку из листьев и мха.

Близнецы растворились в воздухе, по-прежнему улыбаясь видениям в своих головах. Миха же каким-то безжизненным жестом опустил руку и выронил пистолет. Тот упал с глухим стуком и оказался мгновенно затянут травой, даже какой-то кустик проклюнулся с красными ягодами вроде брусники. Черты лица обмякли, разгладились морщины на лбу. Покачнувшись, Новосельцев осел в туман. Потревоженные волны взметнулись молочными завитками, но вскоре успокоились и сомкнулись над неподвижным телом.

– Он... Он... – Егор не договорил.

– Спит он. Как проснётся, всё забудет. Натворил ты нынче делов, паря, ой натворил... Всю общину всполошил, с басурманами Тугарина сцепился, людей, вон, в Навь притащил. А прибыток где? Всё бегаешь, колготишься, смуту наводишь... Цыц! И сычом не гляди! Али я не права?

– Права... – Пристыженный Егор опустил подбородок на грудь, чувствуя, как пылают кончики ушей, чего с ним не происходило с третьего класса.

– Люди сюда из-за меня попали, бабушка! У меня не получилось сразу запечатать проход, вот они и проскочили следом.

На тропе появился весь отряд – взволнованная Василиса, рогатый Тимур с пленником на плече, Кот Баюн в человеческом облике, но с удлинившимися когтями и светящимися глазами. Вместо шарфа на шее брэнчала цепь, обмотанная в три ряда.

– Ну-ну, не голди. А плюгавца ентого на кой притащили?

– Это может быть фольк, скрывающийся в человеческом обличье, – промямлил Егор, так и не решившись поднять взгляд на разгневанную старуху.

– Тоже мне фольк, говна-пирога. – Яга даже колдовать не стала, махнула рукой. – Из него и человек-то не получился.

– Но он что-то замышляет с Пиковой Дамой...

Старуха обвела собравшихся строгим взглядом. Тимур часто-часто закивал, для убедительности подкинув пленника на мощном плече.

– Ладно. А ну, говори, оглоед! Да гляди, выкладывай всё как на духу.

Едва Олега поставили на ноги, он вскинул голову и, не открывая глаз, механическим голосом зататорил:

– Моя компания занимается мошенническими схемами в сфере строительства. Начинается всё с покупки земли с использованием заёмных средств...

Постепенно обрисовалась полная картина. Никакие дома

его компания возводить не собиралась, всё должно было закончиться на этапе подготовки фундамента и вбивания свай. Бурная деятельность вокруг котлована требовалась только для того, чтобы пустить пыль в глаза администрации и продать дольщикам побольше квартир. После чего мошенники собирались объявить о банкротстве и скрыться вместе с деньгами, оставив приставам съёмный офис, принтер и кулер с водой. Схема проворачивалась одновременно в трёх городах. А Злая Мачеха спонсировала начальные этапы строительства в обмен на долю от будущей выручки.

– От курва! – прошамкала Яга. – Подлянку захотела сделать общине! Никак она без ентого не могёт. Всё бесится, что её сюды не пускають.

Роль Михи Новосельцева оказалась проще некуда. Чтобы сократить расходы, в город привезли рабочих-нелегалов. Продажный полицейский должен был их прикрывать, предупреждая о рейдах с проверкой регистрации и спуская жалобы на тормозах. Фальшивая стройка относилась к его участку, хоть и находилась на самой границе с районом Головина. А вот про убийство на Молодёжной Олег ничего не знал, о метасказке впервые слышал, с Бабаем дружбы не водил...

Выслушав исповедь до конца, старуха плюнула через плечо и стукнула помелом. Миха Новосельцев вместе с москвичом разом исчезли, оставив после себя прорехи в тумане. А Яга, слегка пообдев, обратилась к расстроенному Одинцову:

– Не печалься, служивый. Убивца не нашёл, зато хорошее дело сделал. Как дальше быть, мы с князем да Кощеюшкой покумекаем. И про другие города не забудем, и по сусалам кому надо надаём. Не твоя это забота боле. Иди домой, утро вечера мудреней.

...Очнулся Егор у входной двери. Маршрут от парка до квартиры был преодолён в каком-то полузабытьи. Наверное, Яга наложила заклятье, чтобы бездарный помощник двигал прямо домой, не натворив по пути бед и не вляпавшись в очередные неприятности. Старший сержант Егор Одинцов дважды был убеждён в своей правоте и дважды облажался по полной программе, едва не раскрыв сказочную общину. Кто поверит ему в третий раз? Да и будет ли он, этот третий раз? Список подозреваемых исчерпан, новые версии отсутствуют, идей тоже нет. И стало Егору тоскливо, хоть волком вой.

А дома опять одиночество, пустота, запах скисшей сметаны, которую он забыл отнести на помойку... И страшно ложиться спать, хотя веки закрываются от усталости, а голова тяжёлая, словно мамин чугунный казан. Что если он, как Миха Новосельцев, завтра проснётся и ничего не вспомнит? Вдруг фольки окончательно убедились, что ошиблись с выбором и доверили расследование самоуверенному дураку? Жизнь вернётся в прежнюю колею: работа, учёба, редкие посиделки с Тимуром... На которого он будет смотреть и думать, что вот ведь узнал о друге нечто важное, точно узнал, но забыл. Однажды он встретит на улице Василису и ощу-

тит непонятную грусть. А девушка, бросив на него короткий взгляд, пойдёт себе дальше...

Спал долго, пропустив сигнал будильника, поставленного на семь утра. Проснулся ближе к полудню и первым делом, ещё не до конца разлепив веки и не выбравшись из-под одеяла, принялся перебирать события последних дней. Община фольков, богатырские бои, покушение на архивариуса, погоня по мосту через Кеть... Кажется, ничего не забыл. А значит, пока его не списали со счетов. Егор потянулся к телефону, желая позвонить Василисе, но передумал. Вдруг он проведёт пальцем по экрану, снимая блокировку, и обнаружит сообщение от Бабы Яги? Так и так, милок, курсы твои досрочно закончились. Отправляйся назад в опорный пункт, отрабатывать заявку о незаконном проникновении в огород группы неустановленных лиц. С последующим распитием алкоголя и выкапыванием трёх кустов картошки, съеденной в качестве закуски.

Надо было заняться чем-то до вечера, но в голове царил пустота. Ни мыслей, ни желаний, как в первый день окончания срочной службы. Два года он вставал по команде «Рота, подъём!», ходил строем, чистил снег, собирал-разбирал автомат. И вдруг – никаких задач, никому от тебя ничего не надо...

Егор пошатался по квартире, думая прибраться, но совок и тряпка валялись из рук. Попил чая из купленной Ба-

юном кружки. Хорошей, кстати, большой и с удобной ручкой. Включил и выключил ноутбук. На душе было всё так же маятно. Особенно потому, что никто ему не позвонил и не написал. Когда торчать в квартире стало невмоготу, Егор вспомнил о разговоре с отцом. Допрос Бабая назначен на восемь вечера. Хватит времени, чтобы сходить к родителям на традиционный субботний обед.

Погода испортилась. Ещё вчера сияло солнце, и мир вокруг был ярким и разноцветным: синее небо, зелёная трава, розовые мальвы, высаженные соседями у подъезда. Порхали пёстрые бабочки, и можно было гулять в одной рубашке. А сегодня всё стало серым, понурым, пошёл дождь. Даже не дождь, а холодная морось, будто в рожу непрерывно брызгают из пульверизатора. Город словно обветшал за одну ночь. Грязные автобусы переваливались с боку на бок, пытаюсь объехать скопившиеся в колдобинах лужи. Небо мышинного цвета повисло над головой, придавливая к земле. Егор невольно ссутулился, словно и правда боялся его задеть.

Но когда подошёл к родительскому дому и услышал, как в приоткрытом окне гудит пылесос, ему полегчало. Мама всегда прибиралась к приходу гостей. Батя же доставал с антресолей раскладной стол, а потом искал отвёртку, подкрутить болтающуюся ножку... Пиликнул домофон, следом прочирикал дверной звонок.

– Пришёл! Костя, Егор пришёл! А мы уже не ждали, думали, ты занят. Осунулся-то как! Всухомятку питаешься? Га-

достью всякой? – Мать привстала на цыпочки и крепко расцеловала его в щёки.

– Да не, нормально я кушаю! Не переживай.

В доме родителей из Егора вечно лезли детские слова, вроде «кушаю» или «пойду погуляю с пацанами».

Прихожая, как всегда, была заставлена обувью, от босоножек до сапог. Тапки для гостей занимали целую полку – родители любили приглашать родню и друзей. На тумбочке под зеркалом лежал липкий валик, собирать с одежды мех чёрно-белого кота Маркиза, у которого в жизни было два занятия: спать и линять, вне зависимости от времени года. От маминого жакета пахло мокрой шерстью, на рукавах не успели высохнуть капли воды. Наверное, вспомнила в последний момент, что закончился хлеб, и побежала в магазин. На кухне шипело и шкварчало, в зале бубнил телевизор, включенный для фона.

– Привет, пап! Как дела?

– У меня-то всё хорошо. Слышал, что творится?

Отец ткнул пультом в экран, где крутились местные новости. Верхне-Волчанск – город маленький, однако и у него имелась телестудия, каждый день на два часа врезавшаяся в вещание томского канала. Егор плюхнулся на диван. На колени запрыгнул Маркиз, потёрся пушистой мордой о подбородок. На экране толпились важные седовласые дядечки в пальто. Очень недовольные – у всех брови галочкой, самый пузатый трясёт кулаком. Им противостоял незнакомый му-

жик в ярко-оранжевой каске. Он растопырил руки и двинулся вперёд, словно собирался сгрести чиновников в охапку. Кадр сменился. Симпатичная корреспондентка повернулась спиной к забору, над которым возвышался угол бытовки, и поднесла к лицу микрофон. Несмотря на поролоновую насадку, её слова то и дело становились неразборчивыми из-за гулявшего на пустыре ветра:

– Земля, на которой ведётся строительство... п-ш-ш-ш-ш-ш-ш... сельскохозяйственное назначение. Статус её не был переоформлен, а сам участок был куплен с нарушением границ межевания, чтобы... ф-ш-ш-ш-ш... налоговых выплат. Но и это ещё не всё. Как стало известно из достоверных источников, мошенники не предполагали завершать строительство обещанного квартала. Удастся ли обманутым дольщикам вернуть деньги? И кто ответит...

«А Яга времени не теряет» – подумал Одинцов. У фольков оказались хорошие связи – в Верхне-Волчанск съехались представители каких-то контролирующих организаций, адвокаты, правозащитники, даже начальник федеральной миграционной службы по Томской области. В общем, разворошили муравейник. Показали и Олега, пытавшегося вместе с мужиком в строительной каске перегородить проход на территорию за забором. Оба наперебой кричали:

– Это частная территория, сюда нельзя! Без комментариев! Опасная зона, нельзя!

По виду москвича сложно было понять, помнит он о ноч-

ном похищении или нет. Зато он определённо выглядел как человек, угодивший в неприятности. К тому же Олег не успел переодеться, и его грязный, замызганный после ночной гонки пиджак послужил дополнительным поводом для прицания со стороны журналистов:

– Руководивший строительством Олег Старовойтов-Базилевич, помимо причастности к мошенническим схемам, известен аморальным образом жизни.

На экране замелькали кадры из «Волшебного восторга». Любопытно, Егор не заметил ни одной камеры во время посещения клуба. Тем не менее, на съёмке было отчётливо видно, как пьяный Олег пытается залезть под юбку официантке, а та ловко уворачивается, одновременно закидывая на поднос пустые рюмки. М-да, Бабе Яге палец в рот не клади... И суток не прошло, а сколько собрано компромата.

– Выключайте давайте! – скомандовала мама, освобождая место в центре стола для блюда с запечённой уткой в окружении подрумянившихся ломтиков картофеля. С уткой соседствовала миска с овощным салатом и ещё одна, с солёными груздями, залитыми сметаной. Имелись и разные копчёности, пластики красной рыбы, баклажаны с чесноком. Егор охотно забыл про новости и накинулся на еду, наложив себе полную тарелку.

Едва расселись, снова зачирикал звонок.

– Это Тимур. Я открою.

Одинцов не удивился. Родители всегда хорошо относи-

лись к его друзьям, а Тимуру мать особенно благоволила. Да и тот никогда не отказывался помочь отвезти рассаду на бабушкину дачу или забрать урожай, забив багажник кабачками и вёдрами с малиной.

Из прихожей донеслось:

– Любовь Григорьна, это вам!

– Ой, Тимур, не надо было! Сегодня же не праздник.

Мама вернулась с букетом жёлтых георгинов. Егор вздохнул – он-то вечно забывал купить по дороге цветы или хотя бы шоколадку... На друга бросил осторожный взгляд. Тимуровой развалюхе вчера крепко досталось, и дверцу помяли, и зеркало боковое оторвали. А денег от общины вряд ли хватит на полноценный ремонт.

Но Тимур заглянул в гостиную, улыбнулся и поднял в знак приветствия пятерню.

– Здравсьте, Константин Игоревич! Егор, привет!

– Здравствуй-здравствуй, давно не заходил. Как жизнь молодая? – добродушно прогудел батя.

– Да по-всякому, машину вчера разбил...

Мать прижала ладонь к груди.

– Сам-то цел? Никто не пострадал?

– Всё хорошо, Любовь Григорьна. Как говорится, спасибо, Господи, что взял деньгами. Пойду руки сполосну.

– Бери голубое полотенце, оно чистое, сегодня повесила! – вдогонку крикнула мать.

Вернувшись, Тимур пожал всем руки и устроился побли-

же к Егору, придвинув соседний стул.

– Будь другом, морсу налей.

Егор потянулся за кувшином, шёпотом спросив:

– Много менять?

– Дверь и крыло. Ну и так, по мелочи, арку, накладку на порог. Да разберусь.

– Прости, что так вышло.

– Забей, бывает. Зато в курсе, какой шухер в городе поднялся?

Мама услышала окончание фразы.

– Ты про мошенников этих? И не говори. У нас бухгалтерша квартиру там хотела покупать. Уже документы на ипотеку подала. Хорошо хоть, оформить не успели.

И опять из коридора донеслась мелодичная трель. В этот раз папа опередил маму, бросив:

– Сиди, я сам.

Щёлкнул замок, радостный мужской голос поинтересовался:

– Здравсьте! А Егор, случайно, не у вас? Я Василий Баюнов, его друг.

– У нас, у нас. А меня зовут Константин Игоревич, будем знакомы. Раздевайся, проходи.

Егору очень хотелось вскочить со стула и кинуться в коридор. Но он удержался, чтобы не волновать родителей. Дождался, когда Кот Баюн самолично войдёт в гостиную и с шутливым полупоклоном вручит хозяйке коробку конфет.

– Надо же, какие у тебя заботливые друзья. Вы работаете вместе? Или учитесь?

Мама засуетилась, устраивая нового гостя.

– Работаем. Почти напарники, – Баюн нагло подмигнул Одинцову и присоединился к застолью. Взял чистую тарелку и немедленно вонзился вилкой в розовый пластик форели домашнего посола.

– Ты чего припёрся? – шёпотом поинтересовался Одинцов, ощущая лёгкое дежавю.

– Допрос Бабая перенесли на шесть. Кощей готовится, Василиса на подхвате.

– А чего не позвонил?

– Я звонил, – с обидой в голосе ответил Баюн. – С самого утра. Но у тебя выключено.

Чертыхнувшись, Егор полез в карман. И правда, за ночь мобильный сел, а он и не заметил. Вот почему не сработал будильник, и за весь день никто из знакомых его не побеспокоил. Одинцов хотел уточнить, откуда Баюн узнал адрес родителей, но передумал. Для пронырливого Кота это наверняка не составило труда.

Обед прошёл хорошо. Обсуждали проходившую в Лондоне Олимпиаду, потом ругали мошенников в жилищном строительстве, от них перешли к воскресшему из небытия МММ. Баюн травил смешные байки, Тимур нахваливал мамину кулинарию и два раза просил добавки. Раньше Одинцов поражался, сколько приятель мог умять за один присест.

Казалось, такому объёму еды попросту негде разместиться в невысоком, хоть и плотно сбитом буряте. Но теперь, памятуя об истинной ипостаси, удивляться перестал. Егору было хорошо и спокойно. Убийства, колдуны, колдуньи, обратное зелье, собственный провал на ниве расследования – на какой-то миг весь этот малоприятный набор утратил своё значение. Сейчас он поест, выпит чаю с большим куском яблочного пирога и со всем разберётся. Как любит повторять батя, дорогу осилит идущий. Главное, верить в себя и не сворачивать с выбранного пути.

Глава 16. Допрос покойного в восемнадцать ноль-ноль

25 августа 2012 г. Суббота, вечер, без четверти шесть.

После обеда Тимур попрощался и уехал на авторынок, искать какую-то редкую запчасть. А Егор с Баюном, сытые и отяжелевшие, отправились в крематорий. Ко времени их появления всё было готово. Обряд проводился в помещении, похожем на нечто среднее между моргом и операционной. Стены и пол покрывала кафельная плитка, казавшаяся нестерпимо белой из-за света многочисленных люминесцентных ламп. Было прохладно, даже зябко. Пахло хлоркой, как от воды в городском бассейне, а ещё чем-то кислым, неприятно режущим в носу. На полу возле стены ряд плиток был выложен под углом, с наклоном вниз, к забранному металлической сеткой сливу.

В центре комнаты стоял передвижной стол из нержавеющей стали, рядом – стеллаж, тоже на колёсах, заставленный алюминиевыми тазами, банками и подносами с инструментом. На столе лежал труп, укрытый до подбородка светло-голубой клеёнкой. Участковый не сразу сообразил, что это Бабай: мертвецу сбрили бороду и обмотали голову марлей, спрятав страшные провалы глазниц. На виду оставался только чёрный рот с объединенными губами. Подойдя ближе, Егор убе-

дился, что спрятанное под простыней тело тоже было забинтовано. Плотно, в десяток слоев.

– Зачем это?

– Будут судороги, – ответил Кощей, стягивая с руки чешуйчатую перчатку. – Начнёт дергаться, что-нибудь отвалится или потечёт.

Хозяин крематория встретил гостей в истинной ипостаси. Резкий больничный свет делал его лицо ещё более бледным и измождённым, на впалых щеках лежали фиолетовые тени. Возле не улыбочивого рта обозначились складки, нос заострился, водянистые глаза пристально разглядывали мумию на столе. Доспех из кожи и пластин казался лишённым объёма. Словно кто-то вырезал из реальности силуэт, и сквозь дыру виднелась полярная ночь, где царит стужа и нет ни одного живого человека на тысячи километров вокруг. Над головой Кощей парила чёрная корона с острыми зубцами.

Услышав про «потечёт», Баюн сглотнул и как бы ненароком переместился к стеллажу, на нижней полке которого разместились вложенные друг в друга разнокалиберные тазы.

Сняв перчатки, Кощей передал их ассистенту, а сам встал в голове у Бабая, рассматривая скрытое под повязкой лицо. Не было ни заклинаний, ни магических пассов, но в комнате резко похолодало. Потянуло сыростью, будто неподалёку распахнулась дверь в затопленный подвал. Лампы замерцали, что-то в них жужжало и пощёлкивало, висевшая у входа с жалобным треньканьем угасла совсем. Бортик каталки зарос

серебристым инеем. Егор потрогал край и тут же отдернул руку – металл оказался не просто холодным, а обжигающе ледяным.

Внезапно голова Бабая дёрнулась, вывернув подбородок под странным углом. Из-под клеёнки высунулся забинтованный локоть, а за ним и вся сведённая судорогой рука. Открылся рот, из глотки полился тихий тоскливый вой. Смотреть на это было тяжело: Василиса шмыгнула носом и спрятала лицо на плече участкового. Баюн громко сглотнул, его подвижная физиономия застыла и потемнела. А вот лицо Кощея, напротив, оживилось, наполнившись странным недобрым светом. Уголки губ дрогнули и приподнялись, как у архаичных статуй, про которые однажды рассказывали на канале Культура. Смотреть на его сосредоточенное и одновременно торжествующее лицо, на льдистые глаза было даже неприятнее, чем на мертвеца, бьющегося в конвульсиях на металлическом столе.

– Можно уже задавать вопросы? – спросил Одинцов, успокаивающе поглаживая Василису по спине. После чего подумал: задать-то он их, положим, задаст. А вот как Бабай на них ответит без губ и без языка? Вариант с подмигиванием (два раза – да, один раз – нет) тоже исключался, по чисто техническим причинам.

Однако Кощей всё предусмотрел. Повинуясь сигналу, молчаливый ассистент взял с полки маркер и вложил его в трепыхающуюся руку. Забинтованные пальцы вслепую на-

щупали предмет и неожиданно цепко за него ухватились. Убедившись, что труп держит маркер достаточно крепко, ассистент снял колпачок. После чего поднёс альбом для рисования, удерживая его так, чтобы кончик чуть-чуть не доставал до бумаги.

– Можете начинать допрос, Егор Константинович. Только учтите, абстрактное мышление у него сейчас отсутствует. Формулируйте вопрос как можно проще, без метафор. У вас в распоряжении шесть-семь минут.

Егор украдкой выдохнул воздух и шагнул вперёд.

– Ты кого-нибудь убил ради собранных фрагментов?

– Ы-ы-ы... – завыл труп, клацая перекошенной челюстью.

В чёрном провале зашевелился обрубок языка.

Кот Баюн хотел что-то сказать, но вместо этого задержал дыхание, надув щёки и поджав посеревшие губы. Рука мертвеца тыкалась маркером в бумагу, оставляя хаотичное скопление точек и полос. Голова качнулась из стороны в сторону, но участковый не понял, была ли это конвульсия или осознанный отрицательный ответ. Одинцов растерянно потёр подбородок. Это будет сложнее, чем ему представлялось. Ассистент выдрал, смяв в комок, разрисованный лист и подставил мечущейся руке следующий, чистый.

– Давай так: крестик – нет, галочка – да. Он же сможет нарисовать галочку? – уточнил Егор у Кощея.

Владыка смерти стоял прямо, сложив руки за спиной. На его плечах, украшенных загнутыми кверху пластинами, от-

куда-то появился плащ с неровным, изодранным в лоскуты подолом, колышущимся от несуществующего ветра. Участковый мог поклясться, что секунду назад никакого плаща не было. Зубцы короны удлинились, превратившись в шипы. Сам убор парил, не соприкасаясь с коротко остриженными белыми волосами. Кощей выгнул уголок рта, не подтверждая и не отрицая предположение участкового.

Но тут Бабай повернул слепую голову, напрягся и нарисовал на листке большой крест. Егор прикрыл глаза, обдумывая следующий вопрос.

– Ты знал своего убийцу?

Дрожащая прерывистая галочка.

– Ты рассказал ему про метасказку, а также где искать оставшиеся фрагменты, верно?

Ещё одна галочка, поменьше, зато и поровней. Для успокоения совести Егор перепроверил неудачные версии:

– Это был Тугарин Змей? Злая Мачеха или кто-то из её подручных?

Нет, нет и нет. В нос шибануло усилившейся трупной вонью, из-под клеёнки вытекла мутная струйка, разбившаяся на брызги о кафельный пол. Капли угодили ассистенту на ботинок, и он передвинул ногу, продолжая держать альбом на вытянутых руках. Похоже, Бабай мог и не протянуть обещанных семи минут...

– Напиши имя, – предложил участковый.

Маркер задвигался, выводя спутанные зигзаги. Нагнув-

шись, участковый взгляделся в получившийся узор. На имя это не слишком походило. Притихшие Василиса и Баюн, в котором брезгливость вела борьбу с любопытством, встали у него за спиной, тоже пытаясь расшифровать значение рисунка. Если бы не гнетущая атмосфера, задача походила бы на детскую игру. Угадай слово за тридцать секунд. Или проиграешь...

– Облако? – предположила Василиса.

– Взрыв или тоннель? – подкинул версий Баюн.

– А-о-а... А-о-у-а-а-а... – Труп мотнул головой. Омерзительная капля застучала с новой силой, что-то чавкнуло и с сочным шлепком упало вниз. Егор поспешно отвернулся, не желая проверять, что именно.

Прятели продолжали сыпать предположениями. Солнце? Воронка? Свет? Бинты на лице Бабая промокли и потемнели, из-под них потекла багровая жидкость, будто мертвец не выдержал и зарыдал кровавыми слезами. Конвульсии усилились.

– Тише-тише... Егор Константинович, переходите к следующему вопросу, иначе связь оборвётся. Возможно, это имя слишком много значило для нашего... испытуемого. – Бледный лоб Кощея покрылся испариной, резче обозначились тени под скулами и бровями.

– Я знаком с этим человеком? – спросил Егор, просто чтобы не молчать.

Труп успокоился, но зажатый в руке маркер остался непо-

движным. Ни галочки, не крестика. Скорее всего, покойный не знал ответа на вопрос.

– Это кто-то из твоего постоянного окружения? Событьник, коллега, сосед?

Крестик.

– Где ты с ним познакомился, Бабай? Давай, напрягись, ты же хочешь, чтобы мы поймали твоего убийцу.

– А-а-о-о-у-у-а-а-а... – с невыразимой тоской выдавил труп. А потом вдруг выронил маркер и поднёс палец к лицу, обмакнув бинты в тёмно-багровую, почти чёрную кровь. И этой кровью изобразил на листке новую фигуру: три неровных полукруглых загогулины.

– Это похоже на повёрнутые друг к другу буквы эс, – заметила Василиса. – Эс-эс-эс? Что-то, что начинается на три эс? Или две эс и э?

Ассистент вернул маркер мертвецу. Оба предположения были отвергнуты решительным крестом. Егор вздохнул. Сплошная шарада, а не допрос.

– Ладно, адрес можешь свой написать? – спросил участковый, сдавив переносицу большим и указательным пальцем. – Где ты жил, когда... когда жил?

– Лучше поступательно, – пришёл на помощь Кощей. – Бабай, слушай внимательно. Ставь точку, когда услышишь верный вариант. Если не услышишь, ничего не рисуй. Ты жил в Центральном районе? В Северном? Заводском? Зареченском? В Зареченском, очень хорошо... Мы тоже здесь на-

ходимся, возьмём крематорий как исходную точку. Отсюда до твоего дома пять минут пешком? Меньше? Больше? Десять минут пешком? Десять минут пешком.

Ассистент уже протягивал Кощею развёрнутую на планшете карту. На редкость прозорливый повелитель смерти предусмотрел и такой вариант.

– Десять минут пешком от крематория на север? На запад? На восток? Так, что у нас на востоке... Коттеджный посёлок и бизнес-центр вычёркиваем, перейдём к чему попроще...

Кощей принялся перечислять названия улиц. Затем номера домов, подъездов, этажей и, наконец, квартир. Через пять минут допроса на карте появился точный адрес. Бабай вздрогнул в последний раз и затих. Пальцы разжались, маркер упал в натёкшую со стола лужу.

– Вы всё слышали, товарищ сержант. – К концу допроса Кощей выглядел измотанным до предела. Сумрачный огонь в глазах потух, сменившись вполне человеческой усталостью. – У Бабая не было родственников. Я позабочусь о похоронах.

– Спасибо. За всё.

После тягостной процедуры хотелось вернуться домой и принять душ. Но у Егора возникло чувство, что время работает против них. Пожав прохладную руку бизнесмена-некрманта, он вышел в коридор, а оттуда – на крыльцо крематория. Из-за забора донёсся гудок, створка ворот откатилась в

сторону с негромким металлическим дребезжанием. На территорию въехал автобус с надписью «Заказной» на лобовом стекле. В салоне сидели люди в костюмах, виднелись заплаканные лица, кто-то придерживал поставленный в проходе венок из еловых ветвей, перетянутый траурной лентой.

– Дай-ка глянуть. – Егор обернулся к Баюну.

Тот протянул вырванный из альбома листок с Бабаевыми рисунками. Что же это значит? Может, всё-таки солнце? Свет моей жизни? Нет, Кощей предупреждал, что абстрактное мышление у мертвеца отсутствует... А три кровавых закорючки? Сердце? Бука ведь говорил, что тот в кого-то влюбился...

– Куда теперь, начальник? – поинтересовался Баюн.

– Ты слышал адрес. Десять минут на восток.

Дом Бабая оказался на удивление симпатичной новостройкой, окружённой ярко-зелёными лоскутами газона. Первый этаж делили между собой пекарни, спортзалы и студии, обещавшие научить дошкольников лепить из глины и танцевать. За прозрачной дверью в подъезд виднелись ряды почтовых ящиков, чья-то детская коляска, беговел с надувными колёсами. Похоже, дом выбирали молодые семьи. Из-за пасмурной погоды во многих окнах горел свет. Егор запрокинул голову, прикидывая, на какую сторону выходит искомая квартира. Должно быть, вон та, слева на пятом этаже. За перекрестьем рамы шевельнулась тень. Или это в стекле

отразились плывущие облака? Не желая рисковать, участковый бросился ко входу. Интуиция забила тревогу, коря хозяйина за нерасторопность. Он кинул взгляд на табличку «Подъезд №2. Кв. 36-72» и набрал на домофоне первый попавшийся номер. Длинные гудки, никого нет. Следующий номер. Тоже никого. С третьей попытки пиликанье сменилось вопросительным «Кто?». Не желая пускаться в объяснения, Егор ответил «Я». Простенький трюк сработал – пропел короткий сигнал, приглашая войти.

– Вы на лифте, я пешком!

Отмахав череду лестничных пролётов, Одинцов выскочил на площадку и подёргал за ручку дверь в шестьдесят третью квартиру: заперто. Из щели у косяка слабо тянуло запахом бытового газа. Значит, шевеление ему не почудилось, а было реальным. Кто-то увидел компанию с участковым во главе и выкрутил вентили на плите. Зачем? Убийца опять хотел замести следы с помощью взрыва? Но чтобы газ достиг нужной концентрации, потребуется не один час!

Дверь осталась от застройщика, самая дешёвая, из ДВП на каркасе. Да и запиралась на простой китайский замок. Егор отступил, готовясь вышибить преграду пинком.

– погоди! – крикнула Василиса, выбежав из лифта. – соседей всполошим!

– Хрен с ними. – Одинцов с силой выбросил ногу вперёд. Дверь прогнулось, но устояла. К атаке присоединился Баюн, и через несколько ударов полотно разделилось на части, цен-

тральная из которых с грохотом провалилась внутрь.

– Полицию вызову! – Из соседней квартиры, как чёртик из шкатулки, высунулась тётка в фартуке и с руками, перепачканными мукой.

– Уже здесь! – Сверкнув удостоверением, Одинцов кинулся внутрь. Задержавшийся в коридоре Баюн принялся убеждать разгневанную женщину успокоиться и лечь спать, забыв про недоделанные пироги.

За десять секунд Егор облетел квартиру. Никого. Пусто в ванной, в туалете, чулане и на кухне. Пусто в единственной жилой комнате, в зеркальном шкафу-купе и под диваном. Балкона нет, прятаться больше негде. Через окно, судя по nepотревоженной пыли на пластиковом откосе, никто не убежал. Да и вечер сейчас, а не ночь, слишком велик риск попасться свидетелям на глаза. От избытка чувств Егор врезал кулаком по раме и вернулся на кухню, где закрыл все четыре вентиля на плите. После чего распахнул окно и глубоко втянул воздух, пахнувший мокрой тополиной листвой. Неведомый жилец Бабаевой квартиры улизнул прямо из-под носа. В подъезд он не выходил, иначе они столкнулись бы на лестнице или в лифте. Значит, телепортировался с помощью амулета.

Что ж, остаётся осмотреть квартиру и понять, зачем неизвестный сюда приходил.

Всё указывало на то, что фольк не просто заглянул в убежище Бабая по каким-то своим делам. Он здесь жил. В ра-

ковине лежала грязная, но не заплесневевшая посуда. В холодильнике нашлись йогурты со вчерашней датой изготовления, фрукты, вскрытый пакет молока. Да что там, чайник был ещё тёплым! На потолке в ванной набухли капли конденсата, зеркало запотело, а на батарее сушилось влажное полотенце. Кто-то облюбовал квартиру Бабая, понимая, что хозяин никогда сюда не придёт. А кто это знал наверняка? Убийца, вот кто.

Переместившись в спальню-гостиную, Егор продолжил осмотр. Следующий вывод – квартира сдавалась в аренду. На это указывал простенький, какой-то безликий ремонт – белые обои под покраску, натяжной потолок, новый, но уже местами поцарапанный ламинат. Мебель разношёрстная, явно набранная откуда придётся. На съёмные квартиры часто везут, чего не жалко, не думая про дизайн. Ни книг, ни фотографий, ни дурацких сувениров, привезённых коллегами из Таиланда – полное отсутствие личных вещей, какими неизбежно обрастает постоянное жильё. Только необходимый минимум: стол, стул, диван, тумбочка и шкаф-купе.

В интерьер не вписывалась большая, не меньше метра в длину, фотография на стене, накатанная на картон. На ней разливалось дразнящей лазурью море, перетекавшее в голубое небо. К линии горизонта мчалась яхта, чей нос занимал середину плаката. На палубе загорала блондинка в отдельном купальнике и соломенной шляпе с широкими полями. Рядом с шезлонгом стоял бокал с коктейлем, украшенный

зонтиком и кружком ананаса. Интересно, фотографию повесили хозяева, желая оживить интерьер? Или это Бабай мечтал об отпуске на тропических островах?

Стоящих находок обнаружилось две. Первая – недорогой мобильный. Видимо тот, что по рассказам Буки прослушивали непритязательные агенты Моссада. Но толку от устройства было мало. Убийца (а кто ещё?) тщательно почистил память: удалил список звонков, опустошил телефонную книжку, и теперь во всех вкладках горело одно и то же сообщение – «Записей нет». Важность второй находки, молотка, вызывала сомнения. Валялся он в чулане на полу, других инструментов поблизости не наблюдалось. Хозяева квартиры забыли после ремонта? А может, бросили совсем – был он старым, с истёртой рукоятью и шероховатым от ржавчины бойком, на боку которого прощупывалось клеймо.

Василиса щёлкнула выключателем. За её спиной маячил изнемогавший от любопытства Баюн. Три светодиодных лампочки в круглых плафонах затопили комнату ярким светом, уничтожив полутона и сгустив тени под столом и диваном на высоких хромированных ножках.

Что ещё? На подоконниках и на тумбочке лежал тонкий слой пыли, но ничего не разбросано. Не чистота, но и не запущенный срач, как в квартире покойной Алёны или дома у него самого. Наклонившись, Егор заглянул под диван. Ни грязных носков, ни кошачьей шерсти, ни банановой кожуры, лишь крошечная темнота. И запах такой... интересный...

Бытовой газ выветрился, уступив место пряному аромату. Одинцову показалось, что он встречал его раньше, но где? Может, чьи-то духи? Он пошарил взглядом по комнате в поисках зацепки. Ничего. Вернулся на кухню, открыл шкафчик под раковиной и вытащил ведро с вложенным в него пакетом. Мусора набралось немного: картонная коробка из-под овсяных хлопьев, использованные чайные пакетики, шкурка от апельсина... А это что? Аккуратно, обернув руку полотенцем за неимением перчатки, Егор достал стеклянный флакон. Отвинтил позолоченный колпачок, понюхал. Определённо, это и был источник знакомого аромата. Странно, на бутылке ни этикетки, ни какой-нибудь гравировки с названием парфюма. Разве духи так продают?

– Дай-ка... – со всеми предосторожностями Василиса приняла флакон из рук Одинцова. Перевернула, встряхнула, подождала, когда вытечет последняя капля. Растёрла переливчатую жидкость подушечками пальцев.

– Это обратное зелье. Уже заряженное, то есть перемешенное с кровью того существа, чей облик хотят продублировать.

Известие Егора не удивило. Только обратное зелье могло объяснить появление двух Бабаев в разных местах.

– Дорогая разновидность, – продолжила девушка, слизнув каплю языком. – Позволяет копировать умения фолька.

– Напомни, сколько оно стоит? Хотя бы приблизительно? – Егор перевёл взгляд на распахнутое окно, продол-

жая вертеть колпачок в руках. Тот был круглым, гладким, с небольшой зазубриной на ободке. Запах газа больше не чувствовался. А что, если убийца для того и открыл конфорки? Чтобы замаскировать этот самый аромат? Где же это было... Какое-то воспоминание, словно шустрая рыбёшка, вынырнуло из глубины. Но поймать себя не дало, ускользнуло и спряталось в мутном иле случайных мыслей.

– Около трёхсот тысяч.

– А можно я молочка налью? Это же не улика? – не дожидаясь разрешения, Баюн полез в холодильник.

Кстати... Молоко, хлопья, йогурт, фрукты – не похоже, что здесь обитал мужчина. Тем более Бабай, ни разу не последователь здорового образа жизни. Может, Бука ошибся, и симпатии друга оказались взаимны? Или... женщина действительно была. Да только ей от Бабая оказалась нужна не любовь, а заветная тайна – как найти и собрать тринадцать частей метасказки. Потому что она и сама мечтала о роскошной яхте, что увезёт её вдаль от тяжёлой работы и квитанций на оплату коммунальных услуг.

Поддавшись наитию, Егор быстрым шагом направился в гостиную. Содрал со стены постер с морским пейзажем, едва не оторвав хлипкий гвоздь, на котором тот висел, перевернул... К обратной стороне крепились цветные стикеры для заметок, фотографии, вырезки из книг и обрывки бумаг. Заметки делились на тринадцать частей, каждая из которых была обведена кружком и пронумерована: один, два,

три... Цифры соединялись между собой красными шерстяными нитями, как в фильмах про теории заговоров. На большинстве фотографий были запечатлены пожилые женщины, иногда вместе с маленькими детьми. На двенадцатом снимке собралась вся семья: отец, дочь, бабушка и пятилетняя Ксюша. Майя Георгиевна улыбалась Одинцову добродушно и немного лукаво, будто говорила: «Ну как, сынок, догадался? Когда уже поймаешь злодея?». При виде этой улыбки, навсегда исчезнувшей за Кромкой, лицо Василисы исказила печаль. Физиономия примчавшегося с кухни Баюна тоже вытянулась и погрузнела, что не помешало Коту присосаться к тетрапаку с молоком.

Тринадцать чисел, тринадцать фрагментов, тринадцать фотографий, и на каждой в уголке накарябан адрес. Егор прочитал отрывок метасказки, случайно попавшийся на глаза: «Летит на него лютый змей, огнём палит, смертью грозит». И в том же духе до конца абзаца, где герой и змей сошлись в смертном бою. С первого по одиннадцатый номер почерк везде одинаковый: буквы неразборчивые, строки плывут вверх-вниз, много зачёркиваний и помарок. Плод труда Бабая за последний год. А вот двенадцатый фрагмент написан по-другому, старательным почерком прилежной ученицы. Под тринадцатой фотографией пусто. Убийце осталось найти последний фрагмент.

И вдруг всё встало на места. Егор спрятал лицо в ладонях и застонал от злости на самого себя. Дурак, какой же он ду-

рак! Не смог сложить два плюс два!

Но лучше убедиться. Он снова залез в чулан и поднял молоток. Боёк усеивали круглые вмятины от ударов, из-за чего он напоминал миниатюрный планетоид, изувеченный атаками астероидов. Клеймо сгладились сильнее, чем на топоре, и на ощупь ничем не отличалось от железных оспин и бугорков. Егор достал из кармана мобильный, открыл список звонков и нажал зелёную кнопку «Вызов». После первого же гудка в трубке раздалось скрипучее «Алё!». На фоне залихватски наяривала гармонь, ей вторила балалайка, слышались топот и развесёлый девичий визг. Вечеринка в «Сказочном восторге» была в самом разгаре.

– Ничего не спрашивайте, отвечайте на вопросы. Как звали девушку, что работала у вас администратором и вчера не явилась на смену? Из-за которой Марфуше пришлось клиентов встречать? Понял. Всё потом. Она исчезла без предупреждения, на звонки не отвечала, дома не появлялась, так? А сколько она проработала? Ясно, спасибо. Занят, позже объясню.

Баба Яга что-то ещё говорила, но Егор, не дослушав, отключился.

Это было так просто и так очевидно. Сумасшедший пазл сложился. Кто ещё был вечером в среду на веранде «У Ваню», на кого Егор быстро перестал обращать внимание и потому спокойно обсуждал план обыска на Молодёжной? Кто точно знал про газовые баллоны, хранившиеся на кухне

ресторана? Кто слышал, как Василиса расспрашивала Старого Филина о метасказке? И чьё появление посреди ночи не испугало бы архивариуса? Перед смертью танцовщица Алёна была одета в банный халат, с наклепленным на лицо косметическим патчем. Девушки, заранее договорившиеся о встрече, в таком виде мужчин не встречают. Разве что по-друг. Одинцов вспомнил разбитый флакон, чьё содержимое вытекло на асфальт и растворилось в каплях дождя. Но он успел почувствовать аромат, так похожий на запах духов.

– Это была...

Тьма под диваном обрела форму и сбила с ног легковесного Баюна, припечатав того об стену. Не останавливаясь, бросилась на участкового, растопырив чернильные лапы.

Егор отпрянул. Когти махнули в сантиметре от лица, едва не полоснув по щеке. Лже-Бабай двигался невероятно быстро. Тень исчезала и появлялась то слева, то справа, то за спиной. Вокруг фигуры, сбивая с толку, извивались призрачные лохмотья. Егора выручала хорошая реакция, отточенная за годы занятий спортом. Человек и фольк принялись кружить по квартире, сшибая мебель и запинаясь об упавшие вещи. Когтистая лапа задела плечо, распоров рубашку и оцарапав кожу. Порез полыхнул огнём, а в коленях появилась внезапная слабость. Одинцов пошатнулся, в последний миг уклонившись от удара. Похоже, Бабай выделял какой-то токсин, как те сёстры-паучихи.

Собравшись с духом, Егор прыжком разорвал дистанцию.

Расстегнул и выхватил из петель ремень с металлической пряжкой. Нельзя подпускать монстра к себе. Замахнулся, хлестким ударом врезав по морде. И ещё раз, метя пряжкой прямо в глаз. Взял ремень на растяжку и перехватил лапу лже-Бабая, поймав её в кожаную петлю. Бросок, кувырок. Силуэт из тьмы с вполне материальным грохотом стукнулся о ламинат. Хорошо, что убийца обернулась монстром. Останься она в своей ипостаси, Егор вряд ли смог бы драться в полную силу. Едва он схватил лже-Бабая за локоть, собираясь провести болевой приём, чёрная лапа распалась на клочья тумана. Как и остальное тело: убийца телепортировалась. И Егор мог поклясться, что знает, куда.

Глава 17. Смертный бой

25 августа 2012 г. Суббота, вечер, начало девятого.

– Ты как?

– Порядок... – Баюн поднялся на ноги, потирая зашибленный копчик. Брезгливо отряхнул налипшую на манжеты пыль, по-новому уложил съехавший шарф. – Извини, что не помог. У этой гадины когти ядовитые, в глазах поплыло.

– Этой гадиной была Алёнушка. Официантка, из «Аленького цветочка».

– Полегче, начальник!

– Ты ошибаешься! Это не она!

Не обращая внимания на протесты фольков, Егор повторно набрал Бабу Ягу. Но на этот раз трубку никто не взял. Чёрт, как не вовремя.

– Дай номер Кощея!

Василиса помотала головой, округлив и без того большие серо-зелёные глаза.

– Алёнушка – хорошая! Она бы никогда не пошла на такое зверство. Не сходи с ума.

– Просто дай номер, очень тебя прошу!

Судя по недовольно поджатым губам, девушка осталась при своём мнении. Но контактами поделилась, и Егор приглянулся мерить шагами комнату, слушая длинные гудки. Чтобы не терять времени, отлепил от плаката фотографию под

номером тринадцать. На ней, в отличие от других снимков, был запечатлён молодой мужчина, ведущий за руку мальчика детсадовских лет. Снимок был сделан зимой. За собой мужчина волок по снегу ватрушку, наверное, шёл с сыном кататься с горки в центральный парк. Стоп, да это же Артёмка! Тот мальчуган, что дружил с убитой Ксюшей и рассказал про её рисунки! Отца Артёмки Егор не узнал из-за натянутой на лоб шапки и толстой куртки с высоким воротником. Но теперь пригляделся внимательней – ну точно. Участковый торопливо пробежался по строкам на выданном из блокнота листе: «См. дневник, это может быть только он, мельник! Миллер Алексей Максимович. Филолог, переводчик, внештатный сотрудник издательства «Илиада». Каждые выходные проводит с семьёй на даче, СНТ «Яблонька», ул. Озёрная, участок тридцать пять».

Да быстрее же, Кощей, бери трубку!

Сколько времени осталось в запасе? Бабай, чьи умения позаимствовала Алёнушка, не умел телепортироваться на большие расстояния, два километра – его предел. Силы зелья хватит на два-три прыжка. А дача далеко, Одинцов помнил этот посёлок, друзья родителей купили там десять соток. Алёнушке придётся добираться на электричке или искать водителя такси, согласного на ночь глядя тащиться в глухую даль. Как быстро Алёнушка выйдет из себя и превратит допрос в безжалостную пытку? Она ведь знает, что по следам уже идут.

– Слушаю вас, Егор Константинович.

Не трата времени на предисловия, Егор зачастил в трубку:

– Убийца – фольк Алёнушка. Бабай в неё влюбился и посвятил в свою тайну. На сеансе он пытался нарисовать кровью «Аленький цветочек», те дуги или буквы эс – лепестки. Алёнушка решила, что сможет закончить сбор фрагментов сама, без него. Заняла денег у Злой Мачехи под залог квартиры и купила оборотного зелья. А Бабая устранила, потому что начал мешать. Сейчас она...

– Стоп, подождите! Я понимаю, вам хочется найти убийцу. И у вас чрезвычайно живая фантазия, мы все успели в этом убедиться. Но должен быть какой-то предел. Мой вам совет: отдохните. Выспитесь, погуляйте на свежем воздухе, проветрите голову. И возьмитесь за дело с новыми силами. Всего доброго!

Твою мать! Егор от злости стиснул телефон, да так, что затрещал пластиковый чехол. А чего он ждал? Кто примет его слова всерьёз после того, как он дважды облажался? Конечно, если приехать к Кощею в офис и обстоятельно, глядя некроманту в глаза, пересказать ход рассуждений, тот поверит. Как минимум, позволит изучить перспективную версию. Но на это нужно время. А времени-то и нет. Им ведь тоже надо добраться до садового товарищества, а это пятьдесят километров от города, если не больше.

– Нужна машина, любая, прямо сейчас.

Баюн, неуверенный, что правильно понял приказ, припод-

нял крутоизогнутую бровь.

– Мне всё равно, где ты её достанешь.

Получив карт-бланш, приятель расцвёл и выскочил из квартиры, легко перемахнув опрокинутый стул.

А Егор принялся рвать плакат вместе фотографиями, заметками и фрагментами метасказки. Смял всё в комок, бросил на пол, да ещё потоптался ногами. Оставалось найти дневник колдуна, из-за которого разгорелся сыр-бор. Алёнушка украла его из библиотеки Старого Филина, опасаясь, что архивариус обнародует сведения о метасказке. Квартира Бабая стала её убежищем, значит, дневник тоже находится где-то здесь.

Шкафы и тумбочки он обыскал. Секретный сейф в квартиру под сдачу монтировать никто не будет. А вмурованным в стену тайникам в новостройке взяться неоткуда, это же не фамильная усадьба из готических романов. Остаются два-три популярных места, где обыватели любят прятать ценные вещи. Одинцов ощупал крышку стола с нижней стороны, заглянул за батарею и в бачок унитаза, перетряхнул постельное бельё в шкафу, но ничего не нашёл. Значит, или морозильник, или припасы на кухне. Так, где тут бакалея... Макароны пересыпаны в стеклянную банку, не годится. Пакет с гречкой почти пустой. А вот большая упаковка мюсли оказалась слишком тяжёлой для своего содержимого. Егор, не церемонясь, высыпал хлопья с орехами на пол. В картонной коробке осталась лежать пухлая тетрадь.

Сухие и шершавые на ощупь страницы пожелтели от старости, а на срезе и вовсе ушли в рыжину. Обложка из ткани выцвела и покрылась пятнами, нити у корешка растрепались неряшливой бахромой. На первом развороте было аккуратно выведено чернилами: «Дневник размышлений и чувств, адресованный единственно себе самому». Егор торопливо пролистал пахнущие пылью и засохшим клеем страницы. Остановился на первом попавшемся развороте, пробежался по строкам, написанным каллиграфическим почерком с сильным наклоном вправо: «...миром правят материи более тонкие, нежели предполагают в своих многотрудных штудиях величайшие учёные, включая Антуана Лавуазье, к коему я испытываю глубочайшее почтение. Нити, из которых сплетены и мир, и Божьи твари, и самоё наше естество, имеют нематериальную основу. Многие зовут их эманации, но не свет лежит в их основе, а Слово. И Слово то передаётся из века в век от старших в роду к младшим, от мёртвых к живым, чтобы беспрестанно ткался расчудесный узор, красотой затмевая искусные индийские ковры. Однажды овладела мною прелюбопытная идея – можно ли вмешаться в сиё переплетенье нитей, сиречь Слов, и сложить их по-новому, на своё усмотренье? Мысль эта засела в голове так крепко, что...».

Дальше читать не стал, разорвал тетрадь пополам и бросил в раковину. Туда же полетел принесённый из комнаты бумажный ком, из которого торчали обрывки скотча, листы

для записок и уголки фотографий.

– Зачем? – Василиса придержала участкового за локоть, едва тот поднёс к тетради зажжённую спичку. У плиты валялся целый коробок. – Давай оставим, это же так интересно!

– Нет. Или легенда лжёт, и все эти записи бесполезны. Но лучше их уничтожить, чтобы не плодить последователей. Или колдун, писавший дневник, оказался прав. Тогда мы тем более обязаны сжечь их подчистую. Никто не имеет права перекраивать реальность на свой вкус.

– Но ведь можно использовать силу во благо, не для себя, а для других. Принести пользу!

Спичка прогорела, напоследок ужалив пальцы. Егор бросил её к бумагам и чиркнул новой.

– Даже если сказочником станет не Бабай и не Алёнушка, а самый добрый на земле человек, ничем хорошим это не кончится. Такая власть не для людей. И не для фольков. Что бы вы о себе не воображали, в вас слишком много человеческого.

Трепещущий огонёк упал в раковину, но неудачно – на смятый скотч, куда успела капать вода из подтекавшего крана. Чертыхнувшись, Егор опять полез в коробок.

– Подожди.

Одинцов нахмурился, не желая продолжать неуместный спор. Но Василиса разворошила порванные страницы, нашла фотографию Ксюшиной семьи и спрятала её за пазуху.

– Давай.

С третьей попытки в раковине полыхнул костёр. Бумага прогорела быстро, превратившись в чёрные хлопья. Оплавился и съёжился вязкими нитями скотч, наполнив кухню вонючим дымом. Тетрадь долго не желала поддаваться, но Егор плеснул растительного масла, отчего столб пламени взметнулся на полметра в высоту. Оставшийся пепел смыло водой из крана. Вместе с ней закрутились в водоворот и исчезли в трубе двенадцать месяцев чужой нелепой жизни.

Квартиру Бабая пришлось оставить как есть: с выломанной дверью, следами драки, закопчённым потолком и запахом гари. Всё, что участковый успел сделать перед уходом, это протереть поверхности, к которым прикасался – столешницу, ручки ящиков, выключатели, кран. Благодаря гипнозу Кота Баюна соседка по лестничной площадке забыла их лица, а остальные свидетели, если таковые имелись, наблюдали странную компанию в сумерках и издалека. Нехорошо, конечно, так поступать с коллегами. Но объяснить поступок, не выдав тайну фольков, всё равно не получится. Из имущества владельцев квартиры они ничего не взяли, ущерб нанесли небольшой. Спишут на каких-нибудь хулиганов или исчезнувшего арендатора, решившего подгадать хозяевам напоследок.

Едва Егор с Василисой спустились на лифте и вышли на улицу, напротив подъезда лихо притормозил серебристый Лексус с московскими номерами. Стекло опустилось, из ок-

на высунулся гордый Баюн.

– Пойдёт?

– Где ты его взял? – удивился Егор, забираясь на переднее сиденье внедорожника. Скрипнул кожаный чехол, промявшийся под его весом. Сзади устроилась Василиса.

– Да тут автосервис неподалёку, механик был один. Ну и...

«М-да, – подумал Егор. – Светкиному Олежику в последние дни катастрофически не везёт».

Когда машина тронулась с места, в голове забились тревожная мысль. Правильно ли он поступает, ведя на встречу с Алёнушкой свой небольшой отряд? Грустная официантка на деле оказалась хитрым и опасным врагом. Наверняка она предусмотрела разные варианты развития событий. В том числе и тот, где ей захотят помешать. Что ещё она купила на чёрном рынке, помимо обратного зелья и амулета телепортации? Сколько выучила заклинаний? Какие приготовила магические сюрпризы?

На всякий случай Одинцов настроил Яге Ягинишне подробное сообщение, не особо надеясь на результат. Но пусть лучше знает, где их искать. Оставался всего один человек, готовый поверить Одинцову на слово и помочь. Присутствие этого человека разрушит тайну сказочной общины. Но разве существует на свете тайна, способная перевесить жизнь маленького Артёмки?

– Алексей Юрьевич? Извините, что разбудил. Я знаю, где

скрывается убийца с Молодёжной.

– Почему ты уверен в своей правоте? – спросила Василиса, когда Лексус вырвался на трёхполосную дорогу и принялся лавировать в разряженном по ночному времени автомобильном потоке.

– Потому что Алёнушка работала администратором в «Волшебном восторге». Я должен был догадаться. Помнишь, в разговоре с Бабой Ягой я перепутал Алёнушку с танцовщицей Алёной? А Яга тогда сказала: «Что я ей, работы получше не найду, чем перед мужиками задом крутить». И ты при нашем знакомстве упоминала, что она пашет в две смены.

– Упоминала, – признала Василиса. – Подробностей не знаю, но вторая работа точно есть.

– Баба Яга всё подтвердила. Алёнушка вчера не вышла на работу, пришлось в срочном порядке подменять её уборщицей Марфушей. Ты же сама велела Алёнушке залечь на дно. В клубе она познакомилась с Бабаем, который имел привычку подолгу крутиться в вестибюле. Кавалер не ахти какой. Но думаю, ей польстило, что Бабай начал ухаживать именно за ней, хотя в «Восторге» работают очень эффектные красотки. А тот влюбился, причём всерьёз, и рассказал даме сердца про метасказку. К тому времени Бабай собрал одиннадцать фрагментов. Действовал он скрытно, через сны, пользуясь умениями фолька. На двенадцатом фрагменте дело застопорилось. Алёнушка начала терять терпение. К тому же Бабай

со своей любовью ей надоел, и она решила, что закончит метасказку сама. Заодно с повестки исчез вопрос, кто из них двоих станет сказочником.

– Ты забыл, сколько стоит обратное зелье? Откуда у официантки такие бабки? – Кот Баюн, не сводивший глаз с дороги, прибавил скорость. Кусты на обочине слились в бесконечную ленту, мимо проносились силуэты ёлок и сосен, на горизонте ползла обкусанная щётка далёкого леса. Только месяц застыл неподвижно, прилипнув к небу в углу стекла.

– Взяла в долг у Злой Мачехи. Алёнушка сама об этом рассказала, когда мы спасли её от бандитов и Пиковой Дамы. После богатырских боёв, ты ещё нас подвозил.

– Точно, помню.

Василиса неуверенно возразила:

– Это же на ипотеку...

– Она всем так говорила, и танцовщице Алёне в том числе. Которую потом и убила. Потому что та любила поболтать и знала об ухаживаниях Бабая.

– С чего ты взял?

– С того, что танцовщица Алёна на вопрос «Бабай с кем-то общался кроме тебя?» ответила: «Приватный танец он покупал только у меня». Естественней было сказать: «Нет, не общался». Не захотела впутывать подругу. Ну та её и отблагодарила... Алёнушка сообразила, что через приятельницу можно выйти на Бабая с его странным фетишем, а от него протянуть ниточку и к ней самой. Позвонила, напросилась

на чай. Я видел через волшебную тарелку, как Алёнушка покупала пирожные в магазине. Подружка сразу всё выболтала про допрос и этим подписала себе приговор.

В машине повисла тишина, прерываемая тихим гудением мотора. Баюн пробормотал что-то злое. Егор, помолчав, продолжил:

– Заёмные деньги Алёнушка потратила на обратное зелье и волшебные амулеты. Долг она, кстати, не собиралась возвращать. Пошла ва-банк. Верила, что соберет метасказку и разом избавится от всех проблем.

– Не понимаю... – Василиса растерянно покачала головой. – Всё равно не понимаю, зачем она во всё это ввязалась. Рисковала, связываясь с бандитами Злой Мачехи, творила такие ужасные вещи...

Одинцов щёлкнул по болтавшемуся на зеркале ароматизатору с надписью «Дольче вита».

– Потому что мечтала о красивой жизни. Помнишь, после драки с близнецами она устроила истерику с криками, что устала считать копейки, забыла себя и всякое такое? По полочкам разложила, за что ненавидит свою жизнь и как сильно хочет всё изменить. А ещё у неё из сумочки выпал флакон обратного зелья, а я, болван, принял его за духи.

– Я тоже не заметила... А должна была обратить внимание на запах...

– В общем, Алёнушка решила добыть двенадцатый фрагмент самостоятельно. Но, в отличие от Бабая, не захотела

ночь за ночью высиживать под кроватью, слушая сказки и насылая правильные сны. Не хватило терпения, да и обратное зелье действует недолго. Наверное, ей казалось, что люди специально ничего не говорят, лишают её шанса на красивую жизнь. Чего их жалеть? После расправы над семьёй действие зелья начало ослабевать. Первыми пропали магические умения, остались только внешность и сила Бабая. За дверью толпились соседи, поэтому Алёнушка выпрыгнула из окна. А на следующий день подслушала наш разговор про осмотр квартиры и испугалась. Она знала, что на кухне «У Вано» хранятся газовые баллоны. Когда на улице начался кавардак с Храбрым Бараном, она воспользовалась амулетом телепортации и перенеслась вместе с баллоном на Молодёжную. Взрыв уничтожил все следы, за исключением рисунков Ксюши, потому что бабушка очень вовремя отнесла их на помойку. Узнав про метасказку, мы отправились за разъяснениями в архив.

– И там тоже была Алёнушка... – с лёгким вздохом продолжила Василиса. – Хотела получить пособие к началу учебного года.

– Именно, – подтвердил Егор. – Она злодейка, но хорошая мать. Метасказка когда ещё будет собрана, а тетради в школу нужны сейчас. А может решила, что если не придёт, то вызовет подозрения. Стоя в очереди, она подслушала ответ Филина про метасказку.

Стрелка на спидометре достигла отметки в двести кило-

метров в час. Тимурова развалюха уже на ста тряслась и гудела, как Боинг, заходящий на взлёт в штормовую погоду. Лексус Олега шёл плавно, скорость почти не ощущалась. Баян, не оборачиваясь, спросил:

– А как она узнала, что Филину прислали коробку с дневником колдуна?

– Думаю, захотела выкупить тетрадь из ломбарда, где работал Бабай. А там ей сказали, что всё передали в архив. Но беспокоиться было не о чем. Легенда о метасказке просуществовала сотни лет. Её слышали и другие фольки, например Кощей, но никто всерьёз не воспринимал. Если бы Старый Филин и заинтересовался дневником, то как культурным памятником или чем-то в этом роде. Всё изменилось, когда пришли мы и начали задавать вопросы. Вот теперь Филин, наткнувшись на дневник, стал бы очень внимательным.

– А чем она его стукнула? Ты же ничего не нашёл. – Василиса боязливо потрогала макушку, словно пытаясь понять каково это, получить удар по голове.

– Молотком. После драки с близнецами я приподнял её сумку. Хотел крикнуть Алёнушке, чтобы забрала свои вещи, но не хватило сил. Сумка показалась мне слишком тяжёлой. Могу поспорить, внутри лежал молоток, который она потихому взяла в «Волшебном восторге» из набора инструментов. Весь инвентарь Яги помечен клеймом, ну и выглядит похоже. Когда мы ушли из переулка, Алёнушка вернулась, вспомнив про сумку. И с этим молотком отправилась в ад-

министрацию, зная, что архивариус работает допоздна. Если помнишь, она была в таком состоянии, когда этические барьеры ослабевают.

Они ещё немного пообсуждали детали, повспоминали мелочи, каким раньше не придавали значения. Даже поспорили. Но никто из фольков так и не смог привести аргумент в пользу невиновности официантки.

На повороте к дачному посёлку Баюн выключил фары и сбавил скорость до десяти километров в час. У арки на въезде заглушил двигатель и обернулся к пассажирам, посверкивая в темноте глазами.

– Одиннадцатый час уже. Если ехать дальше, Алёнушка засечёт.

Егор с облегчением отметил, что фольки больше не сомневались в личности убийцы. Ему всё-таки удалось их убедить. А на счёт машины Баюн был прав – в ночной тишине, да на открытой местности звуки разносятся далеко. Мороз с товарищами доберутся нескоро. Пока Алексей Юрьевич людей соберёт, пока задачу поставит, пока то да сё... Лучше пешком пройти до улицы Озёрной, чтобы Алёнушка раньше времени не запаниковала, услышав шум приближающегося автомобиля.

С лёгким щелчком закрылись дверцы. Три фигуры двинулись вперёд, осторожно ступая по накатанному грунту. Тишина в посёлке стояла полная, что понемногу начало удив-

лять. Не так уж и поздно сейчас, десять с четвертью, а завтра выходной. Но безмолвие нарушал только стрёкот цикад, да один раз в кустах прошуршал какой-то мелкий зверёк. Никто не слушал радио, не топали со станции дачники, приехавшие на электричке, не верещала малышня, игравшая в бадминтон до тех пор, пока воланчик хоть как-то удавалось разглядеть на фоне неба. Или пока не пришли родители и не разогнали всех по домам. Даже собаки не лаяли. Вокруг царила абсолютная, лишённая намёка на жизнь тишина.

Впереди светлело пятно неправильной формы, выделявшееся на тёмной обочине. Егор перешёл на мягкую рысь. Девочка-подросток в розовом спортивном костюме лежала у дороги, завалившись на бок вместе с велосипедом. Из корзины, закреплённой на раме, вывалились яблоки, укатились в заросли чертополоха. Ресницы девочки подрагивали, грудь опускалась и поднималась, сердце билось медленно, но ровно – Одинцов приложил два пальца к шее, белевшей в темноте. Чёрт, как не вовремя. Он достал телефон, собираясь звонить в скорую, но зацепился взглядом за ближайший участок, отделённый забором с промежутками между штакетин.

Там тоже были люди. Пожилая женщина в шлёпках на босу ногу и подвёрнутых до колен штанах съехала со скамейки, опустив голову на сиденье. Рядом упал мужчина одного с ней возраста, выронив шланг, откуда тонкой струйкой вытекала вода. Вытекала давно, судя по обширной луже, в которой дрейфовал резиновый тапок.

– И тут, гляди, – шёпотом сказала Василиса, перебравшаяся к соседней калитке и сунувшая руку в щель возле столба, чтобы откинуть крючок.

Большая компания, собравшаяся вокруг мангала, разом потеряла сознание. Вместе с людьми лежала, не двигаясь, мелкая собачонка вроде шпица. Кто резал овощи, да так и рухнул вместе с ножом и разделочной доской, кто разливал по кружкам сок, теперь капавший на клеёнку из открытого тетрапака. Над мангалом поднимался, уносимый ветром, серый дым.

Егор, стараясь успокоиться, сделал глубокий вдох. Ночь пахла сыростью, помидорными кустами и чуть-чуть – искусственным маринадом и горелым мясом. Перед внутренним взором пронеслось видение – дрожащая, испуганная Алёнушка опирается на его руку, чтобы подняться. Помада размазана по губам, на колене – ссадина, в глазах – тревога и накопившаяся за долгие годы усталость. Нет, это уже не она... Это безумие, поселившееся в женском теле, прогнавшее обитавшую в нём душу. Подобно тому, как сама Алёнушка, убив Бабая, заменила его собой. Участковый вспомнил фотографию Ксюшиной счастливой семьи, ворох детских рисунков на ковре... Сомнения исчезли.

– Это какое-то заклинание? – спросил он у Василисы, когда оба вернулись на дорогу, прикрыв за собой калитку и накинув крючок. Баюн гибкой тенью перескочил забор.

– Да. – Девушка зябко передёрнула плечами, хотя ночь

была тёплой для конца лета, градусов восемнадцать. – Похоже, Алёнушка изучала ведьмовство в тайне от всех.

– Оно рассеется, если мы её... остановим?

– Не знаю. Не факт.

Участковый сверился с картой посёлка на экране – две трети пути остались позади. Было темно, но не очень. Фонарь горел только на въезде, зато в небе распогодилось, тучи унесло на запад, обратно в город. Да и у многих дачников вдоль тропинок были вкопаны светильники на солнечных батареях, тут и там мерцали их тусклые огоньки. Ворота, заборы, ворота, заборы. Где деревянные, пьяно накренившиеся вбок, где добротные, на бетонных опорах. Возле одних участков трава подстрижена, высажены ёлки и туи. Возле других всё захватил бурьян, листья лопуха вымахали размером с блюдо для плова. Над ухом противно пищали комары. Вот гадство, лучше бы Алёнушка их усыпила. Чей-то малинник пустил за ограду побеги, протянул сквозь штакетник ветви с тёмно-зелёной бархатистой листвой. Егор не удержался – цапнул ягоду, сунул в рот, ощутив, как разливается на языке сладкий сок.

Добрались до Озёрной улицы. Сначала она шла прямо, затем поворачивала налево, закладывая петлю. Тридцать пятый дом находился в самом конце, на окраине посёлка. За ним, судя по карте, только озеро, лес с широкой просекой под линии электропередач и сами опоры, в темноте похожие на футуристических роботов, застывших с растопыренными

руками.

– Давайте срежем, – предложил Егор, кивнув на выкрашенный белой краской забор, за которым виднелся двухэтажный дом со скошенной на одну сторону крышей. Хозяева в любом случае ничего не заметят. А пробежка через сад позволит сократить половину пути.

Баюн подпрыгнул, и через миг на калитке брякнул отпираемый засов. Одинцов с Василисой ступили на чужой участок. Ухоженный, с зоной для барбекю и декоративной аркой, увитой плетистыми розами, испускавшими одуряющий аромат. Имелся и круглый надувной бассейн, наполненный водой – Егор едва на него не наткнулся, когда попёрся напрямик через кусты.

Но пробежать до противоположной стороны участка не удалось.

Дорогу преградили существа, лишь на первый взгляд напоминавшие людей. Без лиц, с бочкообразными телами болванок для манекенов. Руки заканчивались не человеческой кистью с пальцами, а грубо слепленной культёй, плечи перетекали в головы без намёка на шею.

– Это охрана! – крикнул Баюн, но участковый догадался и сам.

Големов было много, не один десяток. И всё новые стекались на шум, выныривая из сумрака, неуклюже карабкаясь через ограду. Стрела Василисы оставила в темноте изумрудный след и вонзилась в монстра, в то место, где у чело-

века находился живот. Из голема что-то посыпалось, образовалась дыра, сквозь которую проглядывали кусты. Но он продолжал двигаться вперёд, словно запрограммированный на единственную задачу робот. Чем всё закончилось, Одинцов не разобрал – сильный толчок повалил его на газон.

Чёрная масса навалилась сверху, прижала, выбивая дыхание из груди. Егор наугад выбросил руку, ощутив, как под костяшками пальцев проминается нечто тёплое, рыхлое, пахнущее землёй. Да это и была земля! И в ней шевелились дождевые черви, ерошилась прихваченная вместе с верхним слоем почвы трава. Из головы голема торчали сучки и детский резиновый мяч, похожий на огромный, вылезший из орбиты глаз.

Беспорядочных ударов монстр не замечал. Дышать становилось всё тяжелей, Егор разинул рот, заглатывая воздух... Зря – голем сунул в него культю. Рот забило землёй, до самой глотки, да что там, по ощущению чуть ли не до пищевода. Ужас, тошнота, нехватка воздуха, земля, оказавшаяся кислой и жирной на вкус – всё перемешалось в сознании, обернулось паникой, с какой невозможно совладать. Егор бился и брыкался, а потом, на всплеске адреналина, сжал голову монстра ладонями с обеих сторон. И принялся давить, хотя в глазах уже плясали чёрные точки, а в груди болело и жгло. Первым выскочил резиновый мяч, долбанув Одинцова по лбу. За ним посыпался дёрн с ветками и травой, падали горсти земли, и, наконец, после невероятного усилия, ладо-

ни соединились, расплющив скользкое и мокрое, гусеницу или червя. Обезглавленный голем обмяк. В спокойном состоянии Егор ни за что бы такое не повторил.

Он перевернулся, встал на четвереньки, отплёвываясь и вытирая запорошённые чернозёмом глаза. Задышал, глубоко и жадно, не обращая внимания на мерзостный вкус на языке. Передышка закончилась быстро – сразу два голема кинулись на него, вытянув обрубки. Но Егор заметил под кустом лопату и успел её схватить, откатившись с новым оружием с линии атаки. Железо вошло в земляную грудь. Егор сделал круговое движение, с каким выкапывал картошку, и расширил рану, разделив монстра напополам. Взмах – острый край срезал голову с плеч второго существа. С лопатой дело пошло живей, но големов оставалось много. Слишком много.

Рядом, тяжело дыша, отбивались друзья. Когти Баюна оказались бесполезны против существ, лишённых крови, не чувствующих боли. Цепь выхватывала комья почвы, не причиняя вреда. Василиса не успевала целиться. Да и для лука требовалось хоть какое-то расстояние, а хоровод из големов сжимался тесней, разом напирая со всех сторон. Совковая лопата оказалась эффективней артефактов, и участковый орудовал ей без передышки, чувствуя, как по лицу и загривку стекает пот.

Махнув древком и отскочив назад, Егор наткнулся задом на что-то пружинистое, упруго заколыхавшееся. Очередной

голем попытался подмять его под себя, но в следующую секунду оба рухнули в надувной бассейн. Вода оказалась холодной. Одинцов промок до исподнего, но продолжал отбиваться, вслепую вонзая железо в раскисший дёрн. Ноги разъезжались, веки залепила жидкая грязь, летевшая с голема, с громким плеском переливалась за борт вода. Егор до того одурел, что даже не заметил, когда забор и дорогу за ним окрасило красно-синим светом мигалок. Не услышал рычания моторов, и очнулся только когда Кулмагамбетов за шкуру выволок его из бассейна.

Приехали все. И парни из его участка, и два знакомых пэпэ-эсника, и женщина-следователь, судя по одежде оторванная от домашних дел, и даже Головин, выставивший неизменную папку на манер щита. Усы последнего воинственно топорщились, маленькие глазки сузились от гнева.

Нечеловеческую сущность противника заметили быстро. По рядам пронеслись испуганные матюги, кто-то крикнул «Матерь божья! Что это?!». Но Мороз оборвал нарастающий ропот, скомандовав:

– Что за твари, разберёмся потом! И портки мочить будем тогда же. Разбились на тройки! Головин, на тебе нечисть с правого фланга...

– Пулями не эффективно. Лучше этим, – крикнул Егор и перебросил лопату Морозу, а сам припустил к участку номер тридцать пять. В спину летели крики, одиночные выстрелы, неизменный «ёшкин корень», приправленный ругательства-

ми покрепче.

Дальше таиться смысла не было. Шум поднялся такой, что если бы Алёнушка заранее не усыпила дачников, сюда сбегалась бы половина посёлка. Свет в небольшом коттедже из пеноблоков горел во всех окнах, за шторами мельтешила искажённая складками ткани тень.

Егор зацепился за край ограды, подтянулся и спрыгнул на грядку. По ногам хрустнула кожура, подошвы заскользили по раздавленной мякоти тыквы, а может кабачка. В ботинках чавкали мокрые носки, одежда, насквозь пропитанная водой, прилипла к покрывшейся мурашками коже. Одинцов пересёк огород, нещадно топча посадки, прижался к стене под окном и заглянул внутрь. Кухня, пустая. На плите кастрюля с трясущейся крышкой, из-под которой брызжет кипящий суп.

– Я расскажу! Всё, что захотите расскажу, только отпустите сына!

Говорили в соседней комнате. Одинцов замер, на секунду прикрыв глаза. Артёмка и его отец живы, он не опоздал. Прокравшись вдоль стены, участковый заглянул в следующее окно, забранное сеткой от комаров. Шторы сдвинуты, но неплотно. В оставшуюся щель можно разглядеть противоположную стену, оклеенную обоями с мелким рисунком, диван с подушками, край стола. И двух сидящих на полу людей, связанных по рукам и ногам. У щуплого, вихрастого Артёмки рот был залеплен скотчем. Веки припухли, щёки блестели

от слёз. Усыплённые закливанием соседи не могли встревожиться из-за шума. А значит, Алёнушку просто нервировал детский плач.

– Да входи уже, не заперто.

Одинцов впервые услышал голос Бабая. Он оказался неожиданно мягким и вкрадчивым, как у Баюна. Что ж, на эффект неожиданности после устроенного бедлама рассчитывать было глупо. Участковый выпрямился в полный рост, обошёл дом и поднялся на крыльцо. Открыл дверь, миновал короткий тамбур и оказался в той самой комнате с обоями. Тут ещё и камин... За решёткой уютно потрескивали дрова, отбрасывая блики на изломанную, противоестественную фигуру лже-Бабая. Возле ног монстра валялись осколки раздавленной чашки и ноутбук с треснутым экраном. Но люди были целы, только напуганы до полусмерти.

– Это вы... – Отец мальчика бросил на Егора взгляд, полный мольбы. Облизнул пересохшие губы, крепче прижал сына руками, стянутыми на запястьях.

«Дядя полицейский!.. Чего тебе, боец?» – Одинцов словно живую увидел бегущего к нему ребёнка. Он же обещал Артёмке, что чудовище из-под кровати никогда до него не доберётся... В глазах защипало, но Егор сжал зубы, не позволяя себе раскисать. Ничего пока не закончилось.

А лже-Бабай произнёс:

– Я знала, что ты придёшь.

Участковый промолчал, не зная, как на это ответить.

Мысли в голове путались, подходящие фразы никак не шли на ум. Что сказать? Отпусти заложников и сдайся властям? С мокрой одежды капало на ламинат, под ногами начала растекаться лужа.

Чёрный силуэт, вокруг которого извивалось призрачное рваньё, внезапно окутало дымкой. Несколько мгновений сквозь неё было ничего не разглядеть. А когда облако исчезло, посреди комнаты стояла стройная женщина в лёгком плаще и газовом шарфике, накинутом на распущенные волосы. Вот сейчас легко было поверить, что официантка пришла в реальность напрямую из сказки. Предвкушение счастья сделало миловидные черты ещё краше. Карие глаза сияли, к губам прилила кровь, и они раскраснелись безо всякой помады. Но почему она прекратила действие обратного зелья? У Бабая, с его ядовитыми когтями и нечеловеческой скоростью, были все шансы одержать верх.

– Егор... – голос Алёнушки звучал как нежнейший перезвон колокольчиков, – послушай меня. Осталось совсем чуть-чуть, последний фрагмент. И мы сможем изменить мир. Сделаем это вместе. Больше никто не будет страдать, все будут жить-поживать и добра наживать.

– Все, говоришь... И Ксюша? И её семья? И твоя подруга из «Восторга»? – Участковый понимал, что взывать к совести сумасшедшей бесполезно. Но ступор прошёл, и резкие слова сами рвались с языка. – А какую цену надо заплатить за последнюю часть? Почему нынче рай? Одна жизнь? Две?

Алёнушка выслушала отповедь спокойно, даже отрешённо. Ни один мускул не дрогнул на лице, гладкость кожи не испортила морщинка, в гневе пролёгшая меж бровей. Женщина только покачала головой и убрала за ухо каштановую прядь.

– Они это заслужили. Они все, – девушка обвела комнату рукой, подразумевая нечто большее, нежели дачу и двух сидящих на полу людей. – Они меня создали. Привязали к своему поганому миру, окунули в грязь, поманив сказкой. Но я всё исправлю, обещаю! Я сделаю тебя богатым, очень богатым, хочешь? Или станешь сразу генералом, министром! И будешь жить долго, как...

Егор не дал ей договорить:

– Не сделаешь. Я сжёл все фрагменты.

Губы Алёнушки дрогнули и сложились в неуверенную улыбку, а ресницы распахнулись широко-широко. Она будто спрашивала: «Ты ведь меня разыгрываешь, да? Это же неправда?». Но понемногу улыбка растаяла, сменившись гримасой боли. Погас свет, озарявший лицо изнутри. Алёнушка, не издав ни звука, упала на колени и принялась скрести пол, до крови обламывая ногти. Спина тряслась, но рыданий слышно не было, только скрип ногтей о ламинат. Егор подался вперёд, желая встряхнуть женщину, помочь прийти в себя, как тогда, в переулке. Но Алёнушка остановила его, выставив окровавленную ладонь.

– Не прикасайся ко мне! – Теперь её голос звучал гортан-

но и сипло, будто в горле что-то застряло. – Столько лет я ломала себя и сшивала заново вопреки сюжету. Марья Моревна – умная и хитрая, Синеглазка – воительница, Хаврошечка умеет колдовать. А я – удобная для всех дурочка, вечно жертвующая собой. Потому что настоящая любовь обязательно превратит уроды в прекрасного принца. Не превратит!

Последние слова Алёнушка проорала с надрывом, некрасиво искривив рот. Женщина-фольк словно постарела за одну минуту. Лицо потемнело и больше не выглядело милостивым. Она с трудом поднялась на ноги, шатаясь и заваливаясь на бок. Телесного цвета колготки порвались на коленях, совсем как в ту ночь, когда участковый спас её от бандитов. Выходит, теперь он поменялся местами с амбалами-близнецами...

– Не превратит... – уже тише повторила она. – Чудовище останется чудовищем. И начнёт тебя попрекать – мало любишь, плохо заботишься, вот поэтому я и урод. Тогда я подумала, что менять надо себя. Два столетия учила заклинания, мечтала стать ведьмой. Но сколько ни старалась, не смогла сравниться ни с Наиной, ни с Хаврошечкой, ни даже с Солохой. Потому что меня задумали как простую, бесталанную дочку купца. А потом появился Бабай. Говорил о любви, букеты дарил, обещал, что станет сказочником и бросит к моим ногам целый мир. Квартиру приличную снял, предложил съехаться и жить вместе. Я пришла к нему в гости, а она...

она однокомнатная. Я спросила: а как же мои дети? Где комната для них? А он сказал... Он сказал, что хочет своих детей, а мои ему не нужны. Что ему осталось найти всего два фрагмента, а потом он перепишет реальность и сделает меня свободной. Так он это назвал...

Одинцов слушал, надеясь, что Алёнушка выплеснет в исповеди накопившуюся боль и сдастся. Заложники не смели пошевелиться, только отец еле слышно шептал: «Тс-с-с, всё будет хорошо, всё будет хорошо». С соседнего участка доносились хруст ломаемого штакетника и звуки пальбы. Шум приближался, грозя нарушить хрупкое равновесие.

– Тогда я предложила ему собрать всю информацию в одну схему. Так, мол, будет удобней. А потом позвала за город, по грибы. Взяла с собой нож, ну и...

Дальнейшее произошло очень быстро. Алёнушка выхватила из кармана флакон, отломил колпачок вместе с горлышком и вылила содержимое в рот, запрокинув голову резким движением. По комнате растёкся пряный аромат. Женщина скрючилась, хватаясь за живот, с нижней губы свесилась нитка слюны. Распушенные волосы рваным пологом закрыли лицо. А когда она снова посмотрела на участкового, между слипшихся прядей сияли нечеловеческие глаза...

Зрачки стали вертикальными, а радужка и белок – янтарными, почти золотыми. Интуиция подсказала Егору, что трансформация не завершена.

– Бабай был уродом, он заслуживал смерти! И я такой же!

Это я виноват! Уничтожил твою мечту! И сделал бы это снова!

Он попятился к тамбуру, не переставая кричать и размахивать руками. Алёнушка двинулась следом, не сводя с него прожигающего, звериного взгляда. Ноги, всё больше походившие на две колоды, с тяжелым буханьем опускались на пол, оставляя в ламинате глубокие следы. Тело женщины растягивалось в разные стороны, становилось больше, теряя человеческие очертания. Кожа встопорщилась хлопьями, колготки разрезало затвердевшей чешуёй. Каштановые пряди с шелестом скользили по одежде. Вместо них на черепе поднимались роговые пластины, образуя гребень. В тамбур Алёнушка еле протиснулась, с треском разворотив косяк. Крыльцо не выдержало веса туши и проломилось, задержав зарождающееся чудовище на пару секунд.

– Это всё я! Спалил метасказку к едрене фене!

Больше всего на свете Егору хотелось дёрнуть наутёк, но он продолжал отступать, уводя Алёнушку дальше от дома. И только когда чудовище опустилось на четвереньки и подобралось для прыжка, бросился прочь.

Он и сам не понял, как преодолел забор. Как миновал песчаный пляж возле озера, подгоняемый топотом и громким дыханием за спиной. Оглядываться на бегу было страшно, вдруг отвернёшься и не заметишь яму или нору? Но у кромки леса Егор улучил момент и обернулся, после чего припустил сквозь заросли с удвоенной скоростью.

Было невозможно и дальше называть Алёнушку её именем. Шея существа, переставшего быть человеком, растянулась, как гофрированная труба. На плечах проклюнулось ещё две головы, догонявшие первую по размеру. Огромную тушу покрывала жёсткая, похожая на металлическую чешуя, блестящая в лунном свете. Длинный хвост усеивали наросты, собранные на конце в подобие шипастой булавы. Плащ зацепился за гребень на спине и развевался, словно диковинный флаг. Так вот, чью кровь добавили в последнюю склянку зелья! Змея Горыныча!

В лесу бежать стало трудней. Егор путался в зарослях, спотыкался о валежник, едва не подвернул лодыжку, угодив в какую-то рытвину. Чудовище ломилось напрямик, выворачивая кусты и молодые деревца. За спиной раздался рёв, вспыхнул свет, оранжевыми бликами очертив контуры стволов и ветвей. Инстинкт толкнул Егора на землю, заставив всем телом вжаться в подстилку из палой листвы. Под левую руку попалась коряга, о которую он ссадил кожу и ушиб плечо. Зато огненная струя прошла над головой. Одежда мигом просохла. Спине и ногам стало горячо, будто плеснули кипятком. Запахло дымом. Егор заорал от боли и перекатился в сторону, не дожидаясь, пока трёхголовый змей прицелится точней. Листва на деревьях разлеталась искрами, огненные ручейки бежали по траве, оставляя выжженные проплешины. Голые ветки превратились в пылающие факела.

Вскочив на ноги, Одинцов бросился вперёд. Он не знал,

куда бежать, но оставаться на месте было нельзя. Как и возвращаться в посёлок, где находились ни в чём не повинные дачники и друзья, беспомощные по сравнению с огнедышащим монстром. Сзади трещало пламя, тянуло жаром. Змей Горыныч не отставал, лапами и хвостом сшибая преграды с пути. Хребтом почувствовав новый залп, Егор скакнул вправо и укрылся за стволом. Жёлто-оранжевая струя промчалась мимо, дочерна опалив кору. Ему повезло, но удача не бесконечна. Один промах, и он сгорит заживо, за долю секунды скорчившись до уродливой головёшки.

Глаза заливал горячий пот. Дыхание сбилось, Егор не знал, сколько сможет выдерживать темп. Он уже не надеялся скрыться от чудовища. Всё, чего он хотел, – увести оживший кошмар дальше от близких. От Василисы и болтливого Баюна. Хотя бы ещё на двадцать метров. Рычание, плевок. С ёлочного скелета осыпалась сухая хвоя, ствол занялся огнём. От Мороза и Кулмагамбетова, который хоть и ворчал, но никогда не отказывался помочь. Ещё сорок, мышцы жгло, колело в боку. Над головой с хрустом обломилась горящая ветка, но не задела, он сумел поднажать. Головин, такой важный и нелепый со своей дурацкой папкой. Артёмка. Его отец. Больше он их не подведёт...

Неожиданно деревья закончились. Егор подумал, что выскочил на поляну, но та оказалась слишком узкой и длинной, края уходили далеко в темноту. Просека под воздушные линии электропередач! С обеих сторон высились стальные кон-

струкции опор, до ближайшей оставалось метров сто. Может, забраться на неё, отсидеться на высоте? Нет, трёхглавый ящер настолько огромный, что, встав на задние лапы, попросту стащит жертву зубами или смахнёт длинным-предлинным хвостом.

Стоп! А это идея! Егор задрал голову кверху, пытаясь разглядеть натянутые между вышками провода. Но те сливались с ночным небосводом, выдавая себя гудением, слышимым даже с земли. А значит, напряжение по ним подаётся гигантское, не меньше сотни киловольт. Вон и гирлянды изоляторов на перекладинах опор. Рискованный план, всё зависит от воли случая. Однако возможный. По сторонам чудовище не глядит, сосредоточено на цели. А подозрительный звук перебивается треском пожара, да и сам Горыныч двигается отнюдь не бесшумно.

Отбежав на другую сторону просеки, Одинцов сделал вид, что споткнулся и упал. Поднялся на корточки вовремя: Змей Горыныч как раз выбрался из леса. «Вот и сказочке конец» – подумал Егор, поворачиваясь к чудищу лицом и тщательно следя, чтобы стопы оставались сведёнными вместе.

Увидев, что жертва больше не убегает, Змей Горыныч тоже не стал спешить. Полыхавший в лесу огонь подсвечивал переливчатую шкуру с зелёными и чёрными разводами. Да, это его чешуйка валялась среди золы в колдовском лесу. То есть, не его, а настоящего Змея... Брюхо ящера было окрашено светлей, ближе к цвету сушёной мяты. Хвост с костя-

ными шипами на конце беспокожно метался, то скручиваясь в спираль, то распрямляясь и сшибая макушки берёз.

«Давай, подходи ближе» – беззвучно прошептал Егор. Несмотря на жар от огня и высохшую одежду, его трясло крупной дрожью, руки похолодели. Чудовище неторопливо переставляло лапы, оставляя позади полосу смятого бурьяна и взрыхлённой когтями земли. Шеи по бокам изогнулись дугами, а средняя наклонилась и потянулась вперёд, пока здоровенная башка не оказалась на одном уровне с лицом Одинцова. Золотые глаза с вертикальными зрачками смотрели прямо на него. Пятна на радужке шевелились и перетекали, словно расплавленный металл. Это было даже красиво.

«Вот здесь! Хватит, замри!». Чудовище остановилось в рассчитанном месте под проводами. Раззявило пасть, готовясь испепелить врага. Взметнулся хвост, словно готовая для броска кобра...

Взрыв, ослепительно-белая вспышка, искры фонтаном посыпались вниз. Гудение усилилось, в ноздри ударила резкая вонь жжёной резины. Толстый кабель из скрученной проволоки рухнул на землю, рассечённый надвое костяным шипом.

Егор окаменел, боясь пошевелиться. Змея Горыныча будто с размаху насадило на исполинское копьё. Шеи вытянулись, с хвоста, вставшего колом, падали искры. Оборванный провод крутился и скакал по земле, исчезая среди белых вспышек. Горела трава, и даже почва начала плавиться, по-

крываясь спёкшейся коркой, а какие-то частицы в ней раскалились докрасна. «Разница потенциалов» – вспомнил Егор. Из провода в землю уходит ток. А у Змея Горыныча из-за строения тела слишком широко расставлены лапы...

Однако радоваться спасению было рано. В наэлектризованном воздухе волосы встали дыбом, от жужжания и треска закладывало уши. Нарастающий жар облизывал кожу, но бежать было нельзя. Скованный судорогой Змей Горыныч с грохотом завалился на бок. Средняя голова, вытянутая вперёд, едва не сшибла Одинцова, лишённого возможности отскочить. Хвост чудовища, ещё живого, пропахал колею в оплавленном грунте. «Отставить панику! Отставить панику!» – мысленно повторял Егор. Один неудачный шаг – и сквозь тело пройдёт немыслимой силы ток. Вспомнилось, как Миха Новосельцев вешал на стенд приказ информировать население про опасность шагового напряжения. Правила всплыли в сознании до последней запятой, будто Одинцов специально их заучил. Что делать, если электрический провод упал на грунт? Покиньте опасную зону приставным шагом. Отсутствие расстояния между ногами – залог вашей безопасности.

Зона поражения – восемь метров. Не решившись на поворот, Егор попятился спиной вперёд. Осторожно передвинул ступню, не отрывая край подошвы одного ботинка от другого. Повторил движение, медленно, никуда не торопясь... Попасть за Кромку он всегда успеет, к чему спешить... Шаг,

шаг, сердце часто бьётся в груди... Змей Горыныч затих, прикрыв золотые глаза. От дыма щиплет под веками, из горла рвётся сухой, раздирающий слизистую кашель. Огонь близко, но бежать нельзя. Можно сделать ещё один осторожный шаг...

Он почти добрался до леса, когда небо содрогнулось от знакомого подвывающего гула. В небе возникла чёрная точка, быстро увеличивающаяся в размере.

Эпилог

18 октября 2012 г. Четверг, раннее утро.

До работы Егору захотелось прогуляться пешком, несмотря на значительное расстояние. Не из соображений экономии, эти соображения остались в прошлом. Новая должность называлась длинно: руководитель особого отдела по расследованию неочевидных преступлений г. Верхне-Волчанска. Оклад оказался месту под стать, на один ноль больше предыдущего. В качестве бонуса полагалась премия за каждое раскрытое дело. Но в середине октября в город нагрело бабье лето. Такое жаркое, что столбик термометра не опускался ниже пятнадцати даже сейчас, когда солнце едва показалось над крышами зданий. Вот и захотелось воспользоваться щедростью природы.

Улицы были пусты. Тишина стояла удивительная. Редко-редко проезжал автомобиль или мелькал на другой стороне дороги ранний прохожий. Ничто не мешало любоваться рассветом, небом всех оттенков розового и голубого, золотыми бликами на стёклах, невесомыми перьями облаков. Ночью прошёл дождь, дышалось легко. Вдоль Ленинградского проспекта пламенели клёны, в красной с бардовыми прожилками листве чирикали птицы. Благодать.

Из подъезда ближайшего дома вышел мужчина с зажатым подмышкой портфелем, а с ним – трое мальчишек со

школьными рюкзаками, старшему не больше двенадцати. Подросток немедленно разложил самокат, прыгнул на доску и оттолкнулся ногой, набирая скорость. Отец, возившийся с ключами и при этом старавшийся не уронить портфель, крикнул следом:

– Далеко не уезжай!

Голос, показавшийся участковому знакомым, заставил замедлить шаг и присмотреться. Мужчина немолодой, сильно за сорок, среднего роста, грузный. В вельветовой рубашке и коричневых брюках, старых, но чистых и хорошо отглаженных. Судя по неровному загару, большую часть его лица долгое время закрывала борода.

Почувствовав на себе взгляд, мужчина поднял голову и опешил, уставясь на Одинцова в ответ.

– Чув... – в последний момент Егор прикусил язык: не дело называть отца при детях унижительным прозвищем. Но это был он – известный всему отделению сумасшедший бомж, только подстриженный, умытый и приодетый. До сего дня Егор был уверен, что у Чувырлы нет ни дома, ни родни.

– Ждите меня у перекрёстка.

Мальчишки кинулись догонять брата, а Чувырла остался стоять с очень странным выражением на лице. В нём перемешались и боль, и злость, и смирение, и много чего ещё, чему не подобрать слова. Одинцов вскинул брови, не понимая, чем заслужил такую сложную гамму чувств. Внезапная догадка пригвоздила его к земле, не позволив продолжить

путь. Трое детей, оставшихся без матери. И у этих детей, конечно же, был отец, непутёвый муж... Алёнушки.

– Чу... Чудовище?

– Чудище Лесное, Зверь Невиданный, Заколдованный Принц. Как хочешь зови. – Чувырла невесело улыбнулся, показав жёлтые зубы заядлого курильщика.

– У меня не было выбора. Не знаю, что сказать...

Алёнушку не убил разряд в тысячу вольт только потому, что она находилась в теле могучего Змея Горыныча. Если бы она не выпила обратное зелье и осталась простой купеческой дочкой, её бы изжарило за долю секунды. Потерявшую сознание преступницу забрала Баба Яга, толком не объяснив куда. Лишь намекнула, что на границе между Явью и Навью есть особое заведение, где держат фольков, нарушавших законы магического мира. Мысли о судьбе детей Алёнушки Егор гнал от себя изо всех сил. Но они возвращалась. Совесть не объяснишь, что невозможно наказать убийцу-мать, не поломав жизнь ни в чём не повинным детям.

– Ну и не говори. Не мне тебя осуждать. На Алёну часто накатывало: «Ты же принц, сделай что-нибудь!», слёзы, истерики... Вот только принцы у нас в стране закончились в девятьсот семнадцатом году. – Чудище осёкся, прикусив губу. – Опять пытаюсь оправдаться. Я подло поступил, бросив сыновей. Меньшее, что могу сделать – снова стать для них отцом. С конца лета ни капли в рот не беру, на работу вон устроился...

В подтверждение слов Чудище покачал портфелем.

– Ну, удачи тебе, – неловко попрощался Егор.

Каждый отправился своей дорогой. Всё также шумела листва, пригревало солнце, забавно барахтались в луже воробы. Но краски осени Егора больше не занимали. Он растегнул новую форменную куртку, с досадой подумав, что незачем было её надевать. Да и пешком он зря попёрся. Ладно, если б шёл на прежнее место работы, в опорный пункт. Но особому отделу выделили флигель в администрации фольков, до которого идти и идти. Правда, само помещение оказалось удобным, просторным, с собственным входом и парковкой для служебных автомобилей.

Звук балалайки Одинцов услышал ещё у ворот, ведущих на закрытую территорию. А когда поднялся на крыльцо и потянул на себя дверную ручку, к треньканию присоединился звучный голос Ивана-дурака:

В управление подался,

Стал орёл, ни дать, ни взять.

Приходи ко мне, девица,

Заявленье подавать!

Я тебе оформлю дело,

Подпись хошь, а хошь – печать.

И пройдем до кабинету,

Долг гражданский отдавать!

Эх-ма!

Одинцов поморщился, как от зубной боли. Не такой сильной, чтобы идти к врачу, но достаточной, чтобы периодически портилось настроение. Ивана перевели указом сверху. В администрации решили, что особый отдел – не гостиница, его клиентов так просто не отпугнёшь. И посадили Дурака на проходную, записывать посетителей в журнал учёта и отвечать на звонки. Стеклянная будка, соединённая с вращающимся турникетом, при новом хозяине преобразилась. В углу появился веник из колосьев и сушёной травы («Оберег, не трожь!»), над входом повисла подкова («На счастье!»), на тумбочке разместился электрический чайник с чёрной эбонитовой ручкой, лежала стопка журналов про рыбалку («Зимой на омуля пойду»). Густо пахло луком и копчёной колбасой.

– Здоров будь, начальник! Ты сегодня раньше всех, – обрадовался Иван, завершив выступление затейливым соло.

– Доброе утро. Лапти убери.

Иван с готовностью опустил ноги на пол. Но Одинцов ни минуты не сомневался: очень скоро он забудет о просьбе и снова примет любимую позу.

И точно – стоило руководителю исчезнуть в кабинете,

лапти со стуком опустились на столешницу, а балалайка заиграла развесёлый мотив.

Вздохнув, Одинцов поднял жалюзи на стеклянной перегородке, отделявшей его закуток от общего пространства. На рабочем месте Баюна царил бардак. Сам Кот называл его творческим беспорядком и ревностно оберегал от посягательств уборщицы. Но роза, как известно, пахнет розой... Выстроились гурьбой чашки с потёками кофе, жирно лоснилась обёртка от шавермы, рядом валялись исписанные и исчёрканные бумажки, выданные из блокнота. Стол, принадлежавший Андрею-солдату, выгодно выделялся на фоне соседа образцово-показательной чистотой. Но точно такая же чистота царила в голове подчинённого, в чём Егор успел убедиться. Ох, работнички... Ни одного крупного дела к ним пока не поступало, но затишье не может длиться вечно.

А вот стол Головина радовал глаз гармонией между хаосом и порядком. С фотографии у монитора улыбались дети Пал Саныча. Цвёл суккулент в керамическом горшке, на подстеленной салфетке высилась горка леденцов и ирисок «Кис-Кис». На клавиатуру приклеился стикер со списком задач, большая часть которых была помечена галочкой. Свежие заявления Головин просмотрел ещё вчера, и теперь они ждали своего часа в трёх разноцветных папках: в красной для дел, представляющих интерес, в синей для сомнительных, в жёлтой – для принадлежавших авторству однозначных психов. Верхне-Волчанские сумасшедшие быстро про-

знали об отделе и решили, что его открыли специально для них. Старичок, изгнанный из опорного пункта Бабой Ягой, проторил новую дорожку и на днях подал первое обращение: «Доношу до вашего сведения, что на лестничной площадке возле моей квартиры появилось кашпо с фиалками. Вероятно, оно установлено террористами и заминировано, так как в ходе опроса никто из соседей не признал цветок своим имуществом».

Показался Головин. Одинцов включил компьютер и снял куртку, после чего вышел в зал поздороваться.

– Приветствую, Пал Саныч!

– Доброго утрачка, Егор Константиныч!

Головин, насвистывая в усы что-то мажорное, выкладывал из портфеля приготовленный женой обед: термос с супом, большой контейнер со вторым, маленький с нарезанным на дольки огурцом, а за ним – замотанную в пищевую плёнку горбушку хлеба. Главным недостатком администрации фольков было отсутствие столовой. Ну да ничего, в офисе организовали уголок с кофеваркой, микроволновкой и холодильником. Можно прожить.

Тем временем Головин повесил китель на спинку стула, собрал в стопку документы, постучав для ровности по столу, сверху водрузил фуражку. Каждое действие было исполнено неспешной основательностью. Егор в очередной раз порадовался, что переманил ценного сотрудника в штат, несмотря на сопротивление начальства, не желавшего увеличивать

число посвящённых. Одинцов убедил князя, что выделенные на отдел зелья, амулеты и артефакты – это хорошо. Но они не заменят житейскую мудрость, многолетний опыт и знание людей. А всеми этими качествами Пал Саныч безусловно обладал.

Битва с големами и появление Змея Горыныча едва не разоблачили тайну общины. Слишком много людей воочию убедилось в существовании магических существ. Баба Яга прилетела вовремя и вызвала на подмогу Кощея с ведьмой Наиночкой. Даже их могущественной тройке пришлось постараться, чтобы изменить память участников событий, после чего придать истории нужное освещение в начальственных кругах. По официальной версии в СНТ «Яблонька» силами Верхне-Волчанской полиции была задержана вооруженная банда, распылившая в посёлке опасное химическое вещество. Именно эта банда несла ответственность за убийства, всколыхнувшие провинциальный город. Согласно документам, задержанных отправили в Анадырь, где их разыскивали за более ранние преступления.

История дошла аж до Москвы, где героизм верхне-волчанцев решили поощрить. Всем участникам дачной битвы выплатили премии, кто получил повышение по службе, а кто и внеочередное звание. Автомобильный парк пополнился двумя новыми Фольксвагенами отечественной сборки. Хотя Егор и подозревал, что за машины надо благодарить вовсе не столичное начальство.

– Мороз на выходных в баню к себе зовёт, звёздочки обмывать. Поедешь?

– А как же! – охотно согласился Одинцов.

Поговаривали, Алексея Юрьевича Морозова, теперь уже подполковника, поставят возглавлять всё районное подразделение. А верховодить участковыми останется его зам. Мужик, в общем, неплохой, но до Мороза ему далеко. Может, потому Головин и согласился перейти в новый отдел? В конце девяностых Пал Саныч работал следователем в Томске. Но после какой-то неприятной истории перевёлся с понижением в Верхне-Волчанск. В их команде, собранной под девизом «С бору по сосенке», только он и считался настоящим специалистом. Если отдел себя зарекомендует и штат увеличат, Одинцов к нему в пару ещё и Кулмагамбетова заберёт.

Единственный человек, на которого не излился служебный рог изобилия, был Миха Новосельцев. Его уволили по статье за утерю табельного оружия и завели уголовное дело.

– Этим я сам займусь. – Вытащив из стопки красную папку, Егор убрался к себе в кабинет.

Ровно в восемь тридцать у вертушки показался Андрей-солдат, гаркнувший «Здравь желаю!» с таким энтузиазмом, что в перегородке задрожали стёкла. Баюн, как обычно, на работу не спешил. Но он же завёл привычку задерживаться в отделе по вечерам, потому Егор закрывал глаза на вечные опоздания.

Так, что тут у нас... М-да, не густо. Если эти дела угоди-

ли в красную папку, страшно представить, что творилось в жёлтой... Егор хмыкнул, дойдя до строк: «Прошу взыскать с моей соседки-ведьмы компенсацию за моральный и материальный вред, а также прекратить её дьявольскую деятельность через астрал». Официального стиля автор придерживался недолго, в следующем абзаце доверительно сообщив: «Все знают, что Галька – ведьма, да сказать боятся. А я не боюсь. Что мне её колдунство, я жизнь прожила». В качестве доказательств приводилось отсутствие молока у дойной коровы. И то, что сын подательницы заявления стал погуливать от жены, уединяясь с этой самой Галькой в гараже.

Егор со вздохом потёр лоб. Понятно. Чуть собачья, но каждая заявка должна быть отработана. К тому же, ведьмы действительно существуют. А значит рано или поздно в потоке бреда мелькнёт указание на настоящее преступление.

Следом шла записка от Старого Филина: «Библиотеку обокрали!». Одинцов снова вздохнул и покачал головой. Травма, полученная архивариусом, не прошла без последствий. Филин выздоровел, вернулся в администрацию и даже сохранил способность цитировать сколь угодно замшелые свитки. Однако стал мнительным и пугливым. Посетителей принимал строго по одному, на ночь запирался изнутри, а в верхнем ящике стола вместо карандашей и скрепок теперь хранил перцовый баллон. Но хуже всего, если Филин в течение пяти минут не находил какой-нибудь документ... Вопли, паника, звонки в пять утра. Первый раз Егор отреагировал

мгновенно, обнаружив искомую папку в щели между шкафом и стеной. Во второй раз один листик слипся с другим, в третий – лежал на самом видном месте. Филин рассыпался в извинениях и клялся больше не дёргать людей по пустякам. Но хватало его решимости ненадолго...

В девять ноль-ноль состоялась планёрка, отдел разбежался по адресам. Людей не хватало, а сам Одинцов не горел желанием киснуть в кабинете. Потому за старшего остался Головин, в силу возраста не рвавшийся на полевую работу.

За день Егор так замотался, что едва не опоздал в ресторан «У Ваню», где заказал столик на семь часов. После взрыва на Молодёжной, штрафа и воспитательной беседы, проведённой в жёсткой форме, Ваню Хуцишвили отказался от газовых баллонов. Построил на заднем дворе печь-тандыр и обновил меню. Гости перемены оценили. Даже в четверг столик приходилось бронировать заранее, а по пятницам «У Ваню» и вовсе яблоку было негде упасть. Егор с Василисой часто сюда заглядывали, занимая одно и то же место на веранде, пока позволяла погода.

Сегодня Егор пришёл первым. Поздоровался со знакомым администратором, устроился в любимом уголке и углубился в меню, решив заказать мясо сразу, не дожидаясь подруги. Готовится оно долго, чего время терять? А её вкусы он успел изучить. Так, себе бараньи рёбрышки, Василисе стейк из зубатки.

Определившись с выбором, Одинцов поискал глазами

официантку, но внезапно наткнулся на Светлану. Ого. Сегодняшний ужин грозил напомнить о первой встрече с Василисой больше, чем предполагалось. Одно радует – Храбрый Баран свидание не прервёт. Упрямое животное определили на постой в Знаменку, в разросшееся хозяйство Галины Михайловны. Деньги за убитого Хосю старушке так и не вернули, Баба Яга билась насмерть за каждую копейку. Зато компенсировали ущерб натурой, привезя двух поросят и Храброго Барана, с которого можно, как оказалась, стричь замечательно густую целебную шерсть. Уход фольку понравился, сбегать он не планировал.

Но потом Егор обратил внимание на одежду Светланы: белая блузка, коричневый фартук, обувь вроде чешек, вовсе без каблучков. Форма официантки. Похоже, родители одноклассницы выполнили давнюю угрозу и отправили дочь на работу. Светлана, закончившая заочный факультет мелкого коммерческого института, долго избегала пугающей участи. Заверяла родителей, что вот-вот выйдет замуж, начнёт своё дело или уедет в Москву, прямо сейчас куда-то устраиваться смысла нет. Но фиаско с женатым Олежиком истощило терпение семьи. Странно... Три месяца назад Егор ощутил бы злорадство, а теперь ему было всё равно. Совсем. Ну разве что немного посочувствовал девушке. Работа с непривычки сложная, весь день на ногах.

Светлана тоже его заметила и растерянно замерла. А потом принялась шептаться с другой официанткой, бросая в

сторону бывшего возмущённые взгляды. Наверное, просила приятельницу поменяться столиками.

– Привет! – Василиса чмокнула Одинцова в щёку и плюхнулась на стул напротив. – Фу-у-ух... Я голодная, ужас. Опять не успела пообедать.

– А что случилось? – встревожился Егор, пододвигая де-вушке второе меню.

– Ты не слышал? Велесова ночь скоро. Также известная как Самайн. Администрация на ушах. Грань между мирами истощится, надо подготовиться. А то бывали инциденты.

Егор сочувственно цокнул языком, водя пальцем по гладкой странице с перечнем салатов. Овощной из бакинских помидоров или посытнее, с баклажаном и сыром? Потом спохватился:

– А почему нам не сообщили? Я правильно понял, что обстановка в это время будет... криминогенной?

– Вот, сообщаю. И да, ты прав.

– Организую круглосуточное дежурство. И ночью патруль по городу пуцу.

Егор побарабанил пальцами по скатерти, прикидывая, как лучше распорядиться немногочисленным штатом. Хорошо бы ещё Алексея Юрьевича предупредить... Так, мол, и так, согласно агентурным данным в городе ожидаются беспорядки, рекомендуем усилить бдительность на местах. Жизнь фольков и людей слишком тесно переплелась. Всё, что происходило на одной стороне, незамедлительно отражалось на

другой.

– А территориально это всё будет как-то ограничено? Есть опасные зоны? Где граница и без того тонкая, например.

К столику подошла официантка, разговор пришлось прервать. Егор продиктовал свою половину заказа. Пока Василиса уточняла свою, он перевёл взгляд на вид, открывающийся из ресторана. Вдали, в просвете между домов блестела на солнце река, взъерошенная мелкой сердитой рябью. Кроны деревьев на том берегу, до сих пор густые, являли миру всю гамму осенних цветов, от охры до рубина. Воздух к вечеру стал особенно чист и прозрачен, в запах свежести вливалась горечь облетевшей листвы и переспелых, упавших на газон и забродивших яблок-дичков. Пышная мантия винограда на решётке веранды приобрела оттенок королевского пурпура. Под листьями скрывались тонкие красные веточки, обсыпанные тёмно-синими ягодами. Егор сорвал одну и принялся катать на ладони. Ягода оказалась мягкой, немного липкой от сока.

– Егор, – Василиса накрыла его руку тёплой ладонью. Виноградина спряталась под их сомкнутыми пальцами, словно жемчужина в створках устрицы. – Мы с Бабой Ягой всё думаем, как быть с нашей... проблемой.

Егор усмехнулся и покачал головой, не желая портить ужин грустными мыслями. Да, Василиса была фольком, а он – обычным человеком, которому по меркам магических существ отмерено всего ничего. Но старость наступит не сего-

дня и не завтра. Хорошо было сказано в какой-то книге: живи, пока живётся. Но девушка не успокоилась:

– Бабушка предложила интересную идею. Ты тоже должен стать фольком. Пусть слабым и лишённым магических умений, но это приблизит нас друг к другу хотя бы на шаг.

– Это как? – опешил Егор.

– Ты ведь тоже можешь стать героем книги. Фэнтези или не знаю... детектива. Если однажды твой образ поселится в воображении незнакомых с тобой людей, ты можешь превратиться в фолька. Ну и бабушка чуток подсобит.

– Да кто про меня напишет?

– Найдём кого-нибудь, – успокоила его Василиса.

Принесли закуски и чай. Город незаметно укутали сумерки. На террасе зажглась гирлянда, на столиках появились свечи в керамических плошках, жёлтые огоньки плясали на ветру. Кто знает, чем обернётся будущее. Но прямо сейчас их ждёт чудесный вечер, а за ним – волшебная ночь.